

ПРОСВЕЩЕНИЕ СИБИРИ

— ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ —
ОБЩЕСТВЕННО - ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
— ЖУРНАЛ —

Орган Сибирского Краевого Отдела Народ-
ного Образования и Сибирского Краевого
Отдела Союза Работников Просвещения.

№ 3
М а р т
1926

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ.

СИБИРСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК

Отпечатано в ти-
пограф. Сибкрай-
союза, г. Новосиб.,
Советск. ул., д. № 6,
в колич. 2500 экз.
Сибкрайлит. № 556
от 11 марта 1926 г.
Заказ № 1839.

ОБЩИЙ ОТДЕЛ

Г. Вейсберг.

Очередные вопросы.

(К 1-ой сессии Краевого Методического Совета).

20-го марта открывается первая сессия Краевого Методического Совета. На обсуждение этой сессии поставлены наиболее острые вопросы, на которые места с тревогой и волнением ждут авторитетного ответа. Еще совсем недавно методические вопросы в практике советского просвещения не занимали такого места, которое уделяется им в настоящее время, когда большинство просветительных учреждений всей нашей системы образования получили свое организационное оформление. Внутреннее содержание работы, методы ее, достижения и результаты, и то, что теперь принято и в области культурной работы называть «качеством продукции» — вот вопросы, которые являются вопросами следующего дня, вопросами наиболее острыми, животрепещущими, вопросы, над разрешением которых бьется, и очень успешно, ищущая новых путей советская педагогическая мысль. Для всякого просвещенца вопросы методические, вместе с *новым* внутренним содержанием работы — самые основные. Они захватывают все его нутро и заставляют его расти, двигаться вперед, не отставать от быстрого в нашу революционную эпоху бега времени. Творческое начало коренится в самой природе просветительной работы. Сколько программ, какое количество методов, как много педагогических мероприятий было выдвинуто в первые годы революции местами. В этих исканиях, в этом программном и методотворчестве было много ценного, но и достаточное количество ненужного; в пруде всего этого материала можно было найти немало перепевов старых мотивов на новый лад. Естественно, что весь этот поток творческих усилий настойчиво требовал организации, требовал определенных форм выражения и идеологического руководства, направляющего всю эту массовую творческую работу в русло советской педагогики. Программы Государственного Ученого Совета или, как теперь их привыкли называть все — «программы ГУС'а» явились тем спасительным маяком, который помог массовому учительству направить свои искания по правильному пути и не сбиваться в сторону от трудовой школы. Педагогическая мысль получила свое направление и стала организовываться в соответствии с той установкой, которая была дана ГУС'ом; как самая верная, научная и отвечающая тем задачам, которые ставят себе трудящиеся массы в советском государстве. Программы ГУС'а для массовой школы были первым шагом по осуществлению идеологического руководства советским элементарным образованием; за этим шагом последовали другие.

В настоящее время идеологическое руководство охватывает все виды просветительной работы и осуществляется ГУС'ом через методические органы на местах. Краевой Методический Совет, окружные методические бюро и районные методические комиссии — вот те инстанции, по которым проходит

весь необходимый для работы непосредственных учреждений материал. Нельзя составить в центре программу, которая бы удовлетворяла все районы громадной страны. И естественно—географические, и климатические, и экономические, и бытовые условия настолько разнообразны, что, конечно, трафаретной программы для различных мест создать нельзя. Программа, об этом можно уже и не говорить, об этом знает всякий просвещенец, должна быть приспособлена к местным условиям, насыщена краеведческим материалом. Таким образом, творческой работе просвещенца есть где развернуться. Массовые просветительные учреждения в процессе своей работы собирают местный материал, районные методические комиссии подвергают его первоначальной проработке, окружные методические бюро систематизируют весь материал, подвергают его обработке и посылают его в краевой методический центр для окончательного его оформления и дальнейшего использования местами.

В нашем крае организация методической работы начинает только налаживаться. После окончания работ по районированию Сибири на местах, за исключением бывших губернских центров и нескольких уездных, никаких твердых организационных форм методической работы не было. Удовлетворительно была поставлена работа в Томске, Омске, Кузнецке, Новосибирске, отчасти в Бийске, Красноярске и Барнауле. Но в общем везде работа шла какими то толчками, неровно, без какого либо твердого плана, без достаточного (благодаря целому ряду объективных обстоятельств) руководства. После создания Краевого Отдела Народного Образования и его Методического Совета вопросы организации методической работы получили свое оформление, установлена связь с местами и не только с окружными (окрметодбюро) и районными (через окроно), но и с непосредственными учреждениями путем дачи определенных заданий по разработке отдельных методических или организационно-педагогических вопросов. Система таких заданий вполне себя оправдала. Места живо откликаются и посылают свои проекты методических писем, инструкций, положений, составленных на основе своего опыта индивидуально или коллективно. Так, например, Куйтунская школа, Иркутской губернии, прислала проект методического письма: «Как устраивать музей местной природы, хозяйства и быта в школе 1 ступени», проект методического письма: «Как устраивать стенную газету в школе 1 ступени». Эта же школа прислала проект письма для «настойной книги сельского учителя», которую думает издать Краевой Методический Совет; письмо это составлено на тему: «Предметы домашней утвари, сельского хозяйства и природы, могущие быть использованы в качестве наглядных и учебных пособий в школе 1 ступени». Алексеевская районная школа прислала проект следующих писем: «Как организовать и вести работу детской кооперации», «Как самому учителю составлять рабочий план», «Как самому учителю вести самоподготовку». Можно было бы перечислить много присланных местами проектов методических писем; мы взяли первые попавшиеся нам на глаза. Но и по ним видно (по одним даже названиям), что порядок, принятый Крайметодсоветом, является чрезвычайно целесообразным, и что он не только пробуждает к творческой работе места, не только стимулирует их интерес, но и дает краевому центру не академический, а живой, взятый из непосредственного быта материал.

Основным вопросом в практике наших просветительных учреждений является вопрос о создании рабочего плана, соответствующего целевой установке и местным условиям каждого типа учреждения (школы 1-й ступени сельской, городской, семилетки, 2-й ступени, избы-читальни, ФЗУ, техникума и проч.). Рабочий план Сибирского Методического Совета, изданный в 1925 году и переработанный на основе учета опыта применения его в раз-

личных округах края, будет предметом обсуждения на предстоящей сессии, как один из самых серьезных вопросов организации общественно-педагогической работы в нашей массовой сельской школе. Образовательный материал и те формальные знания и навыки, которые должны получаться в процессе школьной работы, не могут и не должны быть самоцелью, а—лишь средством к приобретению тех качеств, которые необходимы для *активного* советского гражданина в сибирской деревне, ориентирующегося и в политической обстановке страны и в ее хозяйственных вопросах и представляющего перспективы дальнейшего ее развития; мало этого, приобретение в процессе общественно-полезной работы школы навыков организатора является необходимым условием правильного разрешения задачи трудовой школы. Этим требованиям должен отвечать сибирский вариант ГУС'овской программы, этим качеством должны обладать и местные рабочие планы, построенные на основе нового сибирского варианта. Также остро стоит вопрос и о городской школе 1-й ступени, о семилетке, о школе II-ой ступени, особенно о 2-ом ее центре. Все перечисленные учреждения нуждаются в своем рабочем плане. Эти вопросы также будут поставлены на сессии, но не в форме готовых материалов, а в порядке заданий местам для предварительной проработки и окончательного оформления Краевым Методическим Советом ко 2-ой (осенней) сессии Совета.

По линии политико-просветительной работы вопрос о создании рабочего (ориентировочного) плана для избы-читальни был уже предварительно разрешен Краевым Методическим Советом. Некоторые места уже имеют опыт работы по этому плану. В задачу сессии войдет не только рассмотрение этого схематического плана, но и возможная переработка его на основе учета опыта. Ведь нельзя рассматривать избы-читальню, как учреждение, которое без руля и без ветрил, без определенного плана, без какой-либо целевой установки ведет свою работу. Изба-читальня не столько справочное бюро, сколько организационный центр политико-просветительной работы в деревне. Основная ее цель—группирование вокруг нее деревенского актива и втягивание через этот актив остальной массы крестьянства, для поднятия общего культурного и общественно-политического его уровня; кроме того, изба-читальня должна стимулировать—индивидуальную и, главным образом, коллективную кооперативную хозяйственную деятельность крестьянской массы. В свете этих задач рабочий план, рассчитанный на осуществление стоящих перед избы-читальней целей, является необходимой предпосылкой правильной, рационально поставленной ее работы. Рабочий план не должен быть простым и сухим перечнем вопросов, которые должны быть в избе-читальне поставлены или проработаны; его внутренняя сущность должна быть направлена к тому, чтобы вопросы вытекали из субъективных потребностей крестьянского, средняцкого и бедняцкого актива и объективных условий сельского района, перспективных возможностей его хозяйственного и культурного развития. В области нашего профессионально-технического образования, главным образом, педагогического и сельско-хозяйственного, мы до настоящего времени не имеем унифицированных программ. Пестрая картина, которая наблюдается в этом отношении (и не только в нашем крае!), является результатом отсутствия твердых программ этих учебных заведений. Унификация по педагогическим техникумам и по сельско-хозяйственным—настоятельная задача ближайшего времени. Здесь чрезвычайно важно обратить внимание на то, чтобы отношение того или иного программного материала к тому или другому типу учреждения, зависело от той целевой установки, которую имеет данный тип учебного заведения. Нельзя, например, обществоведение строить одинаково в сельско-хозяйственном техникуме и педагогическом. И там и здесь нужно

иметь в виду, что нужно знать и как нужно изучать общественные явления общественнику-агроному или общественнику-просвещенцу.

Основным моментом, тормозящим развитие советского просвещения, является недостаточная квалификация нашего массового работника. Вопросы переподготовки просвещенцев, вопросы повышения квалификации их,—это основные вопросы, которые не будут сняты с очереди, еще в течение целого ряда лет. Эти вопросы стоят и на сессии Краевого Методического Совета. Мы полагаем, что курсы, краткосрочные летние курсы для *массовика-просвещенца* уже утратили то значение, которое они имели раньше. Теперь наступило время серьезной, длительной работы просвещенца над самим собой или с помощью коллектива (кружка), или (в сибирских условиях это допустимо, так как расстояния не позволяют частых приездов) индивидуально, но обязательно под руководством районной методической комиссии и окружного методического бюро. Учет этого опыта местами и общее руководство Краевого Методического Совета обеспечат успех этой форме повышения квалификации наших сельских товарищей. Курсы должны быть сохранены для опорников, как организаторов низовой методической работы и инструкторов массовых просветительных учреждений. Выдвинутая нами целевая установка этих курсов должна определять и принципы построения программ и содержание их. С этим вопросом тесно связан вопрос и о повышении квалификации нашей районной и окружной инспектуры. В течение 1926 учебного года мы не будем иметь возможности создать каких-либо специальных курсов для районной и окружной инспектуры. Нам мыслится, что наиболее целесообразной формой повышения квалификации инспектуры будет непосредственное участие на курсах по переподготовке организаторов низовой методической работы — заведывающих опорными пунктами и, кроме того, активное участие инспектуры в работах районных методкомиссий, окружных методбюро и на всех конференциях района и округа.

В отношении просвещенцев нацменьшинств необходимо, помимо указанных форм, применять более широко, чем в отношении наших массовых учреждений,—институт практиканства, прикрепление слабых работников к опорным пунктам на более или менее продолжительный срок, с возложением на них определенных функций.

Наши просветительные учреждения работают недостаточно хорошо не только потому, что массовый просвещенец, находящийся в них, недостаточно квалифицирован; не только потому, что большинство учреждений не имеет спальных и мало-мальски хорошо оборудованных помещений, но и потому, что в этих учреждениях нет достаточного количества учебников и учебных пособий. Новая школа требует новых учебников. Но этого мало—учебник должен соответствовать специфическим особенностям края, округа, района, деревни. Конечно, сразу это сделать трудно. Трудно каждой школе создать учебник. Да и нужно ли это? Не достаточно ли иметь один хороший (для каждой группы) краевой учебник, который был бы основным пособием? Каждая школа могла бы тогда собирать в процессе работы свой местный производственный краеведческий материал и, по использовании его, посылать в районную методическую комиссию. Последняя, по предварительному отбору—в окружное методическое бюро, где весь этот материал должен подвергаться обработке, систематизации. Таким образом, будет создаваться основа для рабочей книги (в дополнение к краевой) данного округа. Все эти собранные окружными методическими бюро материалы должны концентрироваться в Краевом Методическом Совете, где они получают окончательное

оформление и, таким образом, составят серию краеведческой библиотеки, необходимой для каждой школы, для каждого просветительного учреждения края. Конечно, в эту серию должен будет попасть не случайный местный материал, а основной, рисующий многообразную природную, хозяйственную и бытовую жизнь края.

Сибирь велика и многообразна в своем однообразии. Большой интерес представляют северные народности Сибири, ее аборигены. Эксплуатируемые в старое время царским правительством и хищниками-торговцами, эти многочисленные племена постепенно вымирали. В настоящее время северных народностей не так много. Но с укреплением советской власти жизнь этих народностей совершенно переменялась. Политика партии и советской власти этих полурабов превратила в свободных граждан, могущих развивать свой язык и свою культуру. Наша задача—помочь этим народностям приобщиться к советской культуре и развивать свою. Мы не могли обойти туземцев севера. Наша обязанность, наш долг—помочь им. На 1-й сессии Методического Совета среди основных вопросов имеется и вопрос о программе для нацменьшинских школ северных народностей. Своеобразная социально-экономическая природа их бытия, естественно-географические условия и быт должны найти свое отражение и в программе этих школ. Рассмотрение и утверждение этих программ явится краеугольным камнем молодой культуры северных народностей.

Кроме всего этого, сессия займется рассмотрением отдельных программно-методических вопросов. Нужно надеяться, что 1-ая Краевая Методическая Сессия поставленные вопросы разрешит и двинет, таким образом, дело просвещения в громадном, но отсталом в культурном отношении крае, вперед

Леший.

Наши задачи.

«Мы нищие и некультурные люди. Не беда, было бы сознание того, что надо учиться. Было бы ясное понимание того, что рабочему и крестьянину учение нужно теперь не для принесения пользы и прибыли помещикам и капиталистам, а чтобы улучшить свою жизнь». **Ленин.**

Дальнейший рост народного хозяйства нашей страны, темп его развития и укрепления, в значительной степени зависят от грамотности населения, от культурного и политического уровня рабоче-крестьянских масс. Чем шире и глубже удастся нам развить работу по ликвидации азбучной и политической неграмотности в массах города и деревни, тем быстрее будут двигаться наша промышленность и сельское хозяйство по пути социалистического строительства.

В последние два года наше народное хозяйство далеко двинулось вперед по пути своего развития и укрепления. Мы подходим к довоенной черте, через которую в текущем году перешагнем. Рабочие и крестьяне знают, что успехи в хозяйственном строительстве добыты без материальной помощи из-за границы, добыты силами и средствами советской страны. Рабочие и крестьяне понимают, и на себе испытывают,—как трудно строить новое хозяйство и новую жизнь при колоссальной неграмотности нашего населения, при низком культурном уровне и технической отсталости нашей страны.

Но другого, более легкого, пути нет. Денег, на выгодных для нас условиях, капиталисты нам не дают. Они требуют уплаты 70 миллиардов царских долгов. Если бы советское правительство согласилось на это, пожалуй, лет на десяток пришлось бы трудящимся СССР положить зубы на полку. Это невозможно, так же, как невозможно в 1-2 года превратить Союз Советских Республик в высоко-культурную страну. Будем строить хозяйство своими силами. А в части культурной работы будем придерживаться и выполнять завет В. И. Ленина: «Политически победить можно в эпоху обострения кризиса в несколько недель. На войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя; по самому существу дела тут нужен срок более длительный, и надо к этому более длительному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность. Без этих качеств даже и приступать к политическому просвещению нельзя. А результаты политического просвещения можно измерить только улучшением хозяйства».

Ленин говорил здесь о политическом просвещении, а мы ведем речь о ликвидации неграмотности и культурной работе. Но ведь аполитического просвещения не было и нет. Ни один сознательный и мало-мальски политически грамотный человек не может сказать, что царская школа не имела, а школа

в других буржуазных странах или в советской республике не имеет связи с политикой. Аполитичность просвещения—это буржуазная ложь. Работа школы, избы-читальни и ликпункта у нас есть значительная часть политического просвещения.

Тяжело нам строить новое народное хозяйство. Не легко дается азбучная и политическая грамотность. Но все же мы двигаемся вверх по лестнице, с одной ступеньки на другую. За последние три года по СССР обучено грамоте 8 миллионов взрослых крестьян и рабочих. С каждым годом увеличивается сеть детских школ. В 1933 году нам удастся осуществить всеобщее обучение. Постепенно улучшается работа изб-читален, красных уголков, библиотек, клубов и других политико-просветительных учреждений.

Параллельно с развитием грамотности развиваются и культура и техника в нашем народном хозяйстве. Грамотность, культура и техника ведут за собой увеличение производительности труда на фабриках и заводах, а также в сельском хозяйстве. Грамотность заставляет крестьянина переходить к новым формам и способам ведения своего хозяйства. Грамотный крестьянин обращается за советом к агроному, протравливает семена, начинает кормить скот по норме, переходит к паротравополью, приобретает машины. В свою очередь машина и желание сделать свое хозяйство более доходным вызывает у крестьян стремление учиться.

В культурном отношении Сибирь еще более отсталая, чем другие части Советского Союза. Но и в Сибири теперь есть порядочное количество крестьян-культурников, которые перестали возлагать надежды в смысле урожая на бога. Они больше соображают насчет сельско-хозяйственных машин, улучшенных сортов семян, породистого скота, газет и книжек. Количество крестьянских хозяйств, обрабатывающих землю машинами и ведущих свое хозяйство культурными способами, с каждым годом растет. В связи с этим увеличивается не только валовая продукция сельского хозяйства Сибири, но и средняя урожайность хлебов с десятины.

В среднем, десятина, засеянная яровой пшеницей, дала: в 1921 году—21 пуд, в 1922 году—35 пуд., в 1923 году—36 пуд., в 1924 году—46 пудов, в 1925 году—60 пудов. Увеличивалась урожайность и других культур. Сельско-хозяйственных машин продано в Сибири Сибгоссельскладом и Сельмашем: в 1923 году—8.700 штук, в 1924 году—31.000 штук, в 1925 году—78.000 штук. В Сибирь стали продвигаться не только плуги, сеялки, жатки и зерноочистительные машины, но и тракторы. В 1924 году продано 3 штуки тракторов, в 1925 году—113 штук, а в 1926 году получается на Сибирь 630 штук тракторов. Крестьянин понимает, что без грамотности на тракторе далеко не уедешь. Поэтому он или уже учится, или хочет учиться сам, добивается грамотности своих детей.

Школ в городе у нас не хватает. В каждом городе Сибири часть детей школьного возраста пока еще остается за бортом школы. Но в городах по части просвещения дело обстоит куда лучше, чем в деревне. В деревне из сотни ребят в возрасте от 8 до 11 лет охвачено школами 1-й ступени всего 29 человек. 71 человек—за бортом школы. Неграмотных взрослых людей от 17 до 35 лет по Сибири насчитывается около полуторых миллионов человек. В 1-2 года всех не обучить даже при напряжении: всех сил и советской власти и советской общественности.

Детская школа 4-ой ступени, ликпункт, изба-читальня, красный уголок и библиотека—вот культурные кузницы в деревне, в которых выковывается новый человек. Эти культурные учреждения, управляемые армией просвещенцев, прямо и косвенно содействуют перестройке сельского хозяйства и кре-

стьянской жизни вообще. От того, насколько правильно будут работать эти учреждения, зависит успех в новом строительстве. А правильность работы зависит от многих причин: от реальности директив работникам этих учреждений со стороны вышестоящих органов, от умения работников провести в жизнь полученные директивы, от наличия материальных и других возможностей, от контакта в работе этих учреждений с населением и между собой.

Все, только что перечисленные, учреждения занимаются начальным образованием крестьянского населения. На начальное образование трудящихся, и особенно крестьян, В. И. Ленин все время своей жизни и деятельности обращал главное внимание. Поголовная азбучная и политическая грамотность крестьян и рабочих—это то, что нам нужно в области народного образования в первую очередь, так как советская власть построена на участии в управлении страной масс трудящихся. На эти массы советская власть и опирается в своей работе. А грамотные крестьяне и рабочие—куда надежнее опора по сравнению с неграмотными.

Сознательное стремление крестьянства к грамоте непрерывно растет. Школьная сеть у нас в Сибири мала. Государство не может в один год развернуть такое количество школ, которого хватило бы для всех детей школьного возраста. Не хватает и сил и средств. Сознывая это, крестьяне идут на помощь государству. Дополнительно крестьяне многих тех деревень и поселков, в которых нет школ, предлагают открыть школу за свой счет целиком или частично при поддержке государства.

По Новосибирскому округу, например, в 1925 году предполагалось по плану построить 19 сельских школ. Выдано из фонда школьного строительства 12.000 руб. 27-ми обществам. Фактически построено в 1925 г. 60 сельских школ. Но открыто из них только 23 школы. Остальные 37 школ стоят на замке потому, что не выдерживает бюджет и не хватает учителей. В 1926 году в окрОНО уже поступило 33 новых заявлений с просьбой разрешить этим обществам построить школы при небольшой поддержке средствами от строительного фонда при отпуске леса из государственного лесного фонда. Некоторые общества хлопочут второй год и все-таки своего добьются.

Мне нередко приходится раз'езжать по деревням с целью обследования всякого рода просветительных учреждений. При последней поездке по Ояшинскому району, Новосибирского округа, особенно отрадное впечатление произвела на меня работа ликпунктов ОДН и РИК'а в небольших деревнях и поселках. Новосельский совет объединяет 8 поселков. До сих пор в этих поселках нет ни школы, ни избы-читальни, ни библиотеки, ни красного уголка. В текущем учебном году открыто для восьми поселков 5 ликпунктов: 3 за счет окр. ОДН и 2—за счет РИК'а.

Посещаемость каждого ликпункта колеблется от 17 до 37 человек. Обучаются в возрасте от 14 до 20 лет. Есть по несколько человек подростков от 12 лет и в возрасте до 35 лет. В некоторых ликпунктах, наряду с мальчиками-подростками и взрослыми крестьянами, учатся и девушки и пожилые женщины. В поселке Вознесенском в члены сельсовета избрали женщину, обучающуюся на ликпункте. Ликпункты в этих поселках являются маленькими культурными очагами, вокруг которых объединяется лучшая деревенская молодежь и взрослые.

Поселковые ликпункты, во главе с ликвидаторами неграмотности, занимаются не только ликвидацией азбучной неграмотности,—они участвуют во всей общественной жизни своего поселка: проводят громкие читки газет, проводят общие беседы по интересным для крестьян вопросам, ведут работу по распространению газет и книжек, организуют советскую общественность,

устраивают спектакли, принимали участие в кампании по перевыборам сельсовета и т. д. Достаточно было приехать в поселок одному ликвидатору неграмотности, взяться за работу, — и культурная революция началась. Упрямый, фанатичный народ — кержаки, но и те поддаются влиянию — силе науки.

Начальная школа и ликпункт дают не только азбучную грамотность, но и целый ряд общественных навыков в работе. Они открывают широкий горизонт и широкое поле культурной деятельности для ребенка и взрослого человека. Они открывают человеку возможность не только видеть, чувствовать, понимать жизнь, но и изменять ее к лучшему.

Следующей ступенью являются красный уголок и изба-читальня. Эти учреждения через громкие читки газет и книжек вызывают у неграмотных желание ликвидировать свою неграмотность, а грамотных подталкивают вперед по пути самообразования, по пути углубления общих политических и специальных знаний.

Какие выводы вытекают из всего вышеизложенного? Прежде всего, и органам народного образования и всем работникам просвещения надо как можно больше обращать внимания на развитие в деревне начального образования, на постановку такой работы, которая содействует росту грамотности крестьян и крестьянок. Во-вторых, особенное внимание следует обратить на отдаленные поселки и деревни, организуя в них красные уголки, азбучное обучение неграмотных в группах и в одиночку, громкие читки и беседы. В-третьих, всемерно вовлекать в работу ОДН крестьянское население, особенно молодежь и женщин. В-четвертых, разбивать инициативу крестьянства в культурной работе, направляя эту инициативу в советское русло.

МЕТОД ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

П. Замираева.

Способы изучения детской книги.

Среди разнообразия работы в детбиблиотеках наиболее важной является изучение детской книги и неразрывно связанное с ним изучение ребенка-читателя, его запросов и интересов. «Как бы идеально ни была поставлена техника в детбиблиотеке, все же библиотека будет мертва, если библиотекарь не познает жизни окружающих его книг и спрашивающих их детей», говорит Н. Л. Херсонская в своей книжке «Работа в детской библиотеке».

Впечатления и наблюдения—плоды многолетних встреч с детскими работниками и с людьми, готовящимися быть ими, говорят о том, как мы мало знаем детскую книгу и, что еще печальнее, с каким иногда легкомыслием относимся мы к этому назначению. Осенью 21 года, по приглашению тов. Баики, мне пришлось руководить практическими работами слушателей краткосрочных библиотечных курсов по библиотечной работе с детьми. Весной 25 года ту же работу я начала со слушателями практикума при Томской центральной губбиблиотеке. Как курсы 21 года, так и эта коротенькая работа в практикуме по изучению детской книги ясно показали, что почти все курсанты, за исключением 2-3, вовсе незнакомы с детской литературой. То же самое приходится наблюдать и из общения с учителями, воспитателями детдомов, работниками детсадов и других детских учреждений. Очень немногие из них знакомы с детской литературой. Большинство из них обращается с просьбой порекомендовать им что-либо из книг или просто для самостоятельного детского чтения, или для проработки того или иного комплекса, или для проведения того или иного революционного праздника, той или иной кампании, «часов рассказа» и т. д. Нередко поступают просьбы указать способы изучения детской литературы. Хорошо помню, как в 1923 году, в начале июня, в Томске была устроена педагогическая выставка всех детучреждений Томска, имевшая целью показать—что и как сделано детьми за год, какими путями, какими методами все это делалось. В выставке приняли участие две детские библиотеки-читальни. Совпавшая со временем переподготовки сельского учительства выставка, естественно, привлекла к себе массу этого учительства. В комнате детских библиотек учителя живо интересовались рассказыванием, выставленными детскими книгами, рекомендательными списками их, книгами по изучению маленького читателя, его запросов и интересов, примерными анализами детских книг, которые заставили экскурсантов подробно расспрашивать о приемах изучения детской книги. Многие из них просто и серьезно говорили, что нет у них под руками ни самой детской книги, ни руководств по ее изучению, ни людей, которые могли бы руководить ими в данном вопросе. Думается поэтому, что для всех нас, работников с детьми, и особенно для детбиблиотекарей интересно знакомиться с тем или иным опытом, с теми или иными приемами изучения детской книги, которая сейчас при лабораторном

методе обучения должна играть такую большую роль в деле активного искания и исследования детьми нужного им материала.

Уже давно многие педагоги задумывались над выработкой требований, которые можно было бы положить в основу изучения детской книги. В настоящее время к числу установленных требований следует, прежде всего, отнести требования классификации детских книг по возрастным интересам детей (детство принято делить на следующие возрастные группы: дошкольный возраст—дети 5, 6, 7 лет, младший—дети—8, 9, 10 лет, средний—10, 11, иногда 12 лет, старший—12, 13, 14 лет и подростки—15, 16 лет).

Далее к основным же требованиям изучения детской книги должны быть отнесены требования, выработанные комиссией по дошкольному чтению Ученого Отд. О. Р. Т. Зн. Согласно этим требованиям «детская беллетристическая книга должна быть художественна по своему изложению; правдива в изображении явлений жизни; интересна по фабуле; язык книги должен быть протым, образным и выразительным; внешность по возможности красивой. Содержание книги должно воспитывать в детях бодрое, здоровое и радостное отношение к жизни, любовь к природе и живому творческому труду, пробуждать социальные инстинкты, деятельную любовь к людям, основанную на уважении к человеческой личности, на чувстве солидарности, коллективизма».

Относительно книг научного содержания ко всему этому комиссией были прибавлены еще следующие требования: они (книги) должны давать сведения, строго согласованные с научными данными; должны быть изложены живым, доступным детскому пониманию языком.

Наряду с этими требованиями, в детской книге должно быть обращено серьезное внимание на иллюстрации, на рисунки: потребность ребенка в рисунке велика, и чем моложе ребенок, тем сильнее в нем эта потребность.

Новые задачи переживаемого нами революционного времени пред'являют новые требования к детской книге, которая должна быть построена на новых композициях, проникнута новыми настроениями. С особенной яркостью и четкостью эти требования выражены в предисловии к Харьковскому сборнику «Что рассказывать детям», составленному Научно-Педагогическим Советом Главсоцвоса Украины. «Новая книжка»,—говорят составители сборника, «должна давать детям такой комплекс душевных и умственных переживаний, которые направят бы мысли и чувства ребенка в сторону массового революционного настроения. Книжка должна также заложить начало естественно-научному пониманию мировых явлений, облекая при этом преподносимый детям материал в художественную форму». Реализм содержания, художественность формы, простота и красочность языка, эмоции, будящие в детях: а) чувство бодрой радости, б) призыв к труду, в) чувство социальной солидарности, г) любовь к природе, к жизни, д) понимание в доступной детям форме классовых противоречий и е) жажду уничтожения этих противоречий,—вот требования, пред'являемые к детской книжке составителями сборника.

Дошкольные работники в книге «Новые пути подготовки дошкольных работников» ГИЗ, Москва, 1924 года, пред'являют к новой детской литературе следующие требования: а) отражение современности, б) отражение коллективного труда, в) изображение реального мира, охватывающего жизнь природы, животных, детских и вообще человеческих взаимоотношений и торжество техники, г) не сглаживание, а подчеркивание социальных противоречий и общий тон, бодрящий и призывающий к борьбе.

Эти новые требования к детской книге, вызванные современностью, дают всем руководителям детским чтением, в частности, детскому библиотекарю, возможность выработать требования, с которыми он должен подходить к изучению книг старых изданий, все еще во множестве заполняющих книжные полки детских библиотек.

Ясно, что книга старого издания не должна сглаживать классовых противоречий: она должна быть реальным содержанием без тени сентиментализма, который, если не вполне убивает, то во всяком случае понижает волевые импульсы. Самопожертвование, великодушные допустимы лишь, как результат непосредственного чувства, и ни в коем случае не должны вытекать от избытка благ. В детской книге также не должно быть места ни мистике, ни символизму. Зато книга должна будить в своих маленьких читателях бодрость, активность, желание быть общественно-полезным.

Но изучения одних только требований, предъявляемых к детской книге, мало,—необходимо еще разобраться в этой массе книжного материала, который имеется в наших детских отделениях.

Какой же литературный материал наиболее отвечает этим требованиям, а, следовательно, и наиболее пригоден для детского чтения?

Ответить на этот вопрос помогает изучение читателя и книги.

Оставляя пока в стороне вопрос изучения читателя, посмотрим, каким путем, какими способами можно и должно изучать детскую книгу.

В научно организованной лаборатории, какой является в Москве Отдел Детского Чтения при Институте Методов Внешкольной работы, изучение книги ведется в специально устроенной детской читальне целой коллегией библиотекарей, педагогов, детских писателей, критиков и художников. При изучении детской книги там широко применяются все методы исследования, наблюдения и всякого рода эксперименты. Но в условиях нашей работы, где зачастую всего лишь один работник на всю детскую библиотеку-читальню, вести такое изучение детской книги не представляется возможным.

Зато в нашем распоряжении есть другие способы изучения детской книги. Это, во-первых,—путь так называемого «исторического анализа»; во-вторых,—изучение книги по библиографическим указателям и рекомендованным каталогам и, в третьих,—непосредственное знакомство с книгой путем отдельных вопросов или схем для анализа книг.

Первый путь,—путь исторического анализа—разумеет изучение не отдельной книги, а изучение эволюции тех направлений и течений в детской литературе, которые последовательно сменялись одно другим и были ничем, как отголоском жизни, вечно движущейся, вечно изменяющейся.

Не вдаваясь в критику того или иного литературного направления, бегло перечислю характернейшие из них для детской литературы.

Детская литература появилась у нас в конце XVIII столетия. И вот сентиментализм конца XVIII и начала XIX веков нашел себе отражение в детской литературе и долгое время был господствующим в ней направлением. На смену ему в 40-х годах пришел романтизм, в котором следует различать три стадии: 1) ранняя стадия так называемого «семейного» романтизма; 2) стадия героического романтизма и 3) стадия фантастического романтизма. Вскоре после 60-х годов XIX столетия в детской литературе появляется народническое направление. В 80-х годах в ней возникает новое направление—по терминологии Н. В. Чехова, знатока детской литературы, «толстовское», по терминологии другого знатока ее, В. Родникова; «гуманно-идеалистическое». Наряду с этими направлениями, и даже немного раньше, возникает художественно-реальное направление. Еще позднее—нео-романтическое направле-

ние, «область личных отношений и углублений в душу» по Балике. И, наконец, модернистическое, проникающее из общей литературы предреволюционного времени.

Мое перечисление главнейших течений в художественной детской литературе было бы не полно, если бы я умолчала о новой детской книге, начавшей сейчас заполнять книжный рынок. Правда, революция не создала еще какого либо нового литературного направления в детской книге, но, поскольку я имела возможность познакомиться с новой детской книгой, она прочно связана с материалистическим миросозерцанием переживаемого нами исторического момента, а потому целиком примыкает к реалистическому направлению. «Ей чужды мистика и фантастика, зато она полна внимания к жизни пролетарских детей, живущих в условиях труда, полна общественной, высшим достижением которой должны стать формы коллективной жизни» («Книгоноша», № 46, 1924 года).

Изучать эволюцию направлений в детской литературе должен каждый более или менее образованный и вдумчивый детский библиотекарь. Это изучение даст ему понимание тенденций, диктуемых тем или иным историческим моментом, даст более глубокое и правильное понимание современных требований к детской книге.

Как на руководства по изучению главнейших направлений в детской литературе, укажу на следующих авторов: 1. Чехов, Н. В.—Детская литература. Москва «Польза». 2. Родников, В.—Детская литература, Киев, 16 г., 3-е издан. 3. Савин, Н. А.—Очерки детской литературы: а) Сентиментально-моралистическое направление в детской литературе, «Педагогическая мысль», 1920 года. № 7-8; б) Художественно-реалистическое направление в детской литературе, «Внешкольное образование», Нижний Новгород, 1919 года. № 8-10; в) Модернизм в детской литературе «Вестник воспитания», 1916 год, № 9; г) Зоологическая беллетристика «Педагогическая мысль», 1921 г., книга 1-2; д) «Мамин-Сибиряк» очерк. Москва, Мириманов, 1923 года; е) «Серафимович», Москва, издание то же. 4) Калмыкова, А. М. Мировая художественная литература, как учитель жизни юных поколений XX века, П. «Начатки Знаний», 1920 г., 5) Яновская—Сказки, как материал для рассказывания. Харьков, 1923 г., библиотека журн. «Путь Просвещения». 6) «Красный библиотекарь» и «Книгоноша».

Второй способ изучения книг—это работа с рекомендованными каталогами и справочниками или указателями. Работа эта тоже нужна и полезна. Особенно она полезна для тех руководителей детского чтения, которые не имеют возможности непосредственно следить за всеми новыми детскими книгами. Беда лишь в том, что большинство указателей, несмотря на все свои достоинства, сильно устарело, как по времени издания, так и с точки зрения требований, предъявляемых современностью к детской книге. И все же, как справедливо замечает Херсонская, «работая постоянно с указателями, библиотекарь сможет узнать всю детскую литературу и отдельные детские книги». Поэтому она предлагает начинающему библиотекарю целый ряд самых разнообразных и интересных работ с детской книгой по различным указателям и рекомендованным каталогам («Культурная работа городской библиотеки», Изд. 2-ое, Костр. ОНО, М. 20 г., В. Невский и Н. Херсонская).

Не помню—какая, но, кажется, Костромская секция детбиблиотекарей начала свою переподготовку с изучения детской книги путем семинариев. Семинарии эти ведутся таким образом: сначала дается задание или тема, например, знакомство с беллетристической для среднего возраста. Исполнение задания заключается в том, что нужно составить список детских писателей или отдельных произведений для детей среднего возраста, разбив его между отдельными членами семинария. Каждому писателю или отдельному произведению посвящается отдельный бланк, на который выписываются наиболее характерные отзывы о нем ряда указателей или каталогов детской литературы,

а в заключение дается отзыв самого библиотекаря. Заполненные бланки зачитываются на собраниях семинария, отзывы о книгах или писателе суммируются и подвергаются, в зависимости от решения семинария тем или иным изменениям.

Мне остается лишь указать ряд, как старых, так и новых указателей детских книг. Из старых особенного внимания заслуживают:

1. С детских книг (указатель детской литературы с рецензиями). Изд. «Труд». СПб. 1907 год. 2. Каталог книг для детского чтения. Издание Берендиной. Москва. 1912 года. 3. Лебедев, А. И.—Детская и народная литература. Выпуск 1-й, дошкольный, младший и средний возраст. Нижний Новгород. 1912 года. Выпуск 2-й.—старший и юношеский возраст. Нижний Новгород, 1916 г. 4. Иванова, Е. Внеклассное чтение в начальной шк. 3-й выпуск, Петроград, 1915 года. 5. «Что и как читать»—библиографический ежемесячный журнал. Петроград. Выходил до 1918 года. 6. «Новости детской литературы» библиографический журнал, Москва, выходил до 1917 года. Из новых: 1. Владиславлев, И. В.—«Что читать». Выпуск 1. Москва. 3-е изд. «Наука». 1917 года. 2. Владиславлев, Рейдемейстер, Татарникова и Эльдарова—Избранная литература для юных читателей по темам, Москва «Свобода и культура», 1918 года. 3. Покровская, А. К.—О работе в детских и школьных библиотеках, Москва, «Мир», 1919 года. 4. Свентицкая, М.—Каталог школьных библиотек с краткими рецензиями, выпуск 1. Детская художественная литература (для детей 7-8 лет). Москва. Изд. «Наркомпроса», 1919 г. 5. Калмыкова, А. М. и Капица, О. И.—Указатель детских книг для библиотек, трудшк. клубов, площадок. Петроград. «Начатки знаний», 1920 г. 6. Рагозина, С.—«Новая детская литература». Вводная статья и указатель с аннотациями. М. Л.—«Книжный уголок», 1924 года. 7. Невский—Беллетристика на социальные темы. 8. Он же—Что и как читать молодым коммунистам. 9. Керженцев—Библиотека коммуниста. Кострома, 1919 года, Москва, ГИЗ, 1919 года. 10. «Красный библиотекарь» и «Книгоноша».

Переходя к третьему способу изучения детской книги—к самостоятельному анализу книги—очень важно, чтобы мы—работники с детьми—умели сами оценить детскую книгу. Чтобы выработать умение оценить книгу и развить в себе привычку быстро просматривать ее, такие работники с детьми, как А. К. Покровская и В. А. Зеленко, рекомендуют пользоваться особым бланком или особой схемой для разбора или анализа книги. «Включение книги в детскую библиотеку по внешнему виду вещь недопустимая,—говорит Зеленко.—хотя бы она была выпущена идейным издательством, потому, что это включение открывает возможность проникновения в детские библиотеки случайной литературе». Исходя из этого, Зеленко усиленно рекомендует изучать каждую книгу путем самостоятельного анализа. «Если книга хороша, библиотекарь будет иметь в своем распоряжении новую силу; изучив ее, он может лучше, успешнее продвинуть такую книгу в читательскую массу; он может смело рекомендовать ее, популяризировать, если нужно, заинтересовать читателя интересными эпизодами из нее и т. д.» (Зеленко). Вот схема его анализа:

1. Автор.
2. Заглавие книги.
3. Издательство.
4. К какому отделу относится настоящая книга?
5. Для какого возраста она пригодна (дошкольный, младший, средний, старший, подростки)?
6. Можно ли эту книгу давать (рекомендовать) детям?
7. Если можно или нельзя, то почему именно (плох шрифт, бумага, рисунки, дорога, плох язык, тенденциозна, нехудожественна, неправдива, действует угнетающе, не возбуждает мысли и т. д.)?
8. Для какой индивидуальности детей больше всего пригодна (любителей сказок, приключений, путешествий, рассказов из жизни животных и т. д.)?
9. Почему именно?

10. В какой из периодов развития ребенка лучше всего дать эту книгу (стадия приобретения, экспериментирования. Стадия упорядочения и оценки, стадия творчества*).

11. Какие темы разрабатываются в данной книге (любовь к людям, семье, самоопределение, самоотверженность, стремление к активности и повышению жизнедеятельности, товарищество, жестокость, угрызания совести, проявление сильной воли, зависимость, знакомство с чужими странами, с жизнью с биологической точки зрения, с вселенной, с прошлым человечества и т. д.).

12. Какие вопросы могут возникнуть у детей при чтении этой книги и как должен поступить руководитель (что он ответит на тот или иной вопрос приблизительно, конечно).

13. Какие вопросы после прочтения данной книги должен поставить сам руководитель, чтобы осветить идейную и самую главную сторону данного произведения (например, в сказке «Репка» можно поставить такой вопрос: кто вытащил репку — дед, бабка, внучка, Жучка, Машка или мышка).

14. Что в содержании данной книги является самым главным?

15. Не приходилось ли замечать, как относятся к этой книге сами дети и почему именно?

16. Какие книги могли бы явиться подходящими для чтения после только что рассмотренной?

А вот схема для анализа детской книги А. К. Покровской:

1. Автор и переводчик, или редактор, или составитель.

2. Заглавие.

3. Издание 19 г. Стр. Цена.

4. Внешность: изящная, богатая, средняя, бедная, лубочная.

5. Печать: крупная, средняя, мелкая, четкая, неясная.

6. Бумага: белая, сероватая, желтая, плохая, хорошая.

7. Переплет: хорош, плох, нет.

8. Форма: сборник (рассказов, сказок, стихотворений, пьес),

собрание сочинений..... Рассказ. Сказки. Повесть. Роман. Пьеса.

Бытовая. Историческая. Приключение.

9. Что в книге главное: текст, картинки.

10. Содержание: 1. Сборника

2. Страна..... 3. Эпоха..... 4. Среда.....

11. Главные действующие лица: — Взрослые, дети. Животные. Реалистич. Фантаст.

12. Главные характеры: Героические. Обыденные. Положительные. Отрицательные.

13. Настроение: Бодрое. Угнетенное. Трогательное. Страшное. Веселое. Поэтическое.

14. Главные моменты действия.

15. Тенденция: Есть. Нет. Неясная. Моральная. Социальная. Политическая. Философская. Научная.

16. Изложение: Разговор. Описание. Повествование. Рассуждение. Легкое. Трудное. Скучное.

17. Перевод: Хороший. Плохой.

18. Язык: Простой. Трудный. Конкретный. Отвлеченный. Непонятные и иностранные слова.

19. Рисунки: Черные. В красках. Виньетки. В тексте. На отдельных листах. Обложки. Подходят к содержанию. Случайные. Напечатаны хорошо, средне, плохо. Характер.

20. Пригодна по тексту для читателя: Дошкольного. Младшего. Среднего. Старшего возраста. Юноши. Развитого. Неразвитого. Городского. Деревенского. Мальчики. Девочки. По рисункам: Дошкольного. Младшего. Среднего. Старшего. Юноши. Развитого. Неразвитого.

21. Чем понравится: Внешность. Картинки. Фабула. Настроение. Характер героев. Интересные факты.

22. Чем ценна: Художественность. Тенденция. Научность. Доступность. Самостоятельность чтения. Чтение вслух. Рассказывание.

23. Общий отзыв.

24. Отзывы детей.

*) См. В. А. Зеленко — Руководительство детским чтением. П. М. Вольф, 1915 г. стр. 22.

Н. Леший.

Агитационные кампании в деревне и как их проводить.

Секретари сельских ячеек и райкомов ВКП (б) и избачи жалуются на множество ударных агиткампаний, проведение которых поглощает все их внимание, силы и время. Я подсчитал, сколько приходится проводить за год ударных кампаний. Их около 30. Сюда входят исторические дни и революционные праздники, перевыборы сельсоветов, ККОВ, правлений кооперативов, кампании добровольных обществ.

Цифра не так уж велика, чтобы вокруг нее создавать определенную бучу. Требования отдельных товарищей сократить количество кампаний, исторических дней и революционных праздников не основательны. Лишнего пока в этой части ничего нет. Дело не в количестве кампаний, а в умении проводить их. Вот этого умения у нас как раз и не хватает.

Какую бы из всех проводимых до сих пор агиткампаний мы ни проводили, для деревни она имеет актуальное значение. Годовщина смерти В. И. Ленина, Кровавое воскресенье, годовщина Красной армии, Международный день работниц и крестьянок, свержение самодержавия, день Парижской Коммуны, Ленский расстрел, Первое мая, День печати, День леса, Международный день кооперации, День СССР, Международный юношеский день, День урожая, День Октябрьской революции, День освобождения Сибири от колчаковщины и т. д.—все эти календарные агиткампании, исторические дни и революционные праздники проводить в деревне, безусловно, надо. Кроме перечисленных, у нас еще есть целый ряд деревенских кампаний: перевыборы сельсоветов; перевыборы комитетов крестьянской общественной взаимопомощи; перевыборы правлений потребительской, сельско-хозяйственной и кредитной кооперации; перевыборы делегатских собраний; кампании по линии добровольных обществ: ОДН, МОПР, Авиахим.

От умелого проведения всех этих кампаний, исторических дней и революционных праздников и от умелого проведения каждой кампании в отдельности, будет только польза нашему общему делу. Времени в году на проведение кампаний, дней и праздников хватит. Мало в деревне культурных и политических сил—это верно. Но и при наличии имеющихся сил можно проводить кампании с успехом.

Избачам, секретарям ячеек и райкомов ВКП (б) прежде всего необходимо разгрузиться от некоторых кампаний. Если раньше этого сделать было нельзя, то теперь кое-какие возможности есть. Чем дальше, тем больше будет этих возможностей. По части проведения некоторых кампаний секретари райкомов и избачи могут быть только идейными руководителями. Организацию же кампа-

ний и проведение их можно возложить на целый ряд организаций и учреждений, имеющихся в деревне.

День урожая, например, проводит комсомольская ячейка; день Парижской Коммуны проводит ячейка МОПР'а; День печати—кружок «Друзей газеты»; День СССР—сельсовет и РИК; День издания декрета о ликвидации неграмотности—ячейка ОДН; кампанию по протравливанию семян и борьбе с вредителями полей—ячейка Авиахима; День кооперации—сами кооператоры. Для проведения других политических кампаний—сельским ячейкам и райкомом ВКП (б) надо вовлекать не только членов ВКП (б), но и испытанных беспартийных крестьян-активистов.

Почему, например, беспартийный крестьянин—участник борьбы с колчаковщиной, или крестьянин—очевидец Ленского расстрела, или участник борьбы в февральские и октябрьские дни, почему они не могут активно участвовать в организации и проведении этих кампаний? Почему беспартийный демобилизованный красноармеец не может участвовать в проведении годовщины Красной армии? Такие крестьяне должны быть вовлечены в активную работу по проведению кампаний, дней праздников. Их надо избачам, ячейкам и райкомам брать на учет.

Каждая агитационная кампания проводится с определенной целью. Организаторы кампаний должны ясно представлять себе эту цель и стремиться к ней в процессе всей своей работы. Каждая агитационная кампания проводится по определенному плану. Обыкновенно вышестоящие организации рассылают на места громоздкие примерные планы, которые рекомендуют принять за основу. На местах же не только не сокращают этих планов, а дополняют их большим количеством новых пунктов.

План всякой агитационной кампании, всякого исторического дня, всякого революционного праздника, должен быть конкретен. Составителям планов всегда надо исходить из местных условий: какими силами и средствами они располагают? Как широко их поле деятельности? Сколько времени имеется для проведения кампании? С кем придется иметь дело? и т. п. План должен состоять из небольшого количества пунктов, которые в данных условиях могут быть выполнены. Лучше взяться за маленькое дело и выполнить его, как следует, чем за большое и не выполнить его до конца.

Массовые собрания и заседания во время кампаний надо стараться проводить короче—1-2 часа. Пятичасовые торжественные и траурные заседания дают слушателям, главным образом, головную боль и повод проклинать все и вся на свете. Высидевший до конца идет домой с глубокой думой в большой голове: «никогда не пойду больше на собрание». Докладчикам рекомендовать подготовиться заранее и говорить так, чтобы было «словам тесно—мыслям широко».

Больше нужно обращать внимания на проведение кампаний в глухих деревнях и поселках, где нет ни ячеек, ни изб-читален. Из района и из ближайших сел надо посылать в поселки культурных и партийных работников, а также комсомольцев и наиболее способных беспартийных крестьян-активистов. Начинать дело с маленького: с громких читок соответствующих статей, рассказов, стихов, с простых бесед в связи с агиткампанией. От этого можно перейти к собранию с краткими докладами, к митингу, к открытой уличной демонстрации, к карнавалу и т. п.

Основные идеи проводимой кампании, праздника, годовщины и дня должны быть увязаны с местными материалами с тем, что роднее и ближе крестьянству данного села или поселка. А для этого организаторам и товарищам, приехавшим для проведения агиткампании, необходимо прежде всего погово-

миться с местным материалом. Если позволяет время, еще лучше поговорить с отдельными крестьянами, проверить собранные материалы. Беседа или доклад будут убедительны, если в них умело приведены местные цифры и факты.

До сих пор, при проведении агитационных кампаний в деревне, использовались такие методы и формы агитработы: громкая читка, беседа, доклад, собрание, заседание, митинг, карнавал, стенная газета, устная и живая газеты, инсценировки, спектакли, лозунги и плакаты, выставки, кино-сеансы. Самодеятельности и местного творчества было мало. Брали не только готовые формы, но и готовое содержание. Чтобы оживить агиткампанию, местным работникам надо подумать о новых формах агитации. Как можно шире нужно использовать живую газету при сочетании в ней живого слова, декламации, пения, музыки, изобразительного и сценического искусства.

ПРАКТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ В БЫТ

Сильвич.

Как работают школы по программе ГУС(а*).

(Из записной книжки инспектора).

(Продолжение).

Ниж-ская школа. Помещается в избе. Помещение низкое, просторное, окна небольшие с 3-х сторон. У избы пристроены, еще незаконченные, сени без печки. Школа 2-х групповая. Прием в школу все еще продолжается (это было в первых числах ноября). В первую группу записываются и принимаются дети в возрасте от 8 до 14 лет, во вторую группу—тоже. Учитель один на две группы. В прошлом году в первой группе работал по «комплексу», во второй—по предметной в одну смену и испытывал очень много затруднений. В нынешнем году предполагает работать в две смены. Несмотря на то, что он ждал моего приезда, когда я приехал, как будто растерялся и не знал, что делать.

В классе стояла тишина, нарушаемая шорохом детских сдержанных движений и шопотом. Учитель перебрал на столе книжки, тетрадки, перекладывал с места на место и шагал. Нужно было его как-то вывести из затруднительного положения, разрядить нездоровую атмосферу напряженности.

— Вы, пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания и занимайтесь своим делом.

— Можно, не помешаем? Ну, хорошо.

Занятия начались. Учитель познакомил меня с «целью» уроков. Во второй группе проверяются знания ребят в области родного языка и математики—им даны задания для самостоятельного исполнения, а с первой группой предполагается провести урок «по комплексу». Предполагаемый ход урока—побеседовать о маме, предложить им зарисовать ее, показать детям необходимость обучения грамоте и начать обучение грамоте.

Началась беседа о том, у кого какая семья, сколько в ней человек и, наконец, вопрос учителя к детям:—«Ну, вот, ребята, можем ли мы запомнить, у кого какая семья?». Ребята все уверенно, хором, ответили:—«Можем». На «гвоздевой» вопрос учителя дети не дали ему ответа, который требовался учителю. Как ни бился учитель—не мог подвести ребят к выводу о том, что научиться писать нужно для того, чтоб записывать то, что нельзя запомнить, брал для доказательства этого положения примеры, вроде предыдущего, и ребята всякий раз отвечали не так, как хотелось учителю, а так, как они думали. Смысл беседы был скомкан.

Казалось, чего бы проще спросить у ребят: «Для чего нужна грамота?» и ребята бы ответили: «писать письма, расписки, прошения» и т. п. Так они и

*) См. № 2 журн. «Просвещение Сибири».

ответили, когда я обратился к ним потом с соответствующим вопросом. Вообще следует отметить, что ребенку, который пришел в школу учиться, нет необходимости ни с того ни с сего доказывать, что нужно писать, да еще при помощи «мамы». Он уже принес с собой желание учиться, интерес к учению. Целесообразнее выявить, чем питается у ребенка это желание, эти интересы, насколько они глубоки и жизненны.

После неудавшейся беседы, учитель предлагает детям нарисовать «маму»; только некоторые из них начали рисовать, остальные ничего не делали.—«Не умею»...—отвечал каждый из них. Опять сорвалось. Учитель написал на доске слово «мама» печатными буквами и предложил детям написать у себя в тетрадках то же самое. Лица ребят оживились. Часть, уже знавшая буквы, написала, а остальные написать не могли, особенно не удавалась буква «м». Учитель так и не мог добиться у этих детей, чтоб они слово «мама» написали.

Я неосторожно обратил внимание учителя на то, что детям трудно нарисовать «маму» без привычки к рисованию.

Учитель решил переменить слово. Вынул из окна раму (не была приколочена), стал ее показывать детям, рассказывать о ней, спрашивать и затем предложил ее нарисовать. Раму все дети нарисовали. Написал на доске слово «рама» и предложил детям сделать то же самое в тетрадках. Некоторые опять ничего не могли написать. Подошел к одной девочке, спрашивает:—«Что у тебя нарисовано?»—«Викошко»...—отвечает девочка. Опять неудача.—«Не викошко, а рама»,—поправляет учитель, «рама это называется».—«Рама»... повторяет за ним девочка. — «Так, вот, у тебя нарисована рама, ты и напиши под ней слово «рама», так, как я написал»... И в этом слове, самой трудной для написания, оказалась буква «м». Некоторые писали слово «рама» справа налево. Оживление у значительной части ребят, у той, которая букв не знала, и которой не удавалось ее написать, стало исчезать. Наука становилась для них мукой.

Перемена. Во время перемены со стороны учителя посыпались вопросы:

— Ну, что вы заметили, каковы недостатки, что вы вообще мне посоветуете?.. Как я по комплексу?..

— Прежде всего, вот что, товарищ. Поменьше искусственности, побольше естественности. Не увлекайтесь словом «комплекс», не делайте из комплекса' идола, не приносите ему в жертву детей и себя. «Комплекс»—не цель работы, а система, порядок работы, и нельзя ради «комплекса» упускать из вида цель педагогической работы вообще и цель занятий на данный промежуток времени. И, если «комплекс» не помогает достичь цели, не упрощает, а усложняет работу, нужно начинать с чего-то другого. У вас комплекс превращается в самоцель и заслоняет, вытесняет из поля вашего внимания все остальное.

Попытаемся разобраться, что такое «комплекс», что значит работать «по комплексу». Комплекс—это совокупность предметов и явлений, находящихся между собою в какой-либо связи и взаимной зависимости. Работать по комплексной системе, это значит—помогать ребятам эту связь и зависимость вскрывать. Почему рекомендуется работать с детьми по комплексной, а не предметной системе занятий? Исключительно потому, что ребенок школьного возраста воспринимает окружающее, как простые и сложные комплексы явлений и предметов, он не умеет разлагать явления и предметы на их составные элементы, он схватывает вначале группы предметов и явлений в целом, устанавливает их внутреннюю связь, их взаимную зависимость и затем уже интересуется деталями, отдельными частями опять таки в связи с целым.

Предметная система занятий, следовательно, противоречит природе ребенка, складу его мысли, т. к. нарушает естественный ход его развития, заставляет ребенка воспринимать предметы и явления не в их цельности и связ-

ности, не так, как он может. Но в то же время непосредственный, личный опыт ребенка не богат, источником его представлений о предметах и явлениях бывает конкретная, весьма ограниченная среда, его окружающая, которая на него действует и на которую он реагирует, к которой он должен еще приспособляться и которую должен приспособлять, использовать для удовлетворения своих детских потребностей; его мозг еще недостаточно развит, недостаточно приспособлен для восприятия и проработки воспринимаемых явлений и предметов, поэтому он легче воспринимает конкретные предметы и явления, поэтому он способен воспринимать только *простейшие* комплексы, устанавливать *непосредственные*, очевидные связи и зависимости явлений и предметов и неспособен в такой мере, как взрослый, абстрагировать, обобщать, оперировать с отвлеченными понятиями и величинами.

Рассмотрим с точки зрения этих положений ход вашей работы. До начала занятий вы *придумали* искусственный «комплекс» явлений и предметов, в состав которого входят: «мама» и «грамота», наметили заранее *искусственную* связь и когда стали работать по этому «комплексу» — оказалось, что такого комплекса явлений в самой жизни нет, да и быть не может. Поэтому вам и не удалось помочь ребятам такую связь установить. Вот ваша первая основная ошибка.

С чего и как нужно было начинать? Какой комплекс явлений мог бы быть содержанием вашей сегодняшней работы? По моему, примерно, такой: «Для чего вы пришли в школу?» или «Для чего нужно обучаться грамоте?».

Каков мог быть ход работы? Примерно такой:

1) Беседа с детьми на тему, для чего нужно обучаться грамоте? Во время этой беседы вы должны были *не придумывать*, а *вскрывать* подлинную связь явлений и, прежде всего, спросить самих детей, для чего, по их мнению, нужно обучаться грамоте, и они бы вам сами кое-что рассказали. Выявив таким образом личный опыт детей, их представления о том, для чего нужно обучаться грамоте, вы могли бы расширить их представления об этом предмете, указать на целый ряд случаев, когда требуется грамота, но опять-таки, случаев, взятых из действительной жизни, а не выдуманных; вы же вместо этого, стали выдумывать.

Скажите, разве ребятам в их действительной жизни приходится и придется записывать имена своих товарищей, матерей, сестер и братьев только для того, чтоб их запомнить, вне всякой связи с каким-нибудь общим делом, событием и т. п.? Конечно, не приходилось и не придется и они совершенно правильно вам ответили, что кого как зовут, они и так запомнят.

Совершенно бы другой эффект получился бы у вас, если б вы стали оперировать с примерами, взятыми из жизни: «брата взяли в Красную армию, нужно написать ему письмо, прочитать полученное письмо... Что для этого требуется?»... «Нужно достать огородных семян, в деревне их нет, в город ехать из-за семян не стоит, нужно написать письмо, послать деньги туда, где огородные семена продаются... Что для этого требуется?» и т. д.

В конце беседы вы могли детей подвести, примерно, к такому *выводу*: «грамота требуется в очень многих случаях, без нее обойтись трудно, поэтому—давайте учиться»...

2) Обучение грамоте вы начали правильно с рисования, с письма. Научиться для ребенка писать легче, чем читать, как утверждает Блонский. Человечество научилось раньше писать, точнее,—изображать свои представления о предметах при помощи рисунков, знаков прежде, чем читать. Но и здесь вы допустили большую дидактическую ошибку: предложили рисовать «маму», т. е. начали сразу с трудности, которую, как оказалось, ребенок осилить не

мог. Нужно было опять-таки начать с выявления личного опыта ребенка, узнать, что они могут рисовать и как могут рисовать, и предложить и зарисовать более простые предметы.

Какие слова брать для письма и чтения, чем руководствоваться при их подборе, если обучение грамоте производится без букваря? Основные требования, которые представляет в данном случае наука о ребенке, таковы: а) слова должны быть не многосложные (не больше 2-х слогов); б) состоять из таких звуко-букв, которые легко ребенком произносятся; в) слова, которые, как произносятся, так и пишутся; г) такие, из которых было бы можно составлять фразы, связанные с содержанием изучаемого комплекса явлений. Если в очередной комплекс изучаемых предметов и явлений у вас входят предметы и явления, связанные с жизнью ребенка до поступления его в школу, с домашним хозяйством, с изображениями, с письмами соответствующих предметов и начинайте. Например, если следующая, после беседы о грамоте, ваша беседа с детьми будет на тему: «Что, кто делает дома?»—можно начать: «Дом», «дома», «мама», «мама дома», «наш дом», «наша мама дома», «Маша дома»... «Наша Маша дома», «Нам надо дом», и т. д. Если найдете более удачные слова—берите их.

Какой метод обучения грамоте применять? Какой хотите! Тот, каким вы овладели. Какой более соответствует природе детей? Метод целых слов. Я бы стал применять разновидность метода целых слов—аналитико-синтетический, словесно-слоговой, т. е. вслед за усвоением с детьми новых слов, разлагать их на слоги и из знакомых слогов составлять новые слова, например: «до-ма», «на-ша» и т. д., и обходиться, по возможности, без букваря. Почему безбукварная система рекомендуется? Потому, что она не стесняет в выборе нужных слов, легче составить свой букварь в связи с изучаемыми комплексами явлений, легче придумать слова, которые потребуются ходом работы, для того, чтоб зафиксировать проработанное, чем подыскать такой букварь, который бы удовлетворял этим требованиям. Такого общего букваря и не может быть для всех школ.

Третий недостаток вашей работы заключается в том, что вы не следили за степенью утомляемости и интересов детей. Дети уже приносят с собой из дома интерес к грамоте. Но вопросе о грамоте можно было остановиться ненадолго и перейти к грамоте, но мы совершили бы большую педагогическую ошибку, если бы ограничивались только процессом обучения грамоте и стали бы подолгу детей задерживать на этом процессе без перерывов—это убило бы у них интерес к ней. Было бы ошибкой, если-б в один и тот же т. н. урок мы предлагали детям осилить по несколько трудностей. Вы предлагали детям зараз, без перерыва, осилить несколько трудностей и не следили за тем, как это на них отражается, а именно: 1) предлагали установить связь, которой в жизни не было и которую, следовательно, они не могли установить, 2) предложили нарисовать маму, которую они не могли нарисовать, 3) предложили написать слово «мама» и все это делали без перерыва.

И при комплексной системе занятий прежде всего требуется знание дидактики, и в особенности требуется наблюдение над детьми и соблюдение гигиены детского труда. Обучение грамоте—для детей большой, напряженный труд. Нужно чередовать его с отдыхом, нужно облегчить процесс обучения, поддерживать к нему интерес, если он начинает исчезать на почве трудности, чередованием с другой работой, более легкой.

Внимание детей неустойчиво, интересы разнообразны. И, если мы будем это игнорировать, грамота ребенку надоест. Рисование, лепка, игры, экскурсии, ручной труд и т. д.—не блажь и не роскошь. Они, как метод, облегчают

процесс обучения: одно развивает мелкую мускулатуру ребенка, которая у него не развита (лепка), другое развивает физические силы, органы восприятий и рефлекторный аппарат (подвижные игры) и т. п. Вот в общих чертах все, что я могу вам сказать.

— Ну, а как быть с тем, что одни дети ушли вперед, а другие только что начинают?

— Подразделить на подгруппы, на звенья. Некоторые рекомендуют в звеньях объединять детей так, чтобы в звене были слабые и сильные, организуют сильных для помощи слабым; насколько это педагогически целесообразно и дает ли какие-либо положительные результаты, не знаю. Во всяком случае идущих вперед задерживать не следовало бы, хотя бы потому, что у них притупится интерес к школьной работе. Но звеньевая система занятий потребует от вас больше подготовительной и поверочной работы, справитесь ли вы при такой большой нагрузке? Звеньевая система требует, чтобы в звене все дети были втянуты в работу, предоставлять их во время работы самим себе нельзя, иначе в звене неизбежно окажутся идущие вперед и отстающие, наиболее активные и наиболее неактивные. При правильном руководстве работой звеньев, звеньевая система дает положительные результаты, развивает у ребят самостоятельность, навыки коллективной работы, если звеньям даются общие задания, требующие коллективного исполнения. Потребуйте. Будет трудно, не удастся справиться, перейдите на «подтягивание», «выравнивание». И не с таким злом приходится мириться в условиях такой нагрузки, как у вас (80 человек детей на 1-го учителя).

— А как быть с двумя группами? Что лучше: заниматься в один день с одной группой, а на другой день — с другой, или с одной — в первую, а с другой — во вторую половину дня.

— Пожалуй, в пределах одного дня лучше. *«Против»* того, чтобы заниматься через день, говорит следующее: учебный год сократился в два раза, население будет недовольно тем, что ребята будут ходить в школу через день; находясь один день в школе, один день дома, — ребята будут раздваиваться и не смогут привыкнуть к школьному режиму. *«За...»* говорит то, что вам легче было бы готовиться к работе, так как пришлось бы подбирать материал, планировать работу только для одной группы; работая каждый день только с одной группой, вы бы работали, конечно, интенсивнее и, наконец, детям можно было бы давать больше заданий на дом для самостоятельного исполнения. Но в общем и так и этак плохо. Было бы лучше организовать работу с двумя группами в одну смену. Помещение у вас, до некоторой степени, позволяет.

Как организовать, как вести работу с двумя-тремя группами? По этому вопросу есть небольшая литература. Все указания сводятся к следующему: «Пока работаешь с одной группой, другой даешь самостоятельную работу». Что можно давать для самостоятельной работы? Первой группе: лепку, рисование, списывание слов, цифр; если дети могут из дома принести ножи, ножницы, нитки, бумагу, клей, песок и проч. — можно давать им вырезать, выстригать, выклеивать буквы, цифры; можно дать им какую-нибудь игру, например: в лото-азбуку, в лото-цифры и т. п. Второй группе: рисование, списывание, писание сочинений, решение задач, чтение, разучивание песен, изготовление коллекций, моделей и т. п. Если вам удастся во второй группе организовать занятия по системе звеньев, можно наиболее организованное и толковое звено (идущее вперед) приспособить для помощи в работе звеньям младшей группы. Можно обе группы иногда объединять на общей работе, проводить беседы на общие темы и затем по вопросам, затронутым в этой общей теме, давать разным группам разный по сложности материал для чтения, письма,

счета. Можно делать общие экскурсии, объединять на общих работах вроде подготовки к проведению и проведению революционных годовщин и праздников, организовать коллективные наблюдения, обследования, разделяя обязанности между группами в соответствии с их подготовкой и т. п.

— А на дом задания давать можно?

— Конечно, можно. Но только такие, которые не могут быть выполнены за детей другими, которые развивают у детей навыки самостоятельного наблюдения и исследования, организационные навыки и связанные с проработкой темы, с исполнением трудовых задач. Урокам на дом, практиковавшимся в старой школе, как-то: упражнениям в счете ради счета, в письме ради письма, ничем не связанным с проработкой темы, не должно быть места в трудовой школе.

Беседа с учителем кончилась. Не знаю, дал ли я что-нибудь учителю, но сам учитель мне много дал.

Пав-ская школа. 2-х групповая. Принято уже 73 человека и с каждым днем дети все прибывают. Предполагается ограничить прием до 60 человек, произвести при окончательном приеме «отбор» детей. Учитель—один, заниматься предполагает в две смены. Не «настоящие» занятия начались 2 ноября. Учитель окончил учительскую семинарию, работает 4-й год. Руководств к началу занятий никаких не получил. Нет даже «Рабочего плана к программе ГУС'а» и самих программ ГУС'а; нет выработанных на губкурсах программ, нет педагогической литературы, журналов. Школа снабжена букварем Шалыт—«За работу», задачками Ланкова, книгами для чтения—«Игра и труд», по городским вариантам. Классное помещение—под одной крышей со спортивной избой, до некоторой степени просторное.

Вхожу в класс. Учитель обращается к детям:

— Ребята, для того, чтоб у нас в школе был порядок, нужно организовать самоуправление, выбрать президиум и дежурных. Давайте устроим для этой цели собрание. Намечайте кандидатов в председатели для ведения собрания и секретаря.

Ребята кричат:

— Петрова!... Потехина!.. Зырянова!.. Караулова!.. и т. д.

— Довольно,—останавливает учитель, в председатели ведь нужно только одного. Буду голосовать в порядке поступления кандидатур... Кто за Петрова?—поднимите руки.

Все поднимают.

— Единогласно,—объявляет учитель.—А кто за Потехина?—поднимите руки.

Опять все поднимают.

— И опять единогласно. Зачем же вы опять все подняли руки? Нужно поднимать только за одного.

Хотелось сказать учителю:

— Виноваты тут не ребята, а вы, т. к. не точно сформулировали свое предложение.

Учитель быстро нашелся, как выйти из затруднения, и сказал:

— Ну, пусть Петров будет председателем. Петров, выходи! А я буду секретарем.

Петров пыхтя, как паровоз, вылез из-за парты.

— Становись здесь и председательствуй.

— Я предлагаю на обсуждение собрания следующую повестку: а) выбор президиума, б) выбор дежурных старост. Согласны?—спрашивает учитель.

— Согласны!..—кричат ребята.

— Намечайте 3-х человек в президиум, только трех.

Ребята опять закричали: «Зырянова!.. Потехина!.. Караулова!».

Только трех. Еще кого?

Молчат.

— Ввиду того, что в президиум требуется избрать только трех и намечено только три кандидата, предлагаю голосовать целым списком. Согласны?

— Согласны!—хором отвечают ребята.

— Председатель, голосуй!

Председатель (учащийся) пыхтит, как паровоз, и, наконец, произносит, таким же тоном, как учитель:

— Кто за президиум, поднимите руки!..

Подняли все, председатель не знает, что дальше делать, выражение лица напряженное, на лбу выступают капли пота, он вытирает их рукавом и вопрошающе смотрит на учителя. Учитель объявляет:

— В президиум коллектива учащихся выбраны: Зырянов, Потехин, Караулов. Запишем это в протокол заседания.

Пишет. Смотрю: «Протокол заседания общего собрания учащихся Павской школы. 10 ноября 1925 года, № 1» и т. д. Пока он пишет, ребята начинают шуметь. Учитель предлагает председателю призвать детей к порядку. И в продолжение писания, а затем в продолжение всего последующего «собрания» учащихся вся роль председателя сводилась уже только к тому, что он кричал: «Тише!.. Тише!..» и лицо у него было какое-то напряженно-тупое, и только вдруг он оживился и крикнул совершенно другим тоном:

— Караулов!.. Ты зачем мою книжку из парты вытащил!.. положи на место!—И рванулся с председательского места к виновнику его беспокойства.

Торжественность собрания была нарушена. Учитель сам стал водворять порядок.

— Для чего все это вы проделываете?—спросил я учителя.

— Организую детское самоуправление.

— Читали положение о детском самоуправлении ГУС'а?

— Как же, читал...

Хотелось прочесть лекцию о детском самоуправлении в школе, но нужно было успеть застать занятия в другой школе. Лошади уже ждали. Оделся и уехал. Дорогой думалось. Помогут ли этому учителю инструкции и короткие методические письма о детском самоуправлении в школе. Что понять помогут ему инструкции, положения, методические письма, рассылаемые Наркомпросом и отделами народного образования? Не работаем ли мы впустую, расходуя время, средства на изготовление, размножение и рассылку этих материалов? Какие материалы следовало бы рассылать такого рода учителям? Не слишком ли много мы требуем от такого рода учителей и что мы можем требовать от них сейчас? Напрашивались выводы... вспомнились задачи детского самоуправления,—«помочь детям осознать свои общественные потребности, развить у детей умение и навыки организовать свою детскую общественную жизнь»... Разрешает ли в какой-нибудь мере эту задачу такой подход, какой сделал этот учитель? Какие свои детские общественные потребности они во время этого «урока» по самоуправлению осознали? Какие умения и навыки приобрели?

Содержанием детского самоуправления в школе должно быть все содержание школьной работы, все содержание детской общественной жизни. Оно должно вытекать и развиваться на основе трудовой деятельности детей; чем сложнее содержание этой трудовой деятельности, тем сложнее становится и

содержание детской общественной жизни. Что являлось содержанием детского самоуправления в «уроках» по детскому самоуправлению? Вопрос о порядках в школе, вопрос о дежурствах в связи с установлением порядков. Это может быть содержанием детского самоуправления. Но дальше...

Формы детского самоуправления должны соответствовать задачам и содержанию детского самоуправления. Прежде создания какого-либо органа детского самоуправления, необходимо помочь детям осознать, что он нужен. Было ли это в «уроках» по самоуправлению? Нет, не было,—для чего создавался «президиум»—неизвестно. Создается форма без содержания. Сколько таких форм без содержания создается в нашей массовой школе?

Чуп-ская школа. Помещается в избе, слабо приспособленной к школьным занятиям. Дверь из класса прямо на улицу, изба просторная, но низкая, темная, душно. Когда вошел ребятам, с голоса учителя, хором разучивали похоронный марш. Оказалось, готовились ко дню траура по поводу смерти тов. Фрунзе. Учитель—комсомолец, работает второй год, член сельсовета, член районного и окружного съезда советов, работает в целом ряде деревенских общественных учреждений. На современность школа откликается. Как? Проследить не удалось. Захотелось в 1-ой группе проверить состояние «формальных» знаний.

— Это можно,—заявил с готовностью учитель.—Вторая группа, марш в лес за зеленью,—обратился он к ребятам,—только, смотрите, носы друг другу не разбивать, деревьям зря не портить, набрать зелени немного, столько, чтоб хватило на венок и две гирлянды, словом, делайте так, как уговорились. Кто староста, вожатые звеньев, строиться и марш...

Ребята II-й группы ушли.

— Какой метод применяете при обучении чтению и письму?

— Метод целых слов. Пользуюсь словарем Горобца. Ну-ка, ребята, я напишу сейчас, а кого вызову—прочитаете.

Пишет на доске фразу. Читают. Пишет другую—читают. Думаю—заучили. Беру букварь. Из слогов, встречавшихся в разученных словах, составляю новые, незнакомые детям слова. Предлагаю читать. Читают. Предлагаю писать слова. Пишут. Спрашиваю:

— Слова на слоги разлагали?

— Разлагали.

— А как у них счет?

— Проверьте.

Проверяю. Ребята бегло считают устно и письменно. Спрашиваю:

— Как вы достигли этих результатов?

— Не знаю. Не могу вам рассказать. Просто занимался, так и получилось.

— А по какой программе занимаетесь?

— По программе ГУС'а. Только не знаю, правильно ли я ее понимаю.

У меня возникает очень много вопросов. Например: в «Рабочем плане к программе ГУС'а» написано: «Жизнь ребенка к моменту поступления в школу, 3 дня». Какой период жизни ребенка изучать? Только то, что он делал в течение 3-х дней до поступления его в школу или брать больший период?

— «3 дня» действительно написано в «Рабочем плане»... Но это ведь значит только, что в течение трех дней рекомендуется этот вопрос проработать.

— Так почему же об этом в «Рабочем плане» не говорится? Надо бы об этом сказать. А то вот еще вопрос. В программе написано: «Наблюдение над вскрытием реки», а река не вскрывается во время проработки той темы, в ко-

торой это напрасно. Или, например, написано: «Экскурсия в совхоз», а совхоза нет, «Поездка в город», а никто в город не едет и т. п. Словом, работать в точности по программе ГУС'а нельзя. Можно делать пропуски?

— Не только можно, а необходимо, иначе вы будете работать не по программе ГУС'а.

— Как так?

— Да так... Вчитайтесь, вдумайтесь хорошенько в объяснительные и методические записки и вводные статьи, которые приложены к программе ГУС'а. Что там написано? Там написано, что нужно изучать трудовую деятельность семьи, деревни, края, СССР, природу в связи с трудовой деятельностью и общественные явления... Начинать с того, что окружает. Если нет реки, как наблюдать рекаст или вскрытие? Если нет совхоза, как совершать в него экскурсию? Если в вашей местности топят кизяком, как принимать участие в дроворубе? На нет и суда нет. И не наблюдайте. Но, с другой стороны, в программе нет того, чем занимаются у вас в деревне. В вашей деревне сеют много льна, ходят в «чернь» (Кузнецкая тайга), на золотые прииски. Вот это и изучайте, хотя об этом ничего не сказано в программе. «Программа» создавалась в Москве, «Рабочий план к программе» — в Новосибирске. Можно ли из Москвы, из Новосибирска предусмотреть, что есть в деревне. Чуп—ской? Можно ли из Москвы, из Новосибирска указать, что, в каком порядке изучать... На Кавказе жнут, а в Сибири в это время только сеют. В Киренском уезде молотят зимой, на льду, а в Славгородском округе, осенью, до снега. В тайге занимаются охотой на белку, а в степи... и т. д. Каждая школа должна, на основе программы ГУС'а, составлять свою программу, в особенности для 1 и 2 года.

— В таком случае, для чего же программу ГУС'а предлагают рассматривать, как обязательную?..

Беседовали долго. Создалось впечатление—этот выправится. Возник вопрос у меня самого. Какая программа, как программа, могла бы быть обязательной для всех школ СССР? Только такая, в которой для первого года дается схема изучения всякого крестьянского хозяйства, вне зависимости от того, где оно существует, для второго года—схема изучения хозяйства деревни вообще и для третьего года — схема изучения всякого края вообще, т. е. такая программа, в которую могут быть включены только общие вопросы, характерные для каждого крестьянского хозяйства, хозяйства деревни, хозяйства края. Другими словами говоря, обязательной для всех школ может быть только схема изучения крестьянского хозяйства, хозяйства деревни, хозяйства края и указан объем материала, подлежащего изучению.

М-ская школа. Районная опорная школа. Пару слов об учителях и условиях их работы. Учителей 3, групп 4. Вторая группа не работает. Заведывающий школой—вдумчивый опытный педагог, с большим педагогическим стажем, человек культурный, образованный, но, глядя на него, слушая его, становится как то не по себе. До какой степени можно издергать и заездить человека, который не умеет отказываться от работы?! До какой степени можно его измочалить, истрепать?!.. Вид измученный, лицо напряженно-страдальческое, фразы строятся медленно, с трудом, с трудом вытягиваются откуда-то издадека мысли, с трудом собираются, формулируются. Не в школе ему работать, а куда-нибудь на зимний курорт, в природу, в лес. Голова тяжелая, свинцом давит тупая, тяжелая боль.

— Сегодня почти не спал. Вчерась тоже не доспал. И так каждый день... Вы уж меня извините, если я, что не так скажу...»

Хотелось ответить:

— Идите спать!.. Вам спать нужно и потом... на перелет, под кусты,— запоздалых гусей и уток стрелять!..

Но не сказал. Почему? По той же причине, по какой мы все мучим сами себя и других. По той же причине, что мы спешим сделать возможно больше, гоним себя и других, пытаемся успеть сделать то, что требуется бурным ростом требований, выдвигаемых революционным строительством новой жизни.

Надо бы остановиться, осмотреться, учесть то, к чему приводит такая рвачка, такая лихорадочная, надрывная работа. Имеем ли мы право так расходовать энергию старого актива просвещенцев? Впрочем, не в «праве» дело..., а в том, чем, как мы заполним вот этот, выходящий из строя актив? Есть ли ему смена? Она, конечно, будет, но ее сейчас нет. Она создается, будет на-капливаться годами в процессе спокойной, вдумчивой работы. А пока что молодой актив, идущий на смену старому активу, все принимает на веру, без критики, слепо веруя в то, что идет из центра, что говорят и советуют признанные авторитеты, авторитеты «выверенные», по выражению одного из молодых учителей.

Тов. Луначарский жаловался: «Учителя воробья раздирают на три колонки». — Природа, труд, общество. Почему? По какой причине? Что послужило к этому поводом? Слепая вера в «выверенные» авторитеты. Если хотите, виновата вся система административного безапелляционного внедрения на местах педагогических идей в сознание учителей в порядке обязательности и общая педагогическая безграмотность и культурная отсталость молодой массы учителей, отсутствие у них воли и способности к критике, отсутствие времени у молодого и старого актива, для того, чтоб разобраться, продумать. «Домашние животные» разодраны на три колонки в программе ГУС'а, почему же не разодрать на три колонки «воробья». Чем «воробей» хуже домашнего животного?»

Все это пронеслось в моем сознании, когда я смотрел на зав. опорной школой, приготавливаясь слушать и слушая его доклад.

Выводы:

1) Надо во что бы то ни стало сохранить актив, дать ему возможность опаматоваться, отдохнуть, собраться с силами, вдуматься, разобраться. Не рвать этот актив на части. Надо прислушаться к тому, что этот актив заявляет, а он заявляет:

—Разрываясь на части, нигде ничего путного не сделаешь.

2) Надо всем руководящим методическим центрам с особенной вдумчивостью относиться к тому, что ими выпускается в качестве обязательных, рекомендуемых, одобренных, допущенных руководств и не рвать педагогическую мысль учителя-массовика на части бурным потоком разнообразнейших педагогических идей, возникающих у педагогов-новаторов.

Но довольно «лирических» отступлений.

Вот что рассказывал в своем докладе зав. М-ской опорной школой.

«Начали работать с переподготовки. Созвали семидневную районную конференцию. Обсуждали вопросы: 1) О краеведческой работе школы, 2) О «Рабочем плане к программе ГУС'а»—Сибметодсовета, 3) О плане работ по длительной переподготовке. Центральным вопросом был вопрос о «Рабочем плане к программе ГУС'а» Сибметодсовета. Он внес много ясности в вопрос о работе по программе ГУС'а, упростил ее понимание, но в то же время он в том виде, в каком издан, влечет за собой опасные последствия. Материал тем не развернут, внимание концентрируется только на вопросах трудовой деятельности, в результате, учителя не знают, что изучать в связи с трудовой деятельностью из области явлений природы и общественной жизни. Тут широкое

белое поле для действия по принципу: «Кто во что горазд». Нужно развернуть колонки. Нужно дать точное определение понятий: педагогическая задача, целевая установка, центральная идея, что должны усвоить дети, трудовые задачи и т. д. А то все перепуталось. Для облегчения работы, учителю нужно дать примерные схемы наблюдений, экскурсий, разведок. При изложении содержания материала, подлежащего проработке, нужно указать примерный порядок и методы его проработки. Разносить материал формальных знаний и навыков по темам, по-моему, нецелесообразно, но массовики-учителя этого требуют. По-моему, нужно бы дать только принципы увязки формальных знаний и навыков с материалом тем и несколько примерных тем. Затруднения, на которые наиболее часто жалуются учителя, при работе по программе ГУС'а, следующие: часть не находит, достаточного для составления типовых задач арифметического материала; у нас в школе, при работе по программе ГУС'а, недостатка в арифметическом материале не чувствуется. Обследования, разведки дают его в избытке. Учителя-массовики настаивают на составлении подробного рабочего плана и говорят: «Не бойтесь, подробный план не задушит нашу инициативу, наше творчество,—но он облегчит нашу работу. Сейчас у нас на развертывание схем, на составление повседневного рабочего плана уходит времени больше, чем на работу с детьми». Еще затруднения: «один говорит: если все, что есть в программе ГУС'а, проработать, 10 лет мало, она слишком подробна; другой говорит—программа очень кратка. Я все, что есть в программе, в 10 дней проработаю потому, что все, что там написано, ребята и без учителя знают». Угодить, потрафить всем трудно. Основной недостаток «Рабочего плана к программе ГУС'а»—отсутствие подробной объяснительной записки: «что к чему, неизвестно». Его достоинства: дана формулировка годовой темы, дана формулировка тем по основному стержню (трудовая жизнь), сокращен программно-образовательный материал, определено время для каждой темы, упразднено деление на колонки, дана синтетическая формулировка темам, определен подробно объем формальных знаний и навыков для каждого года, даны примерные разработки по одной теме каждого года и т. п. Сущность работы над «Рабочим планом к программе ГУС'а» на нашей конференции заключалась в том, что мы пытались разработать в подробностях каждую тему и насытить ее краеведческим материалом.

Как мы работали в своей школе? За время с 5 октября до 1 ноября в первой группе проработаны следующие темы: «Жизнь ребенка до школы летом»—15 дней. «Ребенок, семья до поступления ребенка в школу»—15 дней. Сейчас готовимся к проведению годовщины Октябрьской революции и прорабатываем соответствующую тему. Какие затруднения были при работе и какие достижения сделаны, об этом скажет товарищ, работающий в 1-й группе. В III группе проработана одна тема—«Труд и здоровье человека», по рабочему плану Сибоно, разбитая на следующие подтемы: «труд крестьянина», «труд детей», «труд взрослых мужчин и женщин и условия труда»—7 дней.

В IV группе прорабатывается тема «хозяйство района»—с 15 октября по 5 ноября. В связи с проработкой темы, участвовали в проведении «дня урожая». До начала занятий по теме, отчасти в связи с ней, были организованы и выполнены следующие работы: 1) высадка из питомника тополей; 2) рассаживание акаций; 3) убрали школьный двор; 4) вставили рамы и вообще приводили хозяйство школы в порядок. Следует отметить, что эти работы имели большое, организующее и дисциплинирующее влияние на ребят. На этих работах удалось «собрать» ребят, спаять в рабочий коллектив. Рабочие планы в первой группе составляются, кроме общего плана, на каждый день. Это облегчает работу, вносит в нее четкость и плановость. Дети принимают

участие в планировании работы перед каждой работой. Каждая работа начинается, примерно, так: что делали, что будем делать, как, для чего и т. п. Кроме того, в первой группе обсуждается общий план работы на день, на два, не больше. На больший срок, опыт показал, планировать нецелесообразно; ребята забывают цель, не могут в своем сознании удержать детали плана. В III группе с детьми работа планируется на срок от двух дней до недели. Планировки потребовала звеньевая система занятий. Она у нас широко практикуется. В IV группе с детьми работа планируется на более продолжительный срок, и ребята к планированию относятся совершенно сознательно и серьезно. Планируются все темы.

Общественно-политическая работа учителей среди населения не связана с работой школы, с работой учащихся и не вытекает из работы по программе ГУС'а. Программа ГУС'а и работа по ней—сама по себе, и учителя и их общественно-политическая работа—тоже сама по себе, и последняя отнимает больше времени, чем первая. Учитель больше занят общественной работой, чем школой. Эта работа ведется без плана, от случая к случаю. Этого общего плана нет и у деревенских общественных организаций. Пионер-организация в школе имеется. Как более дисциплинированные, дети-пионеры играют роль организаторов-руководителей остальной массы детей в школе, инициаторами наиболее интересных и жизненных мероприятий общественного значения, но, в то же время, следует отметить, что в прошлом году в отряде был педагогически неподготовленный вожатый, который приучил ребят к командованию, к подавлению, а не к выявлению и организации детской инициативы. В нынешнем году вожатый-педагог,—комсомолец. Это сочетание дает хорошие результаты.

В чем выражается, кроме специально учительской, оторванной от школьной работы, общественно-политическая работа школы и связь с населением, с общественными и советскими организациями деревни? В IV группе изучается «Наш край». Так как в прошлом году он не был достаточно хорошо изучен, прорабатывается тема «Хозяйство нашей деревни и района». Изучается: земледелие, животноводство, подсобные промыслы, общественные и советские учреждения и организации деревни: РИК, кооперация, агропункт, профорганизации и пр. В связи с этим, организуется связь с деревенскими учреждениями и населением: 1) помощь избы-читальне в ее работе, с.-х. кружок учащихся влился в с.-х. кружок избы-читальни, 2) связь с агропунктом и помощь ему в проведении агрономических мероприятий, в частности «Дня урожая», 3) беседы детей с родителями о том, что узнали в школе, чтение им книжек, газет и пр., 4) подготовка к проведению годовщины Октябрьской революции производится по общему плану со всеми деревенскими организациями (школа участвует в организации спектакля, дети выступают в качестве декламаторов, участвуют в хоре и т. п.). Связь школы с родителями слабая, как общее правило, родители не идут на собрания, созываемые школой, а учителю ходить в семьи родителей некогда.

Детское самоуправление имеется. Формы организации детского самоуправления создаются в процессе работы—общие собрания, групповые собрания, групповой коллектив, состоящий из звеньев, во главе которого стоит совет вожатых звеньев. Введен институт дежурных. Созданы комиссии—санитарная и библиотечная, как постоянно действующие учреждения. Что является содержанием работы детского самоуправления? Мы держим курс на то, чтоб содержанием работы детского самоуправления было все содержание

звена. Основные моменты доклада таковы: состояние сельского хозяйства в районе и его динамика. Раньше сеяли то-то, обрабатывали землю так-то, держали такой-то скот, так-то за ним ухаживали и т. д., теперь делается то-то. На этом фоне разворачивается картина деятельности агропункта. Такое-то количество хозяйств по годам переходят к таким-то улучшениям в сельском хозяйстве, такова-то доходность от культурного ведения хозяйства и т. п.

Доклад кончен. Посыпались вопросы. Ребята—аудитория «припирает докладчика к стене»,—а то-то скажи, а то-то скажи. А почему про это-то не узнали? А от чего то-то происходит? и т. п. Докладчик дает ответы, на помощь к нему приходят товарищи из звена. И докладчик и его товарищи из звена вытирают со лба пот. Невольно подумалось, вот что значит «устроить баню», «поддать пару». Учитель нет-нет да и вставит свое слово. Попридержит «ретивых» допросчиков.

— Вы, ребята, того, не до бесчувствия. Не довольно ли? Ишь—упрели наши докладчики. Не устроить ли перерыв?

Все согласны. Перерыв. Ребята шумной толпой вырываются в коридор, на улицу. Делового настроения, как не бывало. Кого-то тиснули, ущипнули. Кому-то заехали в бок. Шум, крик, беготня. И сам докладчик о чем-то постороннем с азартом спорит. Чудесное волшебное превращение. Перерыв кончился. Опять тишина. Опять образцовый порядок.

Началось обсуждение доклада и «прение». В результате обсуждения доклада выносятся следующая резолюция:

- «1) Работу признать удовлетворительной.
- 2) Доклад читать одному, а не нескольким членам звена.
- 3) Товарищи докладчики не должны вставлять свои замечания в рассказ докладчика, когда он говорит.
- 4) Доклад сопровождать рисунками, диаграммами, которые следует вывешивать, чтобы их было видно.
- 5) В докладе нет выводов».

Так прошел доклад. На какие размышления он наводит? Обращаюсь к учителю, тому самому, который делал доклад:

— От оценки работы воздержусь. Боюсь сказать что-нибудь определенное. Мне бросилось в глаза следующее: читая о вредителях, ребята читали как-будто не свой доклад, а выписку из брошюры о вредителях вообще. А какие вредители существуют в вашем районе, я так и не понял, что вы на это скажете?

— Да, это место в докладе было самое слабое. Я тоже это заметил.

— Еще одно замечание по существу практического значения этого доклада, или, как принято теперь выражаться, его целевой установки. Для чего он делался?

— Пока что только для того, чтоб создать у ребят представление о состоянии местного сельского хозяйства и о работе агропункта и его значении. Это начальная стадия нашей работы. Мы еще не доросли до того, чтоб из докладов делать не только теоретические, но и практические выводы. Сейчас мы только изучаем. Будет больше опыта, будем сопровождать изучение практической деятельностью учащихся. Не все сразу.

Этот ответ мне понравился своей искренностью. И в данном вопросе, в вопросе связи изучения действительности и воздействия на действительность у учителя ясное представление. Он знает, что нужно делать и как нужно делать, но не находит еще возможным делать все, что нужно и делать *полностью так, как нужно.*

III-я группа. Совсем другая картина. Не школа, а парламент, и парламент большинством голосов. Тоже звеньевая система. Звено делает доклад о значении Октябрьской революции, о подготовке к проведению Октябрьской революции. Председательствует один из учащихся. Председательствовать не умеет, трудовой дисциплины нет. Учитель наблюдает, как докладчик корежится, придумывая, что сказать, и говорит «чужие» слова, высказывает «чужие», где-то подслушанные, мысли. Формулировать предложения не умеет. Учитель подсказывает формулировки, в результате принимается большинством голосов ряд положений.

Приведем наиболее характерные из них:

1) До Октябрьской революции, при царе, крестьянам жилось худо, бедно.

2) После Октябрьской революции крестьянин стал жить хорошо, богато.

— Согласны?

— Согласны!..—кричат одуревшие от скуки ребята.

— Перерыв!..—кричит кто-то.

— Кто согласен на перерыв?

— Я, я, я!.. В общем гуле учитель учуял необходимость перерыва, но, ради чего—неизвестно, все-таки предложил проголосовать по порядку. В результате, ребята еще на несколько томительных минут были задержаны в классе.

Наконец, вырвались из класса. Слышу, кое-кто из ребят комментирует и корректирует результаты звеньевой проработки о значении Октябрьской революции следующими язвительными словами:

— «До Октябрьской революции, при царе, крестьянам жилось хорошо, богато, а после Октябрьской революции живется худо, бедно»...

Где учитель? Слышал ли он это? Не знаю. Учитель убежал в райком ВКП (б) для обсуждения вопроса о подготовке и проведении годовщины Октябрьской революции. Так увидеть его не удалось.

Кто виноват, что дети сделали такой вывод в результате проработки вопроса о значении Октябрьской революции? Сами дети? Их семьи? Деревенское кулачье? Нет—виноват учитель. Разве можно так вести работу?

Ребята знают, что до революции сибирский крестьянин жил богаче, в этом убеждают их факты: уменьшение площади посевов, уменьшение количества скота, зачем же убеждать их в противном и допускать «голосование» заведомо ложных положений? Нужно было объяснить причины объединения крестьян. Ход «урока» мог быть таким. Выяснить, как, по мнению ребят, жилось до Октябрьской революции крестьянам. Рассказать, что влекла за собой империалистическая война. Какое количество средств расходовалось на войне с каждым выстрелом из тяжелых орудий. Рассказать о том, как росли долги России, как уничтожались сотнями тысяч люди, чем угрожало продолжение войны, какой нищетой, каким разорением и кабалой. Рассказать о том, как и почему произошла Октябрьская революция, могла ли она не произойти и, наконец, о том, что дала Октябрьская революция рабочим и крестьянам. А дала она много: крестьянам—землю, рабочему классу—фабрики и заводы, тем и другим перею и возможность поправлять разрушенное войной и революцией хозяйство, право и возможность править страной и т. д. Вот в каком направлении нужно было прорабатывать вопрос об Октябрьской революции.

В 1 группе на занятиях побывать не удалось. Учитель—юнец-комсомолец. Вдумчивый, сосредоточенный. Глубокий интерес представляет его дневник, из которого видно, как велась работа в школе, как он подходил к детям, к делу, какие встречались затруднения при работе и т. п.

Вот выписки из этого дневника:

«5 октября 1925 года.

Первый день. Начали с трудовой задачи по приведению в порядок класса: расставили правильно парты и лишние парты вынесли в другие классы. В этой работе указывалось на количество рядов парт и на количество парт в каждом ряду (выработка числовых представлений в пределе 5). Затем все расселись по местам, кто куда хотел, и началась беседа о том, зачем дети пришли в школу. На мои вопросы они отвечали, что пришли учиться, учиться по грамоте, учиться писать, читать и считать. В классе были ученики старших групп. Один из них рассказал, как они ходили на экскурсии, писали сочинения, решали задачи, рисовали, читали книжки и т. д. Для того, чтобы учиться, нужно иметь карандаши, бумагу, букварь. В школу нужно приходиться утром. В беседе ученики ознакомились с предметами школьной обстановки. Попутно давались понятия: высокий, низкий, длинный, короткий, толстый, тонкий, большой, маленький. Ученики знакомились с материалами, из которых сделаны школьные предметы, с их цветом и формой. После беседы ученикам было предложено зарисовать предметы школьной обстановки, кто что хочет, после чего ученики разошлись по домам.

В классе было холодно, и ученики сидели не раздеваясь. Сегодня из 46 записавшихся было только 22. Занимались около 3-х часов. На улице холодно и дождливо. Прогулки сделать нельзя.

6 октября 1925 года.

Что нужно проработать? Беседа: как проводили дети лето. Где играли: в избе или на улице, на лугу, в поле, в лесу и почему больше играли на улице, а не в избе? В какие игры играли на улице, на лугу, в поле, в лесу и почему больше играли на улице, а не в избе? Какими предметами и явлениями природы пользовались во время игры: растения, ветер (мельницы, змеи), животные, дерево, камни, глина? Какие игры и кто считает самыми любимыми и почему? В какие игры дети играли в одиночку и в какие—группами? Как велики были группы во время отдельных игр? Какие игры кому больше нравятся: индивидуальные или коллективные? Можно ли зимой в школе играть во все игры, в которые играли летом, если нельзя—почему?

После беседы—зарисовки о летних играх. Рисунки окружаются бордюрами. Затем дети играли в те летние игры, в которые можно играть в школе. Учитель сообщает новую игру в лото (математическая игра для выработки у детей числовых представлений в пределе 5).

Как проработано. Беседа сначала шла плохо. Ни один ученик не мог дать связного рассказа о своих играх. На вопросы отвечали односложно. Приходилось, что называется, вытягивать из них ответы. Из ответов выяснилось, что летом дети играли в мячик, в шарик, стреляли из самодельных ружей и лучков, пускали змейки, некоторые делали аэропланы, играли в прятки, жмурки и пр. Оказалось, что дети летом больше играли на улице, а не в избе потому, что на улице и теплее, и солнышко светит, и места много. В мячик в избе играть не будешь. А вот зимой больше приходится играть в избе, потому что на улице холодно. Зимой на улице играют не в те игры, в которые играли летом. Зимой катаются на коньках, на полках и на санках, играют в снежки, пускают змейки и т. д. Вместе играть лучше, чем в одиночку. Вместе играть веселее, играть в такие игры, как шарик, мячик, хоровод, разлука—одному и играть нельзя.

Затем ученикам было предложено зарисовать, как они играли. С рисованием занятия значительно оживились. Ученики подходили ко мне со своими рисунками и с воодушевлением рассказывали то, что они зарисовали. Рисование развязало им языки, и те, от которых с трудом можно было добиться ответа на тот или иной вопрос, по рисунку давали вполне свободный и связный рассказ о своих летних играх.

День был хороший, и мы вышли на школьный двор поиграть в свои летние игры. Начали играть в хоровод, но не клеилось дело с песнями. Тогда стали играть в «кошку и мышку» (и в «разлуку»). Возвратившись в класс, решили сделать небольшую спевку и поучиться петь, чтобы можно было после играть хороводом. Пели и «Журавля» и «Весело было нам». Затем я им показал новую игру в лото. Детям она очень понравилась. В этой игре у детей вырабатывались числовые представления. На картах лото были изображены числовые фигуры до 5.

После игры дети заявили, что они еще хотят заниматься. Тогда я снова повторил с ними беседу о летних играх. Теперь они чувствовали себя свободнее и бойко отвечали на вопросы, а некоторые давали даже довольно подробные рассказы. Жаков Тимофей заявил, что он любит делать аэропланы, рассказал, как он видел прилетевший в Маслянино аэроплан, и при этом задал мне целый ряд вопросов об аэроплане. В беседе последовательно выделялись фразы и тут же в виде рисунков и черточек записывались на доске мною, а учениками в своих тетрадях (Мальчики играют в шарик. Мальчик стреляет ружьем. Мальчик пускает змеек). Здесь дети учились делить фразы на слова и каждое слово изображать отдельным знаком. Кроме того, это должно привести их к сознанию необходимости записывать не рисунками, а словами. В классе было 20 человек».

(Продолжение следует).

К. Никулин.

Учет годичной работы школы.

Приближается конец учебного года. Уходит еще один год мучительных исканий, тревог, сомнений и, конечно, ошибок. Что сделано за этот год школами? Каковы их достижения в области приближения к жизни, т. е. в области осуществления комплексной системы и совершенствования методов? Каковы их ошибки?

Вот вопросы, на которые мы должны получить ответы в конце рабочего года.

Получить ответы мы должны потому, что без них мы не сможем осветить и расширить перспективы дальнейшей работы в школе.

Для Сибири это особенно важно, так как условия работы сибирской школы гораздо сложнее и значительно безрадостны, чем это имеет место в центральной России. Помимо того, широкие слои трудящихся, занятые обычной своей деятельностью, имеют весьма небольшие возможности ближе стать к школе, понять ее и в худшем случае хотя бы знать о ней несколько больше того, что они знают о ней обыкновенно по-наслышке, из отрывочных корреспонденций или от ребятшек, очень часто также не могущих правильно и обстоятельно осветить ход школьных занятий.

Если учреждения, руководящие делом народного просвещения, должны в учете годичной школьной работы получить материалы для ее улучшения и углубления в дальнейшем, то население в то же время должно широко знакомиться вообще со школьной работой, чтобы понять ее, чтобы не видеть в ней только какие-то пустые забавы (пение, рисование) и пачкатию (лепку).

Ведь странно то обстоятельство, что сельский учитель нередко (да и только ли учитель?) уступает этому незнакомству крестьян с тем значением, какое имеют в школьной работе и рисование, и пение, и лепка, и экскурсии и нечто другое, от чего робкий учитель иногда отказывается, применяясь к вкусам педагогической неграмотности населения.

Не школу надлежит снижать в вышеуказанном смысле до вкусов и инстинктов крестьянства, а, наоборот, крестьянство должно дорасти до понимания основ и методов новой советской школы, а помочь ему в этом может больше всего сама школа.

Учитель тоже заинтересован в значительной степени в том, чтобы крестьянин понимал его работу правильно, чтобы он помогал ему в работе. Помимо всего сказанного, и сами учащиеся тоже нуждаются в том, чтобы к концу рабочего года суммировать и привести в систему подчас разрозненные отрывочные знания, приобретенные ими, и еще раз, так сказать, «набело», просмотреть все, что они сделали, с чем ознакомились, чему научились.

Следовательно, с какой бы стороны мы не подошли к вопросу об учете годичной работы школы, мы приходим к заключению, что этот учет необходим как по соображениям педагогическим, так и по соображениям широко общественным.

Здесь уместно поставить вопрос о том, что следует считать концом учебного года, тот ли момент, когда школьная работа обрывается в силу общеизвестных экономических причин (весенние сельско-хозяйственные работы), или тот, когда школа окончательно завершает какой-то определенный цикл, определенный период своей жизни?

Мы совершенно несогласны с общественным порядком, устанавливающим каникулы в зависимости от начала весенних работ с продолжительностью в 6-7 месяцев. Мы определенно думаем, что разрыв в школьной работе на такое длительное время, во-первых, ничем не оправдывается а, во-вторых, значительно затрудняет осуществление полного слияния школы с трудовой жизнью населения, так как в период наибольшей напряженности сельско-хозяйственных работ школа стоит от них вдалеке, школа чужда им.

Вопрос вообще об организации учебного года сейчас является вполне своевременным, но, несмотря на его своевременность и остроту, мы, к сожалению, на нем не можем остановиться здесь подробнее. Скажем только, что для четвертой группы (вообще выпускной) еще можно было бы согласиться с определением конца учебного года ранней весной, но для других групп концом года следовало бы признать время, удобное для проработки комплексов: «Жизнь ребенка до школы летом» (1 группа), «Жизнь ребенка во время летних вакаций» (2 группа) и «Трудящийся человек» (3 группа). Повидимому, это во многих местностях должно совпасть с праздником урожая, и это очень хорошо. Весь смысл и значение сельско-хозяйственного труда в сознании ребенка таким путем приобретут полную законченность.

Как при таком представлении об учебном годе следует его организовать,—этот вопрос составит предмет особой статьи.

Но здесь мы сговариваемся, что, принимая во внимание изложенные соображения, мы находим необходимым во всех случаях, когда найдут нужным по тем или иным причинам учебный год закончить перед началом весенних сельско-хозяйственных работ,—одновременно с подытоживанием работ набрасывать и перспективы на лето, чтобы хотя этим установить связь и преемственность одного периода занятий с другим и связаться с подлинной трудовой жизнью деревни.

Вместе с тем мы знаем, что в некоторых местах начинает прививаться так называемая «летняя школа». Бывали случаи, когда подытоживание работы в школах производилось после «летней школы», т.е. в июне месяце.

Так вот, перед нами стоит вопрос о том, как следует организовать это подытоживание и учет школьной работы за год.

Прежде всего постарайтесь ухитриться себе, что должен дать учетный период учащимся, учащим, населению и отдела народного образования?

Как уже сказано раньше, учащиеся должны получить полное закругление и отшлифовку тех сведений, которые у них накопились в течение года. Но это не все. Необходимо, помимо того, мысленно пробежать по всей работе за год, чтобы яснее и отчетливее представить себе ту жизненную цепь явлений, которая была предметом их изучения. Необходимо же это сделать потому, что только таким путем им удастся установить более широко связь и взаимную зависимость одних явлений от других.

Вопросы: «Что мы делали? Для чего это делали? Как это делали?»—должны являться основными вопросами, побуждающими детей к уяснению

всего проработанного. Материалом, направляющим соответствующие беседы, являются общегрупповые дневники или учетные карточки, а также и другого характера учетный материал (диаграммы, чертежи, рисунки, модели и т. п.).

Одновременно с этим учащиеся приводят в систему все приобретенные ими за год познания и все добытые ими материалы и работы. Словом, идет *длительная подготовка к школьной выставке*. По опыту некоторых школ мы знаем, что такая подготовка должна занять недели две времени. Это время и является учетным периодом школьной работы за год. Мы считаем, что подготовка к выставке имеет громадное педагогическое значение не только потому, что является благоприятным периодом для повторений и систематизации, но и потому, главным образом, что воспитывает в учащихся весьма ценное качество критической оценки своих работ и своих действий.

В то же время в течение таких занятий учитель имеет возможность определить те пробелы в знаниях учащихся, которых он в обычной работе не замечал, и, следовательно, сумеет своевременно эти пробелы заполнить.

Вместе с тем, для учителя этот подготовительный к выставке период имеет еще и самостоятельное значение, значение, так сказать, самоконтроля. В самом деле, когда, как не в это время, представляется вполне удобным поставить себе вопросы такого порядка:

— Все ли мною проработано с достаточной полнотой и ясностью?

— Не упустил ли я чего весьма существенного и важного и, наоборот, не выдвинул ли чего второстепенного?

— Достиг ли я тех целей, которые ставил перед собой в начале года?

— Что следует принять во внимание при построении занятий на будущий год?

Каждый учитель постарается использовать этот период и для себя и для учащихся, и работы по организации выставки дадут ему богатые к этому возможности. Так отвечаем мы на вопросы, что должен дать учетный период учащимся и учащим.

Остановимся теперь на третьем вопросе, — что он должен и что он может дать населению?

В этом отношении главная задача школы сводится к пропаганде своей работы, своих достижений, своих планов. Школа чрезвычайно заинтересована в том, чтобы ее понимало и ценило население. Ибо если население ее станет понимать и ценить, то школа получит все возможности теснее слиться с жизнью, т. е. стать подлинной трудовой жизненной школой. А это является нашим идеалом. Мы никогда не создадим такой школы в обстановке недоверия и подозрений, — она неизбежно будет оторванной от жизни.

Учетный период должен поэтому сводиться к тому, чтобы показать крестьянам, что школа изучает то самое, что составляет смысл и сущность крестьянской жизни. Вместе с тем школа должна убедить крестьян — и это весьма важно — почему советская школа вообще не может продолжать работать так, как работала старая школа в условиях буржуазно-помещичьего самодержавия. И, наконец, школа должна показать, что ее методы есть не «вредные» методы, а единственно те самые, при помощи которых достигаются все цели воспитания — и разностороннее развитие ребенка, и осознание им окружающего, и накопление в нем определенной суммы формальных знаний, и желание и умение детей участвовать в общественной работе, хотя бы и небольшой, хотя бы и скромной.

Всего этого можно достигать в текущей работе через представительство населения в школьном совете путем постановки докладов в сельсовете

и на родительских собраниях, путем участия детей в работе избы-читальни и, наконец, путем посещения крестьянами занятий в школе.

Но, помимо всего этого, учетный период сам по себе может во многом содействовать тем целям, которые определены выше. Он так должен быть организован, чтобы крестьянин в полной мере мог ознакомиться с работой школы вообще и с ростом детей в частности. И в этом случае школьная выставка с активным участием детей не только в подготовке ее, но и в самом проведении, а также заключительный годичный торжественный акт сыграют значительную роль и помогут крестьянам уяснить значение современных школьных программ и методов.

Наконец, отделам народного образования в их методической работе и руководстве следует опираться на массовый опыт школ.

Конечно, отделы народного образования имеют возможности и способы учитывать школьный опыт и в течении всего года через инспектуру, через отчеты школ и путем участия на учительских курсах, совещаниях и с'ездах. Но школьные выставки и в этом случае будут служить хорошей иллюстрацией того, что и как проделано школой за год. Необходимо лишь живое участие представителей отделов на выставках школ.

Таким образом, мы можем считать, что школьные выставки и заключительный акт школы является такой формой учета, которая по своему педагогическому и общественному значению вполне является единственной в условиях сельской школы.

Эта форма учета, кроме того, вполне доступна каждой школе, если только школа творила подлинную работу по изучению окружающего и принимала хоть маленькое участие в жизни своего села или поселка.

Недаром этой именно форме учета и ГУС придает огромное значение, включая устройство выставок в программу школьных работ.

Спрашивается, какой характер должна иметь школьная выставка и как ее следует организовать, чтобы она служила всем стоящим перед ней целям?

В этом отношении надо в ней различать два момента: момент подготовительный, имеющий преимущественно педагогическое значение, и момент заключительный, значения по преимуществу общественного.

Подготовительный период длится не менее двух недель. В течение этого времени учащиеся, подбирая и приводя в порядок все свои изделия и работы, шаг за шагом, отдают себе отчет в том, когда и что они изучали, какие именно проделали работы, что узнали. Учитель в то же время наблюдает, хорошо ли и правильно ли дети усвоили то, что прорабатывали. Вместе они подытоживают, сколько и куда они сделали экскурсий, сколько и каких собрали коллекций, устроили моделей, что прочитали, что писали. Групповые дневники в этом случае будут весьма необходимы и ими придется пользоваться, пожалуй, ежедневно.

Одновременно с этим, как мы уже сказали, идет работа по приведению в порядок детских работ. Но ведь этих работ мало. Что же из них брать для выставки?

Мы думаем, что надо брать самое существенное, что характеризует данную именно местность или раскрывает вообще, в основных чертах, тот предмет или ту тему, которая являлась главнейшим объектом изучения в данной группе. Одним словом, необходимо, чтобы каждая группа с полной отчетливостью представляла себе, что именно она должна дать на выставку. В этом отношении мы могли бы посоветовать установить для каждой группы те основные темы, которые определены программами ГУС'а, а именно: для

1-й группы «Семья и школа», для 2-й группы—«Наша деревня», для 3-й группы—«Наш край» и для 4-й группы—«СССР и весь мир».

Установив таким образом основную тему для каждой группы (а это сделать будет нетрудно, так как именно эти темы и прорабатывались в течение года), приступают к отбору того, что является наиболее характерным для выражения темы в экспонатах. Не посоветовали бы мы при этом гнаться за количеством экспонатов, так как при осмотре выставки крестьянину будет трудно ориентироваться во всем разнообразии экспонатов. Смысл выставки заключается не в количестве экспонатов, а в том, насколько ярко они характеризуют данную тему, насколько в отдельных случаях они раскрывают недочеты в нашем крестьянском хозяйстве и что они рекомендуют для улучшения хозяйства.

Поэтому обще-употребительные таблицы и диаграммы, показывающие, например, значение удобрений, раннего пара, глубокой вспашки, травосеяния, экономию сил и средств при употреблении машин, значение здорового чистого воздуха, данные, характеризующие обмен между деревней и городом, прирост населения за год, доходности от содержания скота в обычных и улучшенных условиях и т. д. и т. п.,—все такие вопросы интересуют и волнуют крестьянина значительно больше, чем какая-нибудь изящная аппликационная работа на тему «Как мы ходили в лес», и поэтому все они должны получить освещение на школьной выставке.

Словом, материал на выставке должен быть не промоздок, удобопонятен и интересен для крестьян и совершенно жизненен.

Само собой разумеется, что такой материал не должен создаваться нарочито для выставки, он только комбинируется из того материала, который был добыт детьми в процессе текущих занятий по развертыванию комплекса.

Располагать экспонаты надлежит в строго продуманной системе с тем, чтобы они с полной ясностью освещали тот или иной вопрос из данной общей темы.

В такой подготовительной работе участвует вся группа и ведет свою работу она в строгом согласовании с общим планом выставки, который должен быть установлен общим собранием учащихся.

Хорошо, если каждая группа в дополнение к экспонатам составит пояснительные таблицы, в которых отражалось бы то, как и в какой последовательности прорабатывался ими тот или иной комплекс, и что (в кратких, но точных словах) дети узнали нового в связи с ним.

Каждый небольшой отдельчик выставки должен иметь четкое название, например: «Наш скот и как его улучшить», «Что мы свезли за зиму в город», «Наше здоровье», «Как победить вредителей» и т. п.

Эта подготовка к выставке дает возможность учителю помочь детям уяснить то, что ими было недостаточно хорошо усвоено в течение года или что было не совсем ясно понято; дает еще раз возможность представить детям во всей совокупности отдельных явлений наиболее характерные особенности экономической, политической, культурной и бытовой деятельности.

Когда, таким образом, подготовка к выставке закончится, назначается торжественное ее открытие.

Значение этого дня заключается в том, что школа знакомит население с ее работой за год. Учитель и учащиеся рассказывают собравшимся о том, что может дать им выставка, как она создавалась в течение года, что можно от нее требовать и чего не следует от нее искать. Сообщают далее о том, как вообще школа жила за минувший год, сколько было учащихся, учебных

дней, сколько израсходовано средств. Учащиеся прочитают несколько особых докладов на специальные темы, примерно: «Как следует ухаживать за домашним скотом» или «Почему нужно удобрять землю» и т. п. Потом дети что-нибудь споют, продекламируют, поставят инсценировку. После чего приступают к осмотру выставки.

Лучше всего сговориться с крестьянами, чтобы, во избежание тесноты и хаоса, они заходили небольшими группами, человек в 5-8. Учащиеся, представители от каждой группы школы, дают подробные объяснения и отвечают на вопросы посетителей. В затруднительных случаях на помощь к ним приходит учитель.

При осмотре выставки необходимо установить определенный порядок, с чего начинать осмотр и чем его заканчивать, чтобы у каждого посетителя оставалось, по возможности, цельное впечатление о всей выставке и об отдельных ее частях.

Очень желательно, чтобы на выставке присутствовал агроном, врач или хотя бы фельдшер, которые по некоторым вопросам могли бы дать специальные разъяснения и провести беседы.

Выставка может продолжаться столько времени, сколько потребуются для осмотра ее интересующимися крестьянами. При чем в определенные часы определенных дней в школу приходят дети для дачи разъяснений посетителям.

Но вообще говоря, после первых трех дней можно считать школу распущенной, а дети на лето получают задания, которые накопились в течение рабочего года, и которые могут выявиться за последний период.

На учительских конференциях подводятся итоги этому периоду. А отделы народного образования путем специальных анкет получают те сведения, которые им могут быть полезны для дальнейшей работы.

В частности, желательно, чтобы отделы народного образования собирали материалы относительно того, что дети в разных группах читали, писали и прорабатывали математически в связи с проработкой отдельных комплексных тем.

Так нам представляется построение учетного периода. По опыту некоторых школ мы знаем, что такие выставки, являясь естественным завершением рабочего года, помогают крестьянам уяснить основные задачи советской школы и устраняют если не совсем, то в значительной степени то недоверие к новой школе, которое питается отчужденностью крестьян от школы.

О. Петропавловская.

Проработка комплексных тем методом ячеек*).

Комплексные темы во II ой группе прорабатываются небольшими коллективами, которые называются ячейками. Конечно, к такой работе приступили не сразу. Вначале ячейка исполняла только одну иллюстративную работу, после к иллюстрациям делались краткие объяснения с указанием лиц, участвовавших в работе (начало учета), и работа таких ячеек носила эпизодический характер. Впоследствии ячейками стали исполняться более ответственные задания, и, наконец, к концу 1-го триместра такая проработка заняла видное место в разработке комплексных тем.

Пример:

Комплекс	Т е м а	П о д т е м а
«Приготовление к зиме»	«Одежда»	«Виды одежды»

При проработке подтемы — «виды одежды» — первоначально велась беседа, в которой наметился ряд вопросов: сезонная одежда, специальная, форменная, одежда взрослых и детей.

В связи с вопросами намечается ряд заданий для отдельных ячеек.

Пример: описать зимнюю одежду мальчика (своего возраста), зарисовать, моделировать и сосчитать, сколько надо денег и материала ему на пальто, обувь и т. д.

Разрабатывая такое задание, ячейка сталкивается с необходимостью познакомиться с товаром, ценой, что и заставляет учеников провести экскурсию к портному и в магазин. Перед экскурсией ученики составляют план, куда пойти и что узнать.

Собрав весь материал, ячейка делает коллективный доклад (письменно); к которому прилагаются модель и иллюстрации. Доклад зачитывается перед классным коллективом, который его обсуждает, вносит поправки и принимает его.

Тут же учитывается учет работы данной ячейки и обсуждается активность каждого члена ее.

*) Опыт работы во II-й группе I-й ступени школы III Интернационала в гор. Барнауле.

Учет работы ячейки ведется ответственным лицом, выбираемым из среды членов ячейки, по вопросам, которые вошли в жизнь при ведении учета всей работы группы.

Пример учета:

В о п р о с ы	О т в е т ы
1. Какая дана работа ячейке?	Наша ячейка взяла работу о зимней одежде девочки.
2. Что сделала ячейка?	Наша ячейка сделала доклад о зимней одежде девочки, нарисовала одежду девочки и сшила девочку и ее зимнее пальто, шапку.
3. Что узнали полезного от этой работы?	Мы узнали, сколько стоит детское пальто и сколько стоят пуговицы и прочее, что надо для пальто.
4. Какие затруднения были в работе?	Не было иголок сперва, а потом Аля сходила в 3 ю группу и принесла 4 иголочки.
5. Как относились к работе члены ячейки?	Хорошо, кроме Анисимкова.
6. Кто и что делал в кружке?	Доклад писали все. Аля шила куклу, Асеева шила чулки и ноги, Чудин подшивал шаль и пимы, рисовал одежду девочки, Беспалова шила пальто, Гилева шила шапку, Анисимков ничего не делал.
7. Сколько времени затратили?	5 часов.

Примечание. Ответы в приведенном примере взяты из учета ячейки № 1.

По исполнению ячейками заданий ведется заключительная беседа, которая заканчивается коллективным сочинением всей группы.

Пример:

«НАША ОДЕЖДА» (коллективное сочинение).

В год приходится нам менять одежду *раза* 3-4, смотря по погоде и времени года.

Летом бывает тепло, даже жарко, поэтому летом приходится надевать *легкую* одежду.

Осенью становится холоднее. *Легкие морозцы* и *резкий ветер* заставляет одеваться потеплее в пальто, галоши, закутывать шею теплым *платком*.

Зима у нас бывает холодная. Нам приходится надевать *шубы, полушубки, валенки, меховые шапки, теплые рукавицы* и т. д.

Составленный рассказ является не только учетом групповой проработки, но и материалом для формальных навыков по орфографии. В данном рассказе на подчеркнутых словах даются выводы правила правописания над сомнительными согласными путем сравнения этих слов с родственными по корню.

В проработке этой же подтемы богатый материал по навыкам арифметики (умножение и деление).

При исполнении заданий о стоимости одежды ученики сталкиваются с необходимостью знаний в умножении и делении и на общей коллективной задаче демонстрируется деление и углубляются навыки умножения.

Пример коллективной задачи:

Надо сшить Беспаловой, девочке нашей группы, пальто. Сколько оно будет стоить? (материал — бумазая, подклад — ситец). Бумазая пойдет $2\frac{1}{2}$ метра, цена ее 1 р. метр. Ситца для подклада $2\frac{1}{2}$ метра, цена его 50 к. метр. Ваты $\frac{1}{2}$ килограмма, цена ее 2 р. 30 к. килограмма. Пуговиц 6 штук, цена их 80 к. дюжина, 1 катушка ниток — 18 коп. За шитье портному надо заплатить 3 рубля.

О материале для навыков в чтении и рассказывании говорить не приходится, настолько он богат.

В настоящее время проработка тем методом ячеек во II-й группе настолько вошла в жизнь, что стала являться главным видом наших работ.

При такой работе легче всего ввести в жизнь исследовательский метод и развить в ребятах коллективизм, умение самостоятельно работать, справляться с трудностями при работе, пробудить в ребятах инициативу и критическое отношение к окружающему — все столь необходимое в советском строительстве.

И. Лаврентьев.

Вопросы клубной работы*).

Прежде чем сделать несколько практических предложений на этот счет, считаю не лишним поделиться некоторым опытом недавнего прошлого (Омск).

Если в организационных вопросах клубной работы между политпросветом и культотделом губернии, округа и уезда имела место полная неразбериха, то по крайней мере в вопросах методической работы между ними была достигнута достаточная ясность, и работа эта была поставлена удовлетворительно.

При окружной (губернской) методической секции политпросвета работали три объединения: ликвидаторов неграмотности, библиотечное и клубных работников.

В общей системе этих объединений организационно увязывалась методическая клубная работа со всей таковой же окрОНО (губОНО). Практически подсекция клубных работников широко втягивала во все вопросы переподготовки и подготовки всех низовых работников.

Клубники имели определенный план и программу переподготовки. Программа прорабатывалась в кружках, выносилась на общее собрание, проходила через президиум подсекции и утверждалась метсекцией окрполитпросвета.

В течение года устраивались курсы по переподготовке клубных работников. Программа для них также прорабатывалась предварительно в низовых организациях.

Такая форма методической связи с политпросветом и его основными подразделениями (объединение ликвидаторов неграмотности, библиотечных работников и клубных работников) гарантировала возможность гораздо продуктивнее и быстрее прорабатывать вопросы общего характера (такие есть, на них остановлюсь позднее), избегать ненужных ошибок и использовать сообща имеющийся аппарат.

В таком виде поговаривали было уже практически приступить к организации кабинета клубных работников по примеру существующих кабинетов для ликвидаторов неграмотности и клубных работников... как вдруг... у культотдела ГСПС, что называется, руки зачесались... Существующее объединение клубных работников и его президиум (клубная методическая подсекция) постановлением культотдела распускается. Утрачивается всякая связь с политпросветом, и методическая клубная работа—как это выяснилось на последней конференции агитпроп и политпросветработников города—ослабла.

* От редакции. — Статья печатается в порядке обсуждения.

Политпросвет не мог не поднять этого вопроса в клубной комиссии АПО окружкома. Эта комиссия признала необходимым организовать при метсекции политпросвета клубную подсекцию с председательством в ней зав. культотделом и с достаточной связью с низовыми работниками клубов.

Но, несмотря на это, культотдел все-таки продолжал первую четверть учебного года находиться в состоянии «глухой войны». Когда дело дошло до отчетного доклада на методической секции, он открыто заявил, что этой формы методической работы он не признает, а потому и от какого бы то ни было отчетного доклада и вообще от необходимой связи в работе с политпросветом отказывается.

Такое «открытое выступление» снова переносится в клубную комиссию АПО окружкома, где будут, надо полагать, снова происходить ожесточенные бои.

Пожалуй, с одной стороны, это своеобразная форма бесконечной недоусобицы может показаться смешной, но это факт... Клубной же методической работе от этого будет не легче, а хуже.

Из-за чего сыр-бор, как говорят, загорелся?

По мнению Омского культотдела, вышло так, что существующая форма методической клубной работы негодна для новых ее форм; она бюрократична, малоподвижна. Ее заменили отдельными совещаниями при культотделе по отдельным вопросам.

Как будто бы, в самом деле, семейные вечера не требуют к себе еще большего и еще вдумчивого серьезного подхода, чем работа того или другого кружка при клубе, и еще более углубленной, серьезной методической проработки их программы. Как будто с ведением широкого выборного начала правления клубов отпадает необходимость учить известным методам работы председателей правлений и членов клуба, их инструкторский и другой руководящий состав. Нет не то. Это только отговорка. Суть дела снова в старом споре: деревня—вам, а город—нам.

Вот это факты, факты, которые говорят за то, что этот спор надо решительно и как можно скорее изжить.

В части принципиального организационного руководства клубной работой спорные вопросы организационного характера между политпросветом и культотделом отошли на второй план после создания клубных комиссий при АПО окружкома (губкома).

Когда здесь, в окружных и губернских городах, часть профработников утверждает о полном разделении границ между клубной работой города и остальной политпросветработой, то они или не знают или же каждый раз при решении этого вопроса забывают о многом.

Ведь нет, по сути дела, ни одного методического характера вопроса клубной работы, который не увязался бы в известных своих частях с другими видами политпросветработы.

Возьмем, примерно, вопросы работы с газетой. Этот вид работы надо одинаково знать клубнику, библиотекаря, избачу, преподавателю словесности в школах взрослых повышенного типа, учителю ликпункта и школы малограмотных.

Точь-в-точь то же самое и в работе с книгой.

Вообще утверждать о разделении границ в методической работе между культотделом и политпросветом—это значило бы игнорировать совершенно вопрос о необходимости использования, имеющихся в ограниченном количестве

в нашем расположении, методических сил и средств. Это значило бы в конечном счете не понимать самой сути методической работы.

Какая же форма методической работы среди городских клубов является для нас более желательной и какая бы в большей степени обеспечивала тесную связь с культотделом ГСПС и являлась бы, конечно, не бюрократичной. Здесь, по-моему, необходимо внести только некоторые дополнения к тому постановлению, которое было принято о формах методической работы на последнем Сибирском совещании по народному образованию.

Там было указано, что всей методической работы в окружных и губернских центрах при отделах народного образования организуются методические бюро, с подразделениями на секции по основным разделам работы соцвоса, профобра и политпросвета.

Это постановление необходимо продолжить в том направлении, чтобы указать, на какие подразделения эти подсекции, в свою очередь в зависимости от видов работы, должны подразделяться.

Практика работы в наших условиях показала, что, в частности, секция политпросвета подразделяется или должна подразделяться на подсекции или комиссии (дело не в названии)—библиотечную, ликвидаторов неграмотности и клубных работников. Эти подсекции организуются с таким расчетом, чтобы участие низовых работников просвещения в методической работе было обеспечено наивозможно шире.

Так, например, все ликвидаторы неграмотности и учителя школ малограмотных составляют из себя объединение городских ликвидаторов неграмотности. На своих общих собраниях это объединение разрешает ряд вопросов методического характера, которые предварительно прорабатываются в кружках. Это же объединение, путем выборов для постоянной текущей работы, выбирает из своей среды наиболее активных и передовых товарищей—президиум. Этот президиум и представляет собой не что иное, как методическую подсекцию или комиссию методич. секции политпросвета. Кроме выборных, в эту комиссию входят товарищи учащие: зав. опорно-показат. школами города и завед. ликвидацией неграмотности—он же председатель комиссии.

По такому же, примерно, типу и построена комиссия библиотечных работников.

Все представители комиссий плюс представители комсомола и др., заинтересованных в методической работе организаций и составляют президиум методической секции политпросвета.

Я лично допускаю, что в вопросы клубной методической работы, имея ввиду ее сложность, могут быть внесены или, может быть, должны быть внесены известные изменения.

Если некоторых товарищей пугает название «клубный практикум», «клубные объединения» и т. п. жупелы, назовем методические совещания клубных работников, как это было принято на октябрьском совещании зав. Агитпропов или ЦК ВКП (б), которое, во всяком случае, заподозреть в известном пристрастии никак нельзя.

Кстати, я нахожу необходимым остановиться на этой резолюции немного поподробнее.

Я не сомневаюсь в том, что большинству актива клубных и политпросветработников она известна. Поэтому пропускаю те общие места, которые говорят о необходимости усиления внимания со стороны политпросветов и культотделов вопросам подготовки и переподготовки клубных работни-

ков, а привожу полностью параграфы организационно-методического порядка, которые должны положить конец всяким пререканиям...

§ 26. Ближайшее участие политпросветов в работе рабочих клубов должно решаться в руководстве методической работой, в разработке методов клубной работы.

Осуществляя методическое руководство клубной работой совместно с союзами (в соответствии с решениями VI съезда профсоюзов), органически участвуя во всех созываемых союзами для проработки методических вопросов клубной работы на собраниях, конференциях и т. д., политпросветы могут значительно помочь улучшению содержания клубной работы.

Политпросветам должна быть обеспечена возможность живой связи с клубами и накопления методического опыта, без чего немислимо какое-либо методическое руководство с их стороны.

§ 28. Созыв методических совещаний клубных работников должен быть поставлен таким образом, чтобы была исключена возможность параллелизма. В этих целях необходимо, чтобы созыв методических совещаний клубных работников и существующая подготовка этих совещаний совместно с культотделами межсоюзных объединений и политпросветами, а планы работы и решения этих совещаний утверждались клубными комиссиями при агитпунктах и т. д.

§ 29. Признавая нецелесообразным отдельный созыв методических совещаний клубных работников („клубных объединений“) при губполитпросветах, вместе с тем считать необходимым организацию при них клубных секций, перед которыми выдвинуть, примерно, следующие задачи: учет живого опыта клубной работы с целью помощи профсоюзам и улучшения содержания этой работы, программно-методическая работа, организация кабинетов и уголков клубной работы, разработка вопросов по подготовке клубных работников и т. д.

В состав клубной секции при ГПП (ОкрПП) (5-7 человек) должны входить практики клубной работы. (Из тезисов, принятых на совещании агитпропов при ЦКК РКП (б) по докладу т. Пospelова по вопросам клубной работы. Брошюра—Политико-просветительная работа в городе и в деревне. Стр. 65).

Здесь необходимо только при схематическом разрешении затронутого вопроса работу клубных методических секций при окрполитпросвете организационно увязать с работой его методсекций. Это, во-первых; во-вторых, одновременно и уточнить взаимоотношения также и с работой клубных комиссий при АПО окружкома.

Здесь не может быть, по-нашему, другого толкования, кроме того, что клубная секция должна составлять часть всей методической секции окрполитпросвета, а решения последней, касающиеся методической работы клубов, должны находить свое окончательное утверждение в клубной комиссии при АПО окружкома.

Что же касается разработки повесток по различным вопросам методических совещаний различных категорий клубных работников—то они также предварительно намечаются в клубных методических секциях при окрполитпросвете (ясно, что совместно с культотделом), а потом уже поступают на утверждение клубных комиссий при АПО окружкома.

Вот, по-моему, та схема и порядок наших взаимоотношений с культотделами по вопросам методической работы, которые должны быть приняты в основу при более детальной разработке этого вопроса для всей Сибири.

Б. Васильев.

Союзная работа в деревне.

С целью выяснения на местах положения союзной работы в деревне Цекпрос решил обследовать восемь округов.

Задачами обследования были: в части организационной — выяснить, как построен райместком и как идет его работа; в части тарифно-экономической — определить положение с зарплатой, быт и условия работы деревенского просвещенца и т. д.; в части культурно-просветительной — обследовать культурную работу как среди просвещенцев, так и среди крестьянства, подвести итоги этой работы, определить ее качество.

Метод обследования — изучение фактического материала, изучение работы на месте в различных организациях. Обследование различных отраслей союзной работы производилось по особо выработанной, в виде таблиц, схеме.

На заседании крайпроса инструктору ЦК был рекомендован для обследования Щегловский округ, как наиболее типичный.

По приезде в Кузнецк инструктора ЦК, было созвано расширенное заседание правления окрпроса, где и был более детально разработан план дальнейшего обследования. Из одиннадцати райместкомов решено обследовать девять. О результатах обследования каждого РМК делались соответствующие доклады на районных собраниях.

Обследование показало, что райместкомы стремятся к регулярности заседаний МК. Однако, в действительности, регулярности в заседаниях пока еще нет. К посещению заседаний МК члены месткома относятся невнимательно. Общий процент посещаемости достигает лишь только 50-70.

До осени 25 года повестки заседаний РМК заполнялись в большей мере народнообразовательными вопросами. В настоящее время она загружается все более и более профессиональными вопросами. Часто в порядок дня ставятся вопросы, не относящиеся непосредственно к деятельности райместкома. Наблюдается отсутствие умения со стороны РМК следить за выполнением своих постановлений. Некоторые райместкомы даже совершенно не проводят их в жизнь. Техническая сторона месткомов сильно хромает. Вся работу в месткомах ведут председатели таковых. Делопроизводство ведется по различным формам. Единой классификации дел нет.

Помещаются месткомы в «домах союза», где имеют одну комнату, в которой работают три-четыре союза. Три МК помещаются на квартирах у председателей.

Учет членов союза проходит по регистрационным карточкам.

Планы работ имеются во всех МК, но нет опыта и умения составлять таковые. Не во всех МК план разбивается на календарный. Одна часть рай-

месткомов ежемесячно делает выборки из плана, другая—весь план разбивает на календарный. В большей степени план разрабатывается председателями и утверждается, не проходя через общее собрание членов союза, МК и окрпросом.

Комиссий при райместкомах создано достаточно. Есть комиссия по учету общественной работы, тарифно-экономическая, по охране труда, культкомиссия. Первые две комиссии предложено РМК распустить. В работе комиссий нет плановости. Составляются комиссии из мало-авторитетных и мало-активных работников.

Проводится и массовая работа. Один раз в 3 месяца созываются общие районные собрания, которые приурочиваются к районным производственным конференциям по переподготовке просвещенцев.

На местах члены союза собираются на кустовые собрания. В этих кустовых объединениях, прежде всего, нет плановости в работе; во-вторых, на них разбирались вопросы по народному образованию. Вопросы же из союзной жизни разбирались как-то случайно. Собираются объединения довольно неаккуратно. Профдеlegates избраны по принципу этих объединений. До января месяца обыкновенно на эту работу выбирались заведывающие школы; эти школы и являлись центром сбора объединения. Теперь от этого принципа отошли. Учета работы кустовых собраний, а равно и активности членов союза, месткомом не производилось. Техническими и политпросвет-работниками кустовые собрания не посещаются. В больших районных селах, главным образом, проводятся собрания профдеlegates, где прорабатываются и профессиональные вопросы. Отдельной работы среди профдеlegates не велось. Красновский РМК даже переусердствовал и, чтобы не созывать отдельных собраний, дал право решающего голоса на своих заседаниях всем членам союза районного села.

Отчетность райместкомов перед массами членов союза проводится на районных собраниях. Перед окрпросами отчитывались всего лишь два месткома. Окрпрос за время с 1 октября 1925 года сумел побывать в месткомах по два раза.

Передача дел старым месткомом новому поставлена далеко не удовлетворительно. Новому составу месткома обычно приходится затратить очень много времени на то, чтобы познакомиться и войти в курс прежней работы. Письменная связь окрпроса с райместкомами достаточно.

При обследовании окрпроса сделано указание, чтобы в дальнейшем с его стороны обращалось больше внимания на месткомы, дальше всего от него расположенные. Нужно отметить, что на местах указания вышестоящих органов не всегда полностью проводятся в жизнь. Директивы окрпроса зачитывались на заседаниях МК председателем райместкома в редких случаях; членам союза они не читались совсем.

Взаимоотношения с РИК'ом официально хорошие. На самом же деле райместкомы наши являются просителями. Придет председатель РМК в райисполком и просит председателя уплатить зарплату. Председатель райисполкома откажет. Выходя за двери, председатель райМК свешивает голову и говорит дождающимся его просвещенцам: «Иван Иванович сказал, что сегодня не может уплатить». На этом МК оставляет свою просьбу до следующего дня.

Взаимоотношения с партийными, комсомольскими и профессиональными организациями района хорошие. Созданные межсоюзные профессиональные органы—секретариаты—совершенно не проводят никакой работы (за исключением двух районов). Добровольные организации нежизненны и находятся в самом плачевном состоянии.

Имеются также и организаторы по работе среди женщин. Работа среди женщин—членов нашего союза, в связи с разбросанностью таковых, не ведется. Среди крестьянок работа ведется.

В каждом районном месткоме имеются представители КСМ по работе среди молодежи; они ведут активную работу в РМК. В виду перегруженности основной работой, посещаемость ими заседаний райместкома слабое.

Месткомы своей работой недостаточно охватывают все группы нашего союза (технический персонал и политпросветработников).

Прием в члены союза проходит следующим образом: работающий подает заявление, заполняет регистрационные карточки. Местком на своем заседании просматривает все заявления и утверждает в члены союза, а затем переносит на общее районное собрание членов союза или же собрание районного села, где окончательно проходит утверждение в члены союза. Были случаи, когда месткомы не принимали в союз по следующим причинам: одной отказали потому, что она ведет себя нечистоплотно, другой—разводит склоку, третьей—дочь священника. После разъяснения окрпроса эти работники были приняты в союз.

Исключения из союза были. Исключали за растрату и за неаккуратное выполнение финансовых обязательств перед союзом.

Имеются такие случаи, когда такие работники из нашего союза переходят в союз горняков.

Результаты перевыборов райместкомов показали, что составы месткомов сильно обновились. Тоже относится и к профделегатам. Как в том, так и в другом случае цифры молодежи и женщин не понизились.

В некоторых райместкомах перевыборы проходили с подготовкой. Так, проводились предвыборные собрания, обсуждались кандидатуры в РМК, а также профделегатов. Был один случай (в Кузнецком районе), когда выборы проходили по спискам. МК, а также и члены союза осознали свою неправильность и в будущей работе будут избегать подобных явлений.

Во всех районах существуют межсоюзные кассы взаимопомощи. Работа касс слаба. Имеется большая задолженность как по ссудам, так и по членским взносам. Райместкомы собирают сами членские взносы в кассу и сами выдают ссуды без ведома бюро кассы. Ревкомиссия работает плохо.

Живут райместкомы по сметам (вернее, они имеются), но расходование средств проходит далеко не по утвержденным сметам. Имеется большой перерасход за счет культфонда, а также и других источников. Взносы с членов союза не превышают $3\frac{1}{2}$ проц. Членские взносы собирают профделегаты, а в районном селе—райместком. По членским взносам имеется задолженность, но в райместкомах учета этой задолженности не ведется. Имеются кассовые книги, но до января месяца они велись безобразно. Сильно хромает техническая сторона финансового делопроизводства. Финансовые отчеты даются в окрпросы, перед массой же никаких финансовых отчетов не делается.

Несмотря на ряд указаний со стороны окрпроса о деятельности ревизионных комиссий, ревкомиссии все-таки мало обращают внимания на непосредственную работу райместкомов. Они не обращают внимания на поступление членских взносов, на ликвидацию задолженности, на расходование райместкомом средств по смете и т. п. Подход к ревизии формальный: проверяется лишь правильность записей в приходо-расходную книгу.

Растраты имелись. Первая—в Прокофьевском РМК. Растрчено 260 рублей. Дело передано в суд, но до сих пор не рассмотрено. Вторая растрата (в сумме 190 рублей) была обнаружена при обследовании.

Во всех райместкомах имеются казначеи, но фактически они работы никакой не веля и лишь только официально числились.

Во всех районах зарплата выдается несвоевременно. Выдано только за декабрь месяц. Договора заключены в 3 районах. В остальных районах наши райместкомы официально договорились с РИК'ами о заключении договоров, но последними договора не подписываются. В текст договора отказываются включить параграф, говорящий о сроках выплаты зарплаты. Технические работники с 1 января получают зарплату 7 р. 50 коп. в месяц.

Окружное правление приняло деятельное участие в бюджетной работе округа. Райместкомы принимали слабое участие в виду того, что районные сметы были составлены не райисполкомами, а окрфиютделом.

Расценочно-конфликтные комиссии работают слабо. Объясняется это тем, что часть работы РКК забрали райместкомы (переход к окладной системе).

Комиссии по охране труда работают тоже слабо; подбор состава их желает лучшего. Предложения комиссии администрация не выполняет, а отсюда комиссии делают вывод, что вся эта работа, проводимая ими, будет напрасна.

Перебросок работников, как стихийного явления, нет. Что касается нагрузки, то в среднем на каждого учителя приходится 40-45 учеников.

Отпуска просвещенцы использовали. В Кузнецком районе, благодаря нераспорядительности администрации, часть работников отпусков не использовала. Оплата за отпускное время не была произведена вперед.

Условия работы просвещенца очень плохие: не приспособлены помещения под школы, нет достаточного количества учебника, в школе холод, нет дров. Большую роль сыграли присланные учебные пособия Наркомпроса.

Безработные имеются. Большая цифра их падает на технический персонал и политехпросветработников. Фактически учителей безработных нет.

Медицинская помощь в районе оказывается слабо. Объясняется это тем, что работники разбросаны зачастую на далекие расстояния от врачебного пункта, а также и отсутствием достаточного количества медперсонала в районах.

Квартирный вопрос в районах удовлетворительный. Стоимость платы за помещение низка.

Пенсионеров в районе не имеется.

Культурно-просветительная работа среди членов союза слаба. Райместкомы пытаются организовать профкружки, но таковые являются нежизненными и в скором времени распадаются. Имеются красные уголки, но работа в них не ведется. Физкультурой члены союза не занимаются. Библиотеки в райместкомах имеются, но плохо используются. Имеются передвижки в 5-10 книг. В МК нет учета, что читается и как читается членами союза. Профпропаганда ведется, но очень слабо.

Переподготовка работников, главным образом, проходит через районные конференции. Но и здесь не все благополучно: руководство делом подготовки со стороны отдела народного образования поставлено плохо, опытных работников не имеется. Среди учительства работа в большей степени проходит впустую—они не могут правильно использовать время, нет умелого подхода к разрешению того или иного вопроса.

Общественная работа членами союза ведется большая. Райместкомы не ведут как количественного, так и качественного учета этой работы. Замечается, что члены союза, живущие в районных центрах, мало-активны и не принимают участия в общественной работе. Имеются и такие случаи, когда учи-

теля набирают работу больше своих сил и даже такую, которая совершенно не относится к их работе (организация ячейки КСМ и т. д.). Принудительного привлечения к общественной работе нет, но райисполкомами созданы такие условия, что если учитель мало-активен, ему дают низший разряд и т. п.

Наблюдается слабое руководство культурно-просветительной работой райместкомов со стороны окружного правления.

Просвещенцы высказываются за следующие моменты:

1. Чтобы в будущем за отпускное время зарплата выдавалась вперед.
2. Для того, чтобы можно было устроить массовые экскурсии как по центральной России, так и по Сибири рабпросу необходимо добиться во что бы то ни стало, льготного проезда по железно-дорожным и водным путям сообщения.

3. Принять все зависящие меры по вопросу предоставления просвещенцам мест в домах отдыха, а также по вопросу об организации своих домов отдыха.

4. Для ведения культурно-просветительной работы среди членов союза необходимо усилить культсредства.

5. Необходимо проработать вопрос о судах чести для разрешения недоразумений между членами союза.

А. Чунарь.

С натуры.

(Конференция Рабпроса в Черемхово).

— Да, братцы, буза, а не конференция,—говорили участники, выходя в коридор свернуть собачью ножку.

Они не ошиблись: название бузотеров мы оправдали блестяще.

Началось с того, что конференция, вместо девяти часов, как значилось в объявлении, открылась в одиннадцатом. Да и к тому времени собралось из 180 членов только 60. С этим составом и приступили к работе.

Первый вопрос—международное и внутреннее положение СССР. Заслушали интересный доклад; задали несколько жиденьких вопросов, этим и кончили.

— Высказаться по докладу не в наших правилах,—говорит соседний серый платок.

— Да и глупо,—подхватывал второй,—нового ведь ничего не скажешь, а повторять докладчика—только время затягивать.

Второй вопрос о работе ОНО так же, как и первый, прошел тихо, мирно, «без боев», как принято у нас выражаться.

Третий—доклад месткома о работе за три месяца.

Длинное часовое повествование о том, как предместкома три месяца ходил заключать договор и как хождения его не увенчались успехом. Договор и до сих пор не заключен. Работники не знают своей ставки и живут на авансах.

— А как же остальная работа, намеченная планом?—задают вопрос.

— Невыполнена, за неимением времени,—был ответ.

Есть о чем говорить. Все. Но и этот вопрос прошли молчанием. Не сказано ни худо, ни хорошо.

Но и это еще не все. Дальше идет прием новых членов.

— Будем обсуждать кандидатуры вновь вступающих?—спрашивает председатель.

— А сколько их?—слышен вопрос из публики.

— Двенадцать.

— Много времени займет. Лучше зачитывайте фамилии, а мы будем на ходу утверждать.

— Кто за это предложение?

Большинство.

Зачитывают.

— Гэрбылева.

— Принять!—гудит собрание.

— Кто она?—недоумевает кто-то из присутствующих.

— Да не все ли равно,—глушат десятки голосов.

Дальше, Иванов.

— Принять.

— Пе.....

— Принять.

— Позвольте,—вмешивается предместкома,—я еще не назвал фамилии товарища, а вы кричите «принять».

— Все одно—примем,—шумно возражает собрание.—А что касается того, что мы авансом кричим «принять», так это из экономии времени.

— Сказано, что умный поп только губами шевелит, а прихожане сами догадываются,—острит кто-то в публике.

И это еще не все. Дальше выборы народных заседателей в суд.

Опять тот же вопрос: «А сколько нужно?».

— Восемь.

И опять из экономии времени вносится предложение не выбирать, а послать желающих. Большинство голосов это предложение проходит.

Только после голосования нашелся товарищ, который указал на недопустимость такого отношения к выборам народных заседателей. Устыдили. Пришлось заняться скучной и неприятной историей—выборами.

Буза, товарищи, а не конференция. Да и буза-то не какая-нибудь, а рабпросовская.

Б. Васильев.

О культработе в нашем союзе*).

Перед нами реализованное в цифры постановление пленума крайпроса. Всего на культработу по постановлению пленума отчисляется 3 проц. членских взносов, что составляет 3480 р. 87 к. (по 19 округам, в том числе Иркутск и Бурято-Монгольская обл., на 6 месяцев).

Культотделом крайпроса предварительно проработано, на какие виды расхода эти средства должны расходоваться, и получается следующая картина:

10 проц. на библиотечную работу .	348,26,	в месяц — 58,04,	а на один округ — 3,05
30 проц. на ДРП (это относится к тем округам, где имеются ДРП) .	649,51	„	108,25, а на 7 ДРП —15,46

*) От редакции. Статья печатается в порядке обсуждения.

10 проц. на художественн. работу .	348.26	в месяц — 58.04	а на один округ — 3.05
10 проц. на экскурсионную работу .	348.26	„ 58.04 „ „ „	— 3.05
10 проц. на лекционную работу .	348.26	„ 58.04 „ „ „	— 3.05
Дотация райместкомам .	521.66	„ 86.94 „ „ „	— 4.57
5 проц. отчислен.—на межсоюзную культработу .	173.60	„ 28.93 „ „ „	— 1.52
10 проц. на самообразовательную работу .	348.26	„ 58.04 „ „ „	— 3.05

Остаток 377 р. 92 к. (остается благодаря того, что в 12 окружных правлениях нет домов работников просвещения)—эти средства раскинутся на другие расходы. Цифровые данные взяты в среднем.

Всего, таким образом, в месяц на культработу в 19 округах тратится 580 р. 14 к., а на один округ - 30 р. 53 к.

Цифровые материалы говорят за себя. При наличии у нас в настоящее время 30.502 членов союза (на 1 января 1926 г.), безусловно, на эти средства нельзя развернуть работу. Если даже возьмем, как пример, нашу маленькую Хакассию (162 члена союза), Ачинск (900 чел.), не говоря уже о среднем и крупном окрпросе Томска, где насчитывается до 4.500 членов союза, и составим наш расход с запросами масс, то, безусловно, окажется, что денег у нас, как капля в море.

Перед союзной организацией стоит вопрос: как подвести материальный базис под нашу культработу?

Выход из этого может быть один. Прежде всего нашим окрпросам, имеющим свои дома работников просвещения (Красноярск и другие), нужно наладить эксплуатацию домов (хотя с болью в сердце допустить такое). Мы видим, что красноярская организация может прекрасно жить без этих грошевых отчислений, эксплуатируя кино. По этому примеру необходимо наладить работу и других ДРП. Нужно найти доходные источники.

Второе—необходимо централизовать культфонд с таким расчетом, чтобы этим фондом можно было бы регулировать. Давать средства нашим маломощным округам. На первое время отказаться от дотации нашим Тит Титычам. Они и без этого сумеют провести достаточную работу среди членов союза. Необходимо расшевелиться и задуматься над этим.

Необходимо во что бы то ни стало добиваться включения в сметы ОНО статей на содержание домов работников просвещения, ведь в стенах ДРП проводит работу не только союз, но и органы народного образования.

Нужно остановиться на одном или двух наиболее нужных видах расходов, остальные надо сокращать, приравливая таковые к условиям и запросам массы.

Цекпрос в этом деле должен прийти на помощь сибирским организациям. Он должен взять на себя часть расходов и пополнить суммы, недостающие на ведение культурной работы.

По подсчетам культотдела, для Сибири необходимо на 6 месяцев 14.927 р. 37 к.; у нас же имеется всего лишь 3.480 р. 87 к. Недостающие 11.446 р. 50 к. необходимо найти.

О культработе в нашем союзе, о средствах на нее товарищи должны высказаться.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДЕТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Н. Степанов.

Очередные задачи детского коммунистического движения.

(Доклад на 2-ой Сибирской конференции РЛКСМ).

Товарищи! Нет надобности доказывать политическое значение детского коммунистического движения. В проекте резолюции, которую мы роздали вам на руки, мы сослались на вполне определенное решение 14 парт'езда по этому вопросу.

За эти 20 месяцев мы не можем сказать того, что нами ничего не сделано, наоборот, мы должны сказать, что детдвижение заняло то самое место, которое должно занимать в нашей союзной работе.

Детское движение у нас значительно выросло, наряду с ростом пионерского движения, значительно улучшилось и руководство пионер-организацией.

Теперь все больше на руководство пионерской работой выдвигается настоящий комсомольский актив, а не так, как это было раньше, когда эта работа поручалась чуть-ли не кандидатам комсомола.

Кроме этого, мы достигли того, что заинтересовали этой работой все взрослое население, мы привлекли внимание к работе отрядов госорганов и организации советской общественности.

Теперь пионер-организации существуют не только в городе, но и в деревне. Нет лучшей организации, которая объединяла бы детей и воспитывала бы их в коммунистическом духе, как организация юных пионеров.

Руководство пионерами. Наши задачи всецело вытекают из недочетов в работе по пионер-движению. Самый основной из них—это текучесть состава отрядов и их руководителей. В деревне пионер-организация составляет 68 процентов всей пионерской организации Сибири, которая еще до сих пор не оформлена.

Слабо поставлена воспитательная работа среди пионеров в отрядах. Деревенские пионеры полагают так, что они пионеры только зимой, когда работают школы, а летом, когда школы закрываются, то они—просто «вольные граждане».

Руководство пионерским движением все еще недостаточно.

Если за этот период пионерское движение выросло по сравнению с прошлым, примерно, в пять раз, то руководство со стороны наших комсомольских ячеек в пять раз не возросло.

Есть еще такие явления в работе пионеротрядов, когда на сборах разрешается по 12-15 вопросов, и эти вопросы разрешает и по ним речи говорит

один какой-нибудь активист, начиная с первого и кончая чуть-ли не пятнадцатым, остальные же пионеры сидят и слушают. Это есть вредное засоливание пионерской работы.

Наши задачи. Наши основные задачи в пионер-движении—усилить руководство так, чтобы оно поспевало за ростом пионер-движения, бороться за качество воспитательной работы в отрядах, учитывая возрастные особенности детей.

Если раньше приходилось говорить, что при каждой партячейке должна быть ячейка комсомола, то теперь необходимо еще раз подтвердить лозунг—«при каждой ячейке комсомола—пионеротряд». Каждая ячейка комсомола должна вести работу среди младшего возраста—среди детей. Это работа не должна носить форсированного темпа; ячейки не должны торопиться с созданием пионеротрядов, не подготовив для этого благоприятную почву. Пословица: «поспешишь, людей насмешишь», совершенно верна и в этом вопросе. Есть факты, которые говорят за то, что скоро созданные отряды быстро и разваливались. Но лозунг—«на ячейку—отряд» правилен и вести работу по его выполнению, безусловно, нужно.

Для улучшения качества работы мы должны учитывать запросы и потребности детей и особенности детского возраста.

Больше внимания запросам пионеров. Я не буду останавливать ваше внимание на всех подробностях, да это и не к чему, и было бы неправильно, если бы я вдавался в детали, на это не хватит времени, поэтому я остановлю ваше внимание только на главных вопросах.

Если присмотреться к детям, то можно придти к тому выводу, что, во-первых, у них запросы связаны с желанием учиться, в них крепка потребность к обогащению своих знаний. Если мы прежде не обращали внимания на предоставление ребятам возможности учиться, загружали работой, то теперь мы должны обратить внимание на предоставление детворе этой возможности пополнять свои знания. Вторая потребность, которую вы можете наблюдать у детей пионерского возраста,—это их стремление «гуртоваться», «артелиться», стремление к активности, к общественности, потребность к коллективной жизни, общественной трудовой работе. Ко всему этому наталкивает детвору наша современная действительность. И третий момент, который также нужно учитывать,—это то, что юные пионеры являются подрастающим поколением, и охрана их здоровья должна стать на первом месте, мы должны охранять их здоровье и способствовать здоровому их развитию, так как маленький изъян на здоровье ребенка очень больно отражается на дальнейшем его росте.

Общественно-образовательные стремления юных пионеров не удовлетворялись нашей работой, согласования нашей работы с работой школы не было. Нужно добиться такого положения, чтобы учащиеся и неучащиеся юные пионеры получали бы в отрядах общеобразовательные знания, не следует увлекаться одним «политицизмом».

Конечно, мы не можем взять на себя функции школ, но наше дело способствовать общему образованию юных пионеров, толкать их к этому, пробуждать у них желание к общим знаниям.

Нужно увязать работу таким образом, чтобы совместная работа школы и отряда заключалась в настоящей деловой помощи друг другу. Нужно, чтобы звенья не были совершенно в стороне от школьной учебы. Неучащиеся ребяташки не могут пополнить свои знания помимо отряда, звено

должно быть помощником в увеличении знаний всех ребят. Дать ребятам географию, естествознание и т. п., конечно, надо.

Работа с неорганизованными. В области общественной работы наблюдается замкнутость пионеротрядов. Некоторые комсомольцы и даже активисты не представляют себе, как это так—юные пионеры могут вести общественно-полезную работу.

Товарищи, в первую очередь нам нужно добиваться усиления работы среди неорганизованных детей. Если комсомольская организация собирает общие собрания беспартийной молодежи, устраивает вечера, вечеринки или что-нибудь в этом роде, то работа пионеров среди неорганизованной детворы гораздо труднее.

Мы знаем, что среди детей нельзя вести так работу, чтобы вывешивать большие повестки и собирать собрания детей, которым это ничего не дает. Нужно вести работу среди неорганизованных детей таким образом, чтобы она ближе подходила к быту детей. Если неорганизованные ребята устраивают какую-нибудь, примерно, рыбалку, то сюда необходимо посылать и пионеров для работы с неорганизованными детьми.

Мы знаем, что в деревнях неорганизованные ребяташки собираются компаниями, устраивают те или другие свои игры. Вот тут-то и нужно воздействовать на этих ребят, и если у нас тут же есть пионерский отряд, то надо выделять к этим ребятам двух-трех пионеров или звено, которые бы могли эту группу взять под свое влияние и руководить их игрой. Это вполне возможно.

Наша задача—охватить детей рабочих и крестьян. Не нужно суживать пионерскую работу, не надо проводить работу только в стенах клуба, она должна быть на открытом воздухе, среди всякой группы неорганизованных ребяташек.

Товарищи, мы среди пионеров не проводим никакого социального подразделения, и это вполне правильно. Если мы и пополняем из рядов пионеров свои комсомольские ряды, то тут мы подходим чрезвычайно осторожно, мы принимаем в комсомол лишь только, главным образом, рабоче-крестьянскую, более лучшую, развитую, дисциплинированную часть пионеров, и поэтому неподразделение по социальному положению при приеме детворы в пионеры, безусловно, грозить чем-либо для нас не может. Но здесь этим не следует сильно увлекаться. У нас сейчас встречаются отряды, которые не особенно хороши по своему социальному составу. Нам зачастую приходится встречать отряды исключительно из детей служащих и прочих, детей же рабочих, детей крестьян от сохи в рядах пионер-организации мы имеем недостаточно, и сейчас в первую очередь перед пионерской организацией стоит задача охвата наибольшего количества рабоче-крестьянских детей. Наряду в этом, мы также должны развернуть работу не только в школе, где дети крестьян учатся, но нам нужно развернуть, как можно шире, работу среди неучащихся детей крестьян, охватить их своей организацией.

Теперь я еще коснусь одного вопроса—это вопроса о беспризорности. Если в 1924-25 году количество беспризорных увеличивалось, то в 26 году оно не увеличивается, а уменьшается, правда, это уменьшение беспризорности идет медленным темпом.

На борьбу с беспризорностью. Теперь, в 1926 году, мы беспризорности терпеть не можем. Сейчас беспризорность имеет некоторый рост за счет крестьянских детишек, детей бедняков, а поэтому эта работа среди беспри-

зорников должна ложиться на плечи комсомольцев не только города, но и деревни.

Комсомольцы деревни должны быть кровно заинтересованы в изжитии беспризорности, а мы зачастую видим, что борьбой с беспризорностью занимаются только городские комсомольцы, которые больше ведут в этой области работу.

Тут стоит перед комсомолом задача — изжить беспризорность; но в этой работе иногда встречаются ненормальности, когда комсомольцы или еще кто-нибудь другой берут беспризорника, обуют, оденут его, кормят, но не обучают труду, воспитывают из него лодыря. Это явление ненормально.

Нашей задачей должно быть — воспитание беспризорника в ленинском духе, из которого в будущем должен выйти строитель социалистического общества.

Товарищи, я теперь перейду к вопросу о руководстве отрядами ЮП.

О роли вожатого. Здесь центральным вопросом, как это решил XIV съезд партии, является вопрос о вожатом. Внимательное отношение к выдвижению, закреплению и улучшению качества вожатых и изжитие несерьезного и невнимательного отношения комсомольцев к пионерской работе является нашей неотложной задачей. У нас еще есть среди комсомольцев взгляды, когда комсомольцы считают ниже своего достоинства быть вожатым, «детработником», как они себя называют, заниматься «детской» работой. Здесь вопрос упирается в задачу раз'яснения роли вожатого, важности этой работы в общей работе союза. В деле подготовки вожатых необходимо шире развешивать самообразование детработников.

Наши райдетбюро в деревнях только что появляются. Председатель райдетбюро, как платный работник, появился совершенно недавно и еще не везде упрочился. В некоторых случаях они содержатся неизвестно на чей счет. Мы знаем, что им платят до 10 руб. в месяц. Конечно, улучшить материальное положение детработника, значит уже много сделать, но, кроме того, необходимо создать нормальные условия самой работы детработника. Необходимо нам усилить и укрепить состав районных детбюро.

За расширение комсомольского ядра. Теперь о комсомольском ядре. Его нужно расширять, но в этой области не нужно проводить политики нажима. Конечно, готовить ребят в комсомол нужно, выбирая из них лучших, но нужно этот подбор проводить постепенно и комсомольски воспитывать пионера уже в отряде, поручая ему выполнение заданий ячейки.

Есть у нас недочеты и со стороны партийного руководства. Есть отдельные товарищи, которые думают, что партийная ячейка нужна только тогда, когда отряду нужна материальная поддержка, и что в деле идейного руководства партийная ячейка, пожалуй, не сможет помочь. Товарищи, этот взгляд в корне неправилен. Без постоянной систематической информации комсомолом партии о положении пионерской работы мы можем наделать очень много ошибок и таких, с которыми справиться после будет трудно.

Еще две задачи. Нужно будет расширить привлечение научных и педагогических сил к разработке вопросов о работе среди пионеров и к самой работе. Сейчас у нас если это и проводится, то в очень редких организациях. С другой стороны, там, где это есть, ячейка смотрит таким образом: «есть, мол, там учитель, ну и пускай, как хочет, так и работает», а сама оставляет отряд без руководства. Нельзя забывать, что привлекая для работы научно-педагогические силы, свое руководство целиком и полностью комсомол должен сохранить.

Особенно важно и остро стоит вопрос о материальной обеспеченности пионеротрядов. Ведь у пионеротрядов нет помещений, они помещаются под лестницей и в тому подобных местах. Нет оплаты руководителей, нет литературы и т. п. Правда, у нас есть достижения в этой области, но наши потребности гораздо больше. Ни партия, ни советская власть полностью удовлетворить их не в состоянии, но улучшить положение в этой области все-таки можно. Мы ответственны за детское комдвижение перед партией, но мы не сможем руководить, не сможем разрешить вопросов, стоящих перед пионердвижением, если не будем чувствовать за собой твердой материальной базы. Вот те вопросы, которые сейчас стоят перед пионер-организацией.

Вдовин и А. Пугачев.

Деткор в школе.

Прежде чем говорить о работе деткора в школе, необходимо дать о нем общее понятие, необходимо точнее указать, кто такой деткор, ибо еще до сих пор на местах, особенно в деревне, понятие о деткорах и их задачах крайне туманное и неверное.

Кто же такой деткор?

Деткором мы считаем каждого мальчика или девочку, добровольно пишущих в одну из печатных газет. Отсюда вывод, что деткоровская организация—организация добровольная, и поэтому выбирать деткоров, как это во многих отрядах и школах делают, не следует. Заставлять их писать насильно тоже никто не имеет права. Работа деткора должна быть живой и должна протекать без всякого принуждения. Принцип добровольчества должен быть сохранен. Мы не должны строить работу деткоров по-казенному. Путем создания деткружков, специально выбранных бюро, ведения каких бы то ни было протоколов на них. От всего этого надо отказаться. Заметки деткора не должны также подлежать какой бы то ни было цензуре, так как это тормозит его работу.

Вот те основные принципы, на которых должна строиться работа деткора в школе. Исходя из этих принципов, можно наметить в работе деткоров в школе, примерно, три задачи.

Первое,—это освещение на страницах газеты жизни и работы школы.

Проработка комплекса, применение далтон-плана, работа форпоста, школьного самоуправления, комиссий, кружков,—все это не должно проходить бесследно для деткора. Все интересное, все так или иначе полезное для других должно быть отмечено деткором на страницах печати.

Однако, при освещении этих вопросов деткору необходимо все время следить за собой, необходимо проверять и улучшать свою работу.

Зачастую ребята видят только плохое и пишут об этом, не замечая хорошего. Часто деткору становятся слишком придирчивыми, замечая каждую мелочь и упуская более важные факты. Этого не должно быть.

Деткор должен доискиваться причин, правдиво освещать факты, указывая свои соображения о том, как их исправить. Писать деткор должен только о чем-либо более выдающемся, не размениваясь на мелочи. Он должен по возможности отмечать не только плохие, но и хорошие стороны сообщаемых им фактов.

Использовать печать в своих личных интересах, т. е. «кляузничать» на других, деткор тоже не должен.

В самом деле, неужели о новой трудовой школе и писать более нечего, как только то, что Манька Николаева показала ною Тольке Балякину и что за это ее следует «взреть» и т. д...

Вторая задача—это работа деткора в стенной газете школы.

Стенгазета в общественной жизни школы играет не последнюю роль. Поэтому деткоры, организованные в кружок (кружок, не имеющий вышеуказанных недостатков), должны являться главными творцами стенной газеты и быть ее активными организаторами.

И третья задача—это агитация за газету, распространение ее среди школьников.

Деткор, путем частного собеседования с учениками, путем докладов, должен разъяснить великую пользу печатного слова. Сибирский деткор должен активно заняться распространением сибирской детской газеты «Юный Ленинец», ибо «Юный Ленинец» является лучшим другом каждого пионера, каждого школьника.

Вот, примерно, в кратких чертах все основные задачи, которые возлагаются на деткора в школе.

В. Вдовин.

Работа редколлегий стенгазет в пионер-отрядах и школах.

Выпуск стенной газеты есть одна из основных задач как пионер-отряда, так и школы. Но эта задача не везде выполняется. В наших пионер-отрядах, а также и в школах, зачастую наблюдается тот факт, что редколлегия стенгазеты к своим обязанностям относится слабо и невнимательно. Благодаря этому, вместо того, чтобы выпустить стенгазету хорошей и интересной, ее выпускают никуда негодной. У нас о хорошей и плохой работе редколлегий есть факты. Посмотрим, что они говорят.

Деткор «Звезда» (гор. Черепаново, Новосибирского округа, школа 2 ступени) пишет: «С наступлением учебного года выбрали на общем собрании редакционную коллегию в составе 8 человек. В эту коллегию вошел один педагог. Выпустили несколько номеров стенгазеты «Будь готов»; газета заинтересовала учеников, и они пишут в нее и принимают активное участие в ее выпуске. На общем собрании редколлегия делала отчет о своей работе за полгода; общее собрание работу редколлегии одобрило и признало хорошей. Постановили организовать в школе кружок юнкоров. В этот кружок сразу же записалось много пионеров».

Этот факт говорит за то, как хорошо работала редколлегия. А вот и другой факт работы редколлегии. Юнкор Писаренко (Маслянино, Новосибирского округа, совшкола) пишет, что редколлегия пионерской стенгазеты спит. Стенгазета в школе не выходит уже 3 месяца. Школьный исполком никаких мер не принимает и общественную работу в школе не развивает, а мы знаем, что через стенгазету эту работу можно вести.

Вот третий факт. Ученик-пионер пишет: «С начала организации работа редколлегии была слаба; в данное время работа ее улучшилась. Регулярно выпускаем номера газеты; организовался кружок деткоров. Деткоры принимают активное участие в работе редколлегии. Ячейка комсомола одобрила стенную газету. Плохо дело со средствами, но думаем, что и их добьемся».

Вот перед нами три факта работы редколлегий в школе.

Ленин сказал: «Через стенную газету к общественной работе». Мы должны исполнить его завет.

ПЕРЕПОДГОТОВКА ПРОСВЕЩЕНЦЕВ

А. Сливко.

О летних курсах*).

На территории СССР и у нас в Сибири трудно, пожалуй, найти такой культурный центр, где за последние два-три года не было бы летних курсов работников соцвоса (преимущественно учительских).

В разных пунктах и в разные годы курсы проходили с большим или меньшим успехом; всюду они одинаково вносили оживление в учительскую среду, всюду будировали учительство; попавшая на курсы часть работников радовалась, оставшиеся на местах завидовали «командированным» и просили зачислить их «вольнотружателями». Все это свидетельствовало об определенном интересе со стороны массовых работников к делу повышения своей квалификации. На летние курсы смотрели, как на самый радикальный способ «переподготовиться». И нужно все же констатировать, что какие бы недостатки организационного, программного и методического характера не бывали на курсах, курсы объективно сделали большое дело; они дали на места ряд работников, которые в большинстве случаев являются центральными фигурами в учительской массе как по своей производственной работе, так и по работе организационно-методического характера в своем районе.

Несмотря на это, однако, в № 1 «На путях к новой школе» т. А. Коняхин в статье «Нужны ли педагогические курсы» своевременно, по нашему мнению, поднимает вопрос о нецелесообразности в дальнейшем летних курсов в такой форме, как они практиковались до сих пор.

Общий вывод, который делает т. Коняхин в своей статье, вытекающий из его анализа проведенной курсовой работы, сводится к следующему: «Учитель наш уже в значительной степени вырос в вопросах понимания трудовой школы; принципы ее строительства ему сравнительно ясны; ему нужна углубленная проработка вопросов в области практических мероприятий по школьному строительству. Удовлетворить запросы может только человек, органически с ним связанный, знающий их опыт, условия работы. Отсюда вытекает и новый принцип работы с учительством. Нужно строить работу на *действительной* самостоятельности учительства, самостоятельности непрерывной и по иному организованной, связанной с повседневной его черновой работой» («На путях к новой школе» № 1, стр. 25).

За этими выводами у т. Коняхина следуют предложения: «Курсы, особенно в центральных местностях, необходимо заменять постепенно центральными педагогическими конференциями... Конференции, таким образом, будут служить завершением кружковой работы, обобщением педагогического

* От редакции. Статья помещена в порядке обсуждения.

опыта и служить исходным пунктом нового плана и новых заданий»... «С учительством нужно работать через учительство».

Вполне соглашаясь с этими предложениями, нам все-таки думается, что у нас, в условиях Сибири, летние курсы должны будут играть еще порядочное количество лет важную роль и выполнять задачи, которые раньше не ставились перед курсами. Эти задачи определяются теми нуждами, которые стоят и будут стоять перед массовой школой у нас, из них самая главная нужда, которая и сейчас уже остро ощущается,—недостаток учительских кадров для крепнущей и расширяющейся сети массовых школ. Надеяться на прилив этих недостающих кадров из центральной России нет оснований в связи с выравнивающейся зарплатой учительства и вообще отсутствия значительных свободных кадров там. Выпуски из педагогическ. техникумов в течение ближайших лет не в состоянии будут дать достаточного количества новых учителей даже для тех округов, где эти техникумы имеются (а в большинстве округов Сибири их, как известно, нет). У нас нет под рукой данных, по которым бы можно было судить о количестве потребных школьных работников по округам в настоящее время и на ряд ближайших лет, но те приблизительные цифры, которые мы по Омскому округу получили в результате первого чернового наброска, при разрешении проблем всеобщего обучения, говорят определенно за недостаток наличных работников. Нужно где-то их брать, иначе мы нынешней же осенью очутимся в тулупе, станем перед невозможностью заполнить пустующие учительские места, а крестьянство будет напирать и требовать: «даешь учителя».

Цифры эти таковы:

Ориентировочная таблица

развертывания школьных комплектов и процента охвата детского населения на пятилетие с 1925-26 учебного года по 1930-31 г. г. школ 1-й ступени.

Учебный год	Количество детей с учетом второго годников	Количество детей, посещающих школу	Процент охвата детск. населения	Учащих	Сколько комплектов нужно открыть, считая по 40 уч. на компл.	Естественная убыль	ИТОГО
25-26 г.г.	72.450	33.200	45	644	—	—	—
26-27 "	68.809	37.280	54	766	102	50	152
27-28 "	67.710	42.400	52	894	128	63	191
28-29 "	62.420	48.520	77	1.047	153	71	224
29-30 "	67.710	56.200	83	1.239	192	84	276
30-31 "	68.839	63.880	95	1.431	192	102	296

Они, конечно, нуждаются в уточнении, сама жизнь их прокорректирует в том смысле, что не позволит нам так гладко и в таком масштабе расширять сеть, но если даже нам только придется взять на бюджет и включить в сеть те 47 договорных школ, которые имеются в нынешнем году (а от этого нам уж

никак не отвертеться) и которые нужно будет укомплектовать настоящими учителями, да еще принять во внимание естественную убыль (смерть, отъезды) и необходимость замены выявленной инспектурой непригодности части работающих учителей (до 10 проц. приблизительно), — то нам в самых скромных размерах потребуются с будущего учебного года до ста человек учителей школ I ступени.

С теми или другими вариациями положение будет и в других округах. Откуда взять, таким образом, этих учителей?

Нам думается, выход все же есть. Это, конечно, не курсы «красных учителей» 20-21 годов, куда зачислялись без большого разбора и чуть не в порядке трудовой повинности. У нас сейчас есть контингент молодежи, прошедшей уже полностью советскую политехническую (пускай, общеобразовательную) школу, кое-чему и даже основательно научившейся и воспитавшейся в обстановке советской общественности, школьного самоуправления, есть часть комсомольской молодежи, которая точно также кое-что знает и представляет из себя активную часть. Этой молодежи нынешнего выпуска и прошлогоднего недостает педагогической подготовки, методического умения работать в школе, практических навыков. Педагогическая профессионализация, введенная в некоторых школах II ступени, еще не поставлена на должную высоту и в лучшем случае по выпуску прошлого и нынешнего года скользнет, а не даст основательной подготовки. Можно смело сказать, что часть этой молодежи при наметившейся системе приема в ВУЗ'ы даже при сравнительно хорошей подготовке по математике, физике, будет, как говорили раньше, «срезана» на приемных испытаниях: часть и вообще в силу целого ряда причин не пойдет в ВУЗ'ы. Все это дает нам право говорить, что мы будем иметь молодежь со сравнительно высоким общим образованием за школу II ступени, и ей необходимо лишь дать педагогическую и программно-методическую подготовку, подковать ее возможно лучше в течение 1½-2 летних месяцев для практической работы в школе. Задача, по нашему мнению, вполне выполнимая силами даже местных практических работников, а особенно там, где имеются педагогические техникумы. В конце-концов нам думается, что летние курсы необходимо будет провести в каждом округе, истратив на них ассигнованные по смете средства, но привлечь на них в качестве слушателей не старое учительство с мест, как это было в те годы, а молодежь прошлогоднего и нынешнего выпусков школ II ступени, подготовленную часть комсомольцев и ту молодежь, которая без педагогической подготовки была назначена в школы в начале нынешнего года и которая определенно показала, что она может и хочет работать.

Необходимо теперь же начать думать о программе таких действительно «педагогических» курсов нынешним летом и повести подготовительную работу по организации таких курсов.

КРАЕВЕДЕНИЕ

А. И. Грузных.

Краеведение в массовой сельской школе*).

(Методы накопления краеведческого материала).

Методы всей школьной работы легко можно разделить на три основных вида: 1) Методы накопления. 2) Методы проработки (использования в воспитательно-образовательной работе). 3) Методы усвоения навыков (главным образом, из стоящих в особицу, «неувязывающихся» — родного языка и математики).

В настоящей статье мы рассмотрим методы только одного типа, как методы основные, составляющие базу для методов двух других видов — методы накопления материала. Они не могут быть применены для дальнейшей проработки его (как методы проработки для усвоения навыков), но стоят в тесной с ними: связи и, до некоторой степени, обуславливают возможность применения тех или других методов 2-го и 3-го вида. Так, метод работы по родному языку не может определить метода накапливания и проработки, тогда как характер первого всегда скажется на работе и по использованию материала и на методе работы по языку.

Отсюда можно ясно видеть особенную важность метода первого типа.

Краеведческий материал — вещественная часть нашей работы — может быть различным: в одном случае это будут статистические данные; в другом — сведения, справки, рассказы, описания и пр., материал описательный; в третьем — музейный: орудия производства, утварь, одежда (в моделях и оригиналах).

Всего этого нет в стенах школы, за всем этим необходимо идти на его местонахождение, искать его. Поэтому методы накопления краеведческого материала могут быть только методами выхода из школы в жизнь; лишь иногда необходимый материал можно получить, используя имеющийся у ребят опыт и знания. Такими методами будут: 1) Экскурсии. 2) Трудовые процессы. 3) Наблюдения. 4) Беседы.

Практика применения этих методов, несмотря на сравнительно недавнее появление их в качестве методов повседневной работы в массовой школе (осень 1924 года), имеет свою, весьма поучительную, историю. Ураганом ворвались они в тихие классные комнаты, увлекли новизной и возможностями и учителя и ребят, породили много анекдотов; посеяли в массах населения близкое к ужасу недоумение, — и стремительно стали исчезать, то меняя формы, то сущность, когда учитель стал на распутье: или найти возможность применять их, или вовсе отказаться от них. Последнее было, конечно, как-то

*) От редакции. Статья печатается в порядке обсуждения.

неловко, и мы видим, что как только схлынула первая волна набега буйных методов, так тотчас же и начались искания лучших форм.

Эти искания глубоко поучительны. Они дали порожденные самой жизнью видоизменения, очень ценные порой не оригинальностью внешних форм выражения только, но и педагогически выдержанные, богатые новым содержанием.

Задачей статьи и является рассмотрение и оценка тех форм и видоизменений, какие дала практика массовой школы. Мы здесь увидим, как часто искания заканчивались исканием только форм, и как редко они шли дальше. Но это-то редкое и есть поистине ценное. Первым методом мы рассмотрим

Экскурсии.

Экскурсии послереволюционная школа знала и применяла с 1919-20 г. г. Большею частью это были экскурсии в природу, даже в «целокупную». Иногда школа экскурсировала к какой-нибудь «диковине», памятнику старины. Погоня за новизной сюжета, за возможностью посмотреть редкое, интересное — вот их основной стимул. Они не были плановыми, часто не вызывались вовсе необходимостью. Была ясная, хорошая погода, было недалеко древнее «городище» — школа экскурсировала. Там смотрели, меряли, декламировали «Курган», весело играли и... шли домой, где и писали: «как мы ходили на экскурсию».

Кампания по переподготовке работников просвещения школ 1 ступени, развернувшаяся в связи с введением новых программ, с лета 1924 года включила в программы губ-у-райкурсов и конференций изучение производства самими учащими. Обследовались: сельское хозяйство (отдельно — бедняк, середняк, кулак), кустари, ремесленники соваппарат, всевозможные учреждения, а в крупных центрах — фабрики, заводы.

Эти обследования принесли учительству несомненную и даже большую пользу, так как не только показали ему новые, часто неведомые стороны жизни, обогатили его опыт и расширили кругозор, но и натолкнулись на мысль, что изучение трудовой деятельности школой может идти путем действительного изучения.

Всем достаточно знакома немудрая техника обследовательских экскурсий: составление плана обследования, разбивка на группы по отдельным отраслям обследуемого производства, само обследование, свodka полученного материала в отчетный доклад. Самый процесс обследования, самая суть «экскурсионно-исследовательского» (так называли) метода, не была трудной: по разработанному накануне плану-вопроснику задавались вопросы, ответы на которые и составляли материал обследования. Самым трудным моментом было составление плана, а самым скучным — сводный отчетный доклад.

Вред применяемого на курсах по переподготовке метода с такой техникой обследования сказался в школе, куда он был пересажен без малейших изменений формы и сущности.

Первые случаи применения экскурсий, как методы накопления краеведческого материала по обществоведению — были точным повторением проделанных самим учителем обследований: так же составлялся план с вопросами, которые больше всего начинались словом «сколько», так же записывались ребятами ответы на вопросы, так же читались в завершение доклада отчеты.

Что было легко и просто учителям — процесс обследования, — то было скучно ребятам; что было трудно и скучно учителям — ребятам непосильно.

В дневнике одного серьезного педагога есть много скорбных страниц, посвященных «экскурсионно-выспрашивательскому» (по его терминологии)

методу. Несколько наиболее характерных выдержек я, в качестве иллюстрации, приведу*).

24/X. 1924. Кто посмотрел бы со стороны—наверно пожалел бы и учителя и, больше того,—учеников, когда они в муках, в поту и напряжении рождали план обследования с/совета...

... вот где оказалась вся широта программы ГУС'а и узость старого учителя: не верю я, что-б эта экскурсия дала много материала... поневоле вспомнишь Укурсы.

25/X. Вчера после обеда мои экскурсанты ходили на экскурсию, а сегодня прорабатывали материал, зачитывали доклады. Все так же, как на Укурсах: часть учеников ничего не дала, как будто они были на Укурсах и видели учителей на проработке докладов...

... после докладов положительно нечего делать.

29/X. Сегодня путешествовали на пристань... Ребята в конторе задавали приготовленные вопросы...

... У ребят на обратном пути было много разговоров по поводу экскурсии, а больше совершенно посторонних.

30/X. После экскурсии прорабатывали собранный материал, писали доклады. На этом материале много формальных знаний не дашь...

Это написано в конце октября, через две недели после начала занятий (школа открылась 16 октября). Это были *первые* экскурсии.

Если учителю было не по себе, если при разработке плана он хотел и самостоятельность ребят выявить и план составить, «как на курсах», то немудрено, что ребятам было непосильно «самодетельничать». «Опять составляли план, опять мне приходилось тянуть ляжку классного бурлака»,—жалуется он в другом месте.

Если бы ребята могли так же откровенно жаловаться! Сколько интересного, поучительного сказали бы они! Впрочем, они и жаловались дома, недоумевая вместе с отцами: «Пошто его гоняют-то нас? К чему?».

Вот пример одной экскурсии. Экскурсировало 4 отделение *зимой* на пристань.

Педагог с солидным стажем, весьма добросовестный, пытался согласовать требования метода с требованиями программы и детской активностью. Активность ребята могли проявить, по свойствам метода, только на разработке плана. И педагог, осторожно подводя ребят к стройному, полно все охватывающему плану, потратил на его разработку... два дня (материал с экскурсии «проработали» в 1 день!). Зато план получился великолепный.

Было намечено 4 основных группы вопросов:

1. Организация транспорта, роль и участие парт-профорганизаций.
2. Работа предприятия: грузооборот, грузоподъемность судов, число их.
3. Район обслуживания, характер и количество грузов, участие населения в его работе.
4. История и значение транспорта для края.

Ребята, как и полагается, разделены были на группы, из коих каждая имела один из этих основных разделов, детализированных внесением в них вопросов, опять-таки «сколькостского» характера.

На пристани ребята могли видеть пароходы и баржи... на сухом берегу, ремонтирующиеся. Собственно, пристань представляла из себя ремонтную мастерскую. И только с таким планом и методом можно было идти сюда, как на пристань, а не в мастерскую.

Рабочие встретили ребят приветливо, показали им машины, станки, как пилят, режут, сверлят и точат железо... Обыкновенным деревенским ребятам, никогда не видавшим всего этого, было страшно интересно. Они все осмотрели, обо всем допросились, все оцупали. Яркие красочные образы рабочих у

* С любезного разрешения И. Г. Ульянова, учителя Жигаловской школы одников.

станков и машин, непривычный шум и лязг, необычный труд, могущество машины, режущей и обтачивающей твердое железо, как мягкое дерево..., сколько ощущений, переживаний, как пополнился детский опыт! И как долго хотелось тут побыть... но: по плану-то как раз это вовсе не было предусмотрено, по плану надо идти группам—в местком, в ячейку партии, в контору. И ушли, конечно. Записывали торопливо ответы (остальные)...

Материал собран. Цифры превратились в диаграммы, сведения—в доклад. Доклад зачитан. В день все завершили.

Отрицательные стороны этого метода скоро заставили многих учителей отойти от них. Наиболее «стойкие», правда, держались с ними до весны, обследуя и изучая бедняка, середняка и кулака, кооперацию и кустаря и т. д., выражая свое «изучение» разноцветными столбиками диаграмм. «Полезла бумага на стену», ехидничали многие, смотря на стены классов, завешанные сплошь «живою плотью» краеведческого материала. Экскурсировали часто, доводили число экскурсий до 20 в месяц, набили руку так, что и план, и обследование и отчетный доклад укладывали в день.

Но большинство ушло от метода в такой форме. Так как за материалом все-таки надо было идти, а метод не удовлетворял—начались изменения его формы.

И первой по времени появления формой мы видим экскурсии по «*принципу представительства*».

Суть сводилась к следующему: так же разрабатывался план, с такими же вопросами, только экскурсировали не все, а группа ребят, выделенных для этой цели классом. В этом видоизменении необходимо отметить положительные стороны: материал доставался тот же, какой достала бы экскурсия классом, но экскурсантов ждали с материалом оставшиеся в школе. К неприкосновенному еще материалу уже чувствовался легкий, а порой и неподдельно глубокий, интерес. Краткое сообщение-доклад прибежавших с обследования ребят чаще всего выслушивался со вниманием.

Два скучные момента—сводка материала всех групп и отчет-доклад отпали, зато материал-сырье дольше держался в работе, т. к. не было ставящего на нем точку доклада.

Только то, что активное участие в самом процессе собирания материала принимали не все, остальные томилась ожиданием, было отрицательной стороной этой формы экскурсионно-выспрашивательского метода. Зато эта форма позволяла применять экскурсии даже в трехлетках с одним учащим.

Следующим, в порядке постепенного видоизменения форм, типом были экскурсии «ударные». Во все те места, обследовать которые было необходимо, посылались точно так же отдельные группки ребят, с такими же планами, но объектов обследования намечалось сразу столько, чтобы каждая группка обследовала особый, чтобы все ребята принимали участие.

Этот тип ничего нового не внес, он слегка изменил «шкуру», оставив сущность метода, его технику неприкосновенной.

Метод-то, по существу, и не изменялся. Он приспособлялся к требованиям школы, населения, но не детей.

По любому из этих типов экскурсий обследование ВИК'а дало одинаковые результаты.

Одной школой, в числе других учреждений, был обследован ВИК по плану, составленному для одной группы ребят, имевшему 32 вопроса: число служащих, членов и не членов профсоюза, выборных и нанятых, размер зарплаты, количество рабочих часов, отделы ВИК'а..., количество пашни в волости, сенокоса, населения и т. д.

Был собран богатый статистический материал, было нарисовано большое количество интересных диаграмм. Но узнали ли ребята что-нибудь о ВИК'е, как о таковом? Сумели ли-б они сказать: что делает ВИК?

В нескольких школах в 3 отделениях, «изучавших» сельсовет, по теме «Наша деревня» я провел анкету, где был вопрос: что делают в сельсовете? Только что «изучавшие» ребята ответили: 22 человека—делают собрания; 6—выдают справки; 13—дела решают; 27—пишут; 4—следят за порядком, арестуют хулиганов; 10—лошадей назначают; 14—продналог собирают.

Некоторые ответы были полны совершеннейшим незнанием: 1. Председатель и секретарь пишут заявления во все стороны. 2. Пишут записки. 3. Не знаю (6 человек). 4. Там станок (станция).

Это результат обследования всех и всего со «сколькистскими» планами со стороны статистики. Само же учреждение, как работающий аппарат—оставался незнакомым, неизвестным.

Три рассмотренные выше видоизменения одного метода, представляющие, по существу, один, надлежит оценить с точки зрения педагогики и требований советской трудовой школы.

Всякий метод должен удовлетворять следующему требованию: «С одной стороны, помочь всего быстрее и полнее достигнуть данной материальной цели, а с другой—идеальным образом выполнить те формальные требования, которые приносят пользу ребенку в формальном и этическом отношениях далеко за пределами данной специальной школьной цели» (Э. Мейман—«Лекции по эксперимент. педагогике», ч. III, стр. 5).

Посмотрим: удовлетворяет ли этот метод требованиям педагогики?

Материальная цель, т. е. обогащение ребенка знаниями об изучаемом объекте, этим методом *не достигается вовсе*. Как я показал, обследование и «изучение» сельсовета ребятами 3-х отделений, не дало им знаний о нем, как учреждении, как части административного аппарата. Они имеют после обследования те же смутные представления о нем, что и до обследования. Их суждения о сельсовете, как таковом, благодаря отсутствию правильных представлений, отсутствию определенных ощущений от тесного соприкосновения с работой аппарата,—есть «пустые, ни на чем не основанные утверждения» (Вирский). Метод и не ставил и не мог ставить целью даже знания, т. е. достижения материальной цели, т. к., расспрашивая о количеств. скота, пашни и пр., ученик получает только цифры, которые, разумеется, в качестве знаний никому никогда не нужны. Они нужны только для подтверждения выводов.

Те богатые ощущения, давшие начало многим правильным представлениям, знаниям окружающего, что получили ребята при обследовании «пристани»—получены случайно, *во вред методу*, т. к. они (эти ощущения) сделали ребят рассеянными, когда они в конторе и местком, выпрашивая, все еще переживали только что виденное.

Формальные требования педагогики к методу им совершенно не удовлетворялись и тоже никак не могли быть удовлетворены.

Педагогика, программа ГУС'а, трудовая школа—ставят школе неизменным условием воспитание в ребенке, на основе уже имеющегося у него, пытливого интереса исследователя к жизненным явлениям. Они требуют от школы обогащения ребенка опытом в применении своих сил к познанию окружающего, содействия развитию умственному, эстетическому, эмоциональному.

Революционная целенаправленность, интерес к делу, активность и самостоятельности—где они могут проявиться?

Этот метод *вовсе не удовлетворяет* требованиям педагогики и должен быть так и расценен, как антипедагогический.

Ребята редко задают вопрос «сколько», и то в случаях, касающихся непосредственно их. К внешнему миру они, как истинные исследователи, подходят с вопросами: «зачем? как? отчего?». И как мы видели на приводимом мной примере (экскурсия на пристань), все добытые им знания добыты посредством подхода с этими вопросами *вне всякого плана*. Ответы на эти их вопросы помогли ребятам сравнить труд своих отцов и братьев-крестьян с трудом рабочего, выпуклее оттенить многие несознаваемые ими стороны труда близких, осознать его. Они помогли понять и труд рабочего через сравнение с трудом крестьянина.

Конечно, эта ценная и богатая возможностями работа, по сравнению этих двух видов человеческой деятельности, прошла не в классе, не под руководством учителя, а была проделана каждым самостоятельно и бессознательно. Но какая богатая возможность была упущена школой! Углубить, подчеркнуть разницу, выяснить многое неясное, непонятное в этой параллели,— значит подготовить надежную прочную базу для понимания ряда вопросов по теме «СССР, трудящиеся и их борьба». Революционное настроение, коллективистические стремления рабочих—консерватизм и собственнические склонности крестьян, все это получило бы подтверждение не умозрительными выводами, а суждениями с прочной основой из ярких, незабываемых ощущений. Понятна бы стала уверенность в себе, в знаниях и умении, своих силах и машине-рабочего, и надежда на сверхестественное, на обычаи, приметы и традиции, на молитвы и молебны—у крестьянина. Понятна бы стала нерелигиозность одних и религиозность других.

Анализ труда рабочего и крестьянина, исследование их быта—вот где богатейшие возможности и дать знания и возможности применения сил своих к их нахождению. Достичь цели материальной, удовлетворить формальным требованиям можно лишь тогда, когда вместо бесконечного «сколько» будет сказано нужное число раз: как, почему, зачем.

Правда, тогда не будет такого большого числа статистических данных, но это и нетрудно пополнить всяким способом, когда они станут нужны. Но подходить к учреждению, производству и пр. непременно надо, как к *определенной трудовой деятельности человека в своеобразных условиях*, но никоим образом не как к статистическому бюро.

Необходимость иметь цифровой материал иногда заставит применять экскурсии такого рода. Проведенные, как экскурсии по представительству и ударные,—они, несомненно, дадут пользу. Но строить изучение труда и общества только на этом методе, как единственном методе накопления краеведческого материала,—нельзя.

И мы увидим, что, осознав это, наиболее живая, ищущая часть учительства, не остановилась на искании еще новых форм старому содержанию. Изменениям подверглась не только внешняя сторона (или только не внешняя), изменилась сущность метода. Последующие видоизменения не есть перефразировки старого, а

Новые методы.

Под давлением откровенно высказывающего свои мнения о школе и ее работе окружающего населения, относившегося к экскурсиям недоверчиво, в зачатку враждебно, и переносившего свое недовольство работой школы на учителя, на власть, проходили искания учителей, которые и сами сознавали, что так работать нельзя.

Чтобы не вызывать справедливых и несправедливых нареканий за ничемную трату рабочего времени на хождения, учителя стали заменять экскур-

сии—заданиями. Достать тот или иной материал, нужный школе в работе, ребята должны были во внеурочное время. Это легкое изменение формы повлекло за собою, как непереносимое следствие, изменение содержания. Ребята не всегда смогли проводить организованно свои экскурсии-задания, чаще всего они объединялись в группы по 2-3 человека, иногда действовали по одному.

Эволюция этой формы завершилась оригинальным и очень ценным видом, к которому пришли единицы—

Экскурсий-экспедиций.

Когда в работе возникла необходимость иметь не одни голые цифры, а материал посущественней, материал бытовой, исторический и т. д., найти его, применяя экскурсии-налеты по «выспрашивательскому» методу, было невозможно. Требовалась длительная собирательская работа, требовалось увеличение промежутка времени до многих часов. Самый характер материала был таков, что простым выпрашиванием его также не вдруг найдешь. И мы видим, как самостоятельные задания вместо планов-вопросников, которые стали не везде пригодными, стали иметь только задания, с указанием пути к его выполнению и того материала, который должен был быть собран. Детализировать план, проводить его в жизнь, ребята должны были сами. Организационные формы выбирать они могли по собственным склонностям.

Вот пример такой экскурсии-экспедиции:

Третье отделение по теме «Наша деревня», изучая «охоту», как один из основных видов крупного подсобного промысла, получает задание: 1. Собрать рассказы об охоте за белкой, обычаи, приметы, поверья с ней связанные. Собрать по вопросам охотников; 2. Собрать орудия охоты нынешние и старинные для коллекции в школьный музей, которые в моделях—плашки, кулемки пасти, (для ловли крупного зверя), спросить: как ими ловят, которые настоящие.

План оставлял ребятам свободу выбора раздела плана и техники его выполнения. Он не связывал ребят никакими путями подробных вопросников, ставил перед ними ясные цели,—что собрать и куда.

Собранный ребятами материал на этой экспедиции, тянувшейся несколько дней, в течение которых ребята деятельно шныряли по охотникам, был очень интересен, т. к. было собрано много неизвестного, необычайного, чего ребята даже и не подозревали. Каждое сообщение выслушивалось внимательно, порой возникали споры, когда обнаруживались варианты примет, поверий. Обсуждение их проливало неожиданный свет на таинственный сумрак таежной жизни, помогало в ней разобраться и многое понять и узнать.

Так, эта экспедиция в числе материала имела в ребятах записях два «закона тайги», которые я приведу здесь с указанием, как их использовала школа:

1. Ежли хто ничаянно встетит сахатава, али он сам на каво наскочит и тот иво убьет, то ему губившему А. Г., дадут адно стигно с кджай. Астальное вазьмут хазяива сабак, чьи выгнали сахатава.

2. Ежли охотник не блудяшшний (не заблудившийся А. Г.) и ни галадаюшший с'озорует (украдет) у друтова хлеб или чо, да пра ета дазнаютца—больши ему в лес итти нельзя: убьют и канцы в воду.

Эти «законы», особенно второй, подтвердились всеми ребятами по вопросам охотников: краж в лесу не бывает, как и замков. Разбираясь с ними, ребята выяснили, что законы эти не «нарошно» придуманы, а есть следствие

*) Приводится в транскрипции обычной, не передающей произношение (Материал П. И. Липинского, учителя Жигальской Р. О. школы).

сурового закона тайги, беспощадной к заблудившемуся или оставшемуся без хлеба охотнику. Труд в известной обстановке рождает ограждающие его правовые нормы: избежать ссоры при дележе спорной добычи, обезопасить себе возможность не голодной жизни и пр. можно лишь конкретными законами, не допускающими кривотолков.

Сравнение с нравами и обычаями деревни еще больше подчеркнуло это. В то время, как охотник, случайно забредший в чужое «займище», находил и не трогал висевшие там шкурки,— тот же охотник в деревне не брезговал ночной прогулкой к соседу за забытым на завалинке хомутом.

Материальная цель—обогащение ребят знаниями — была в данном примере достигнута, т. к. ими была понята, благодаря знаниям, причинная зависимость явлений. Материал для последующей работы был собран значительный, школьный музей получил пополнение и моделями и оригинальными орудиями.

А свобода проявления исследовательского инстинкта в связи с полученным успехом—заложила первые камни в фундамент развития этой стороны деятельности ребенка. Несколько удачных экспедиций—и мы будем иметь у ребенка все растущий интерес к окружающему и умение подмечать и находить интересное. Формальные требования к методу удовлетворяются этим приемом в очень большой степени.

И еще: собрание коллекций для пополнения музея самими ребятами, с понятными целями—приучает смотреть на подвертывающиеся под руку древности не с усмешкой и пренебрежительным непониманием, а с интересом, как памятнику-свидетелю былой трудовой деятельности человека.

Мне пришлось видеть на уроке в 4-м отделении одной школы у педагога без педагогики потуги натянуть ребят на мысль, что шашка времен первых колонизаторов должна найти себе место в музее. Шашку, по прочтении соответствующего материала и беседы демонстрирует учитель, принесший ее с кухни, где она и жила до этого (в школьном здании). «Куда же мы ее построим, ребята? а?»—спрашивает учитель. В ответ молчание: куда ее в самом-то деле? а? Один бойкий мальчуган соображает: «куда она годится? Вот если ее перековать, да сделать ножик большой—лучину щепать сторожихе»—«Нет—обрез сковать»,—говорит другой (ребята с осени собираются переплетать). Учитель должен был убедить ребят, что, во-первых, шашка железная, не годится для обреза, а во-вторых: «да в музей, ребята, в музей! Ведь это старинная вещь!».

При собирании материала ребятами, при их заинтересованности, так вопрос не стоял бы. Если б ребята вместо беседы, наряду ли с ней, собрали бы сами оставшиеся от времен покорения Сибири рассказы, преданья, легенды, оружие и т. п.,—шашку с кухни школы они сами притащили бы, и учителю не пришлось бы тянуть ребят.

Сбор лекарственных трав, косметических народных средств, заговоров, наговоров и пр. для ознакомления с бытом, народной медициной даст колоссальный материал.

Сбор фольклорного материала о всякой деятельности человека—покажет ее в истинном свете.

Сбор игрушек—для музея детских игрушек, орудий производства, древностей—сколько тем, тесно связанных с программой, экскурсий-экспедиций.

Сбор статистических данных о бюджете крестьянина, за неделю, месяц, за несколько праздничных дней—только и возможен при таком приеме. Все это позволяет только рекомендовать этот прием, наряду с другим, еще более редким и по-своему очень ценным, который я назвал бы

Трудовыми экскурсиями.

Это немного не то, что под таким термином проникло в литературу и связано с именами В. Б. Игнатьева и М. П. Григорьева. Это творчество массового учителя, творящего не потому, что он осознал новую форму, изобрел ее по наитию свыше, а осознавшего ее потому, что работа ее породила, а может, и еще не осознавшего, не оценившего всех достоинств приема, случайно им принятого.

В основе такой экскурсии, в качестве вызвавшего ее стимула, в качестве цели, стоит разрешение какой-нибудь практически-жизненной задачи, самое разрешение которой непременно обусловлено участием группы (класса) в работе того учреждения, которое ведает решением вопросов, связанных с задачей.

Попутно школой достигается и другая цель, которая иногда и не ставится перед ребятами: знакомство с учреждением и его работой на участии в ней. Ставится вторая цель или нет—строго безразлично: она достигается, т. к. участие ребенка в работе не может не познакомить его с процессом.

В качестве конкретного примера такой экскурсии я приведу следующее. В работе по теме у ребят возникло желание иметь пришкольный участок для организации посева на нем с чисто утилитарной целью: школа была бедна, средств найти нигде было нельзя, а нужда была велика. Решили весной посеять немного хлеба, на который и сделать все необходимое.

Ребята 3-го отделения полным составом пошли на заседание сельсовета, где и поставили на повестку дня вопрос о выделении из «душевой» земли участка.

Участие в работе сельсовета над этим вопросом перед ребятами ясно нарисовало полную картину земельных отношений, выявило сложную систему общинного землепользования. Ребята узнали, как образовались фонды «душевой» земли в районе, где вся земля, до последнего клочка, была добыта руками населения из-под тайги; узнали, что вся «душевая» земля поделена на «десятины» по территориальному признаку, с учетом, однако, качества земли; узнали, что и крестьяне в деревне поделены на «десятины», носящие идентичные с земельными названия—Подварковская, Егоровская и т. д. и, что «десятишники» вправе распоряжаться своим фондом, как находят нужным, вправе принять или не принять нового члена, если он не является достигшим 14 полных лет сыном одного из десятишников, который имеет право на надел; узнали они, что благодаря такой системе иногда парни ждут года по 3-4, пока не освободится чей-нибудь надел, т. к. из-за одного-двух десятишники передела не устраивают.

В сельсовете ребятам указали, что в одной «десятине» есть, или, во всяком случае, должен быть свободный пай, указали, как надо действовать дальше.

Участок был в конце-концов добыт. Учитель и ребята из процесса добытия его почерпнули много ценного: они, присутствуя на заседаниях сельсовета, видели, что и как он делает: они познакомились с механикой распределения земли, сами участвуя в ней, они близко подошли к ознакомлению с кодексом законов о земле, в части, касающейся землепользования и землеустройства.

Знания окружающего были приобретены весьма ценные и прочные. А участие в заседании сельсовета, собрании общем и «десятишников» положило основу навыку, требуемому новой программой: уметь получить нужную справ-

ку в учреждении, принять участие в его работе, решить вопрос. И формальные требования к методу эта экскурсия удовлетворила.

Введение в план работы школы (учебно-рабочий) таких практических задач, пусть даже только школьного значения, приблизит работу школы к разрешению задач, сформулированных не только педагогикой, но и великим вождем в его словах, обращенных к съезду РЛКСМ: «Надо помочь ребятам принять участие в строительстве новой жизни, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе они решали практически ту или иную задачу *общего труда*, пускай самую маленькую, самую простую» (В. И. Ленин, речь на IV съезде РЛКСМ); таким образом, школьная работа подойдет к верному педагогически и выдержанному в марксистско-ленинском духе пути.

Еще больше приближает работу школы к этому пути, к осуществлению завета В. И. Ленина следующий метод—

Трудовые процессы.

В этот метод легко могут перейти экскурсии только-что описанного типа, когда решаются задачи общественного значения. Конечно, трудовые процессы в школе, классе, на школьном дворе, поставленные в качестве проработки материала уже полученного таким или иным путем, не входят сюда: здесь надо видеть только те трудовые процессы, которые служат методами накопления краеведческого материала.

Связанные с выходом из школы, трудовые процессы, однако, нельзя считать трудовыми экскурсиями другого типа. Экскурсия предполагает определенную образовательно-воспитательную цель, образовательная часть которой известна ребятам: они знают, зачем и думают и о чем *надо узнать*. Трудовой процесс *имеет* воспитательную цель, но перед ребятами стоит решение узкопрактической задачи, не больше. К примеру: пойти с ребятами на школьный луг к «горящему» стогу, чтобы исследовать причины этого явления, разбросать без просушки сено по лугу,—значит пойти на экскурсию. Но пойти с целью разбросать горящий стог, чтобы во время работы, или после нее заняться исследованием причин, вызвавших загорание,—пойти на трудовой процесс; хотя выполнено в обоих случаях одно и то же, но во втором случае исследование могло отпасть, т. к. не оно ставилось в задачу, тогда, как в первом случае разбрасывание сена тесно связано с исследовательской работой, как ее необходимое следствие, и отпасть не может.

В условиях сибирской деревни работа по этому методу может быть поставлена в чрезвычайно редких случаях. Сюда войдут (могут войти) работы: по упорядочению санитарного состояния деревни, поправке участка дороги, помощи в работе односельчанке-вдове и т. д. Все эти работы возможны только поздней весной, летом, ранней осенью. И часто эти работы могут и не дать необходимого краеведческого материала, тогда, разумеется, их нельзя рассматривать, как метод его накопления. Это уже дело умения, методической практики учителя—использовать труд на поле, или по осушке «исторической» лужи на деревенской улице в качестве метода накопления. Но это возможно.

Вот те формы и методы работы школы за ее стенами по накоплению материала из труда и общества. В природоведении мы тоже имеем возможность устраивать экскурсии разных типов, но т. к. здесь творчества массового учительства не проявилось, я пройду молчаливым экскурсиями в природу, отметив только один интересный случай *экскурсии-наблюдения*.

Ребята 2-го отделения Н.-С. четырехлетки начали тему «начало весны». Проследить все изменения в природе можно было, только выйдя из класса; учащий организует экскурсию: ребята были разделены на 4 группы, и каждая группа должна была понаблюдать в течение определенного времени за изменениями неба и положения солнца, снежного покрова, деревьев и птиц. Точного плана никому дано не было, хотя предварительно ребята говорили, что можно заметить, наблюдая кучи снега, снег у забора, в тени, воробьев на крыше и т. д. Задачей было поставлено описать все виденное со всеми подробностями.

Экскурсанты рассыпались по школьному двору, улице, живо обсуждая и записывая виденное. Открывали новое, возникали около непонятного вопросы.

В классе подолгу и внимательно обсуждали записи каждой группы, вносили поправки. Учитель принятое записывал на доску. В результате такой записи получалось очень стройное и подробное описание начала весны.

Наблюдения.

Наблюдения за погодой, за природой, регистрация посещений и пропусков ребят,—все это на больших и на маленьких листках можно встретить в каждой школе. Этот метод накопления краеведческого материала широко применяется везде и всюду, но только... не как метод действительного накапливания действительно краеведческого материала.

Ценность всех этих скрупулезно-точных или кое-как ведущихся наблюдений очень мала, чаще отрицательна, т. к. они или приучают к халатности, или автоматичности и в обоих случаях бесцельны; они лишают возможности привить ребятам навык к планомерным наблюдениям, ибо к бесцельной ежедневной работе ребята быстро начинают чувствовать неохоту и даже отвращение. Ребята, как правило, помнят, что надо заполнять эти листы, но что-б они понимали зачем, знали бы цель работы, видели ее результаты, интересовались бы ею—этого почти не бывает.

Тем не менее правильно поставленные наблюдения—великолепный педагогический прием, имеющий большое и образовательное и воспитательное значение. Этот метод вполне удовлетворяет требованиям педагогики и советской трудовой школы, т. к. он может приучить к планомерным, регулярным и точным записям наблюдений, выведению из массы сырьевого материала—фактов—известных практически ценных и важных выводов, умению наблюдать и подмечать мелочи, из которых складываются крупные величины.

Наблюдение не есть простое созерцание с последующей регистрацией виденного. В нем всегда есть (должна быть) определенная цель, вызвавшая его. Наблюдение по существу есть первое звено исследовательской работы, оно должно нести в себе элементы исследовательской мысли. Не простая регистрация фактов, а собирание их для подтверждения какого-нибудь вывода, а чаще для вывода из анализа ряда наблюдаемых явлений. «Факты суть лестницы для выводов, а без этого они мертвы» (Б. Е. Райков). И не о методе «собирания мертвых фактов», а о наблюдении «научно-образном» (термин В. П. Игнатьева), действительно ценном и легко применимым в массовой школе методе мы будем говорить.

К наблюдениям, как методу накопления краеведческого материала, мы можем отнести следующие виды: 1. Фенологические наблюдения. 2. Метеорологические наблюдения. 3. Регистрация посещений и пропусков учащихся.

О том, как поставлены в школе эти виды работы, я уже сказал коротенько. Здесь нам надо установить только: *как нужно их поставить?* и в первую очередь—как поставить.

Фенологические наблюдения.

Календарь природы висит в каждом классе, а если в нем не одна группа, то не в одном экземпляре. Всем знакомы разнообразные формы листов наблюдений, дневников, записей и пр. Техника ведения их также немудра: в листах и дневниках отмечаются изменения в природе: отлет-прилет птиц, вскрытие-замерзание реки и др. водоемов, выпадение снега, толщина снежного покрова и т. д. Зимой наблюдать в природе почти нечего, зато много можно осенью, весной.

Обыкновенно достаточным стимулом к введению в оборот календаря природы служит чтение соответствующей статейки из хрестоматии, откуда заимствуется часто и самая форма записей. Записи ведутся до конца учебного года, после чего собранный материал идет в архив, где его с'едают мыши, в худшем случае—просто на раскурку, на растопку и на заклепку рам следующей осенью.

Фенологические наблюдения,—труднейший вид наблюдений, так как точные записи явлений природы, проведенные со всяким тщанием и добросовестностью в течение даже круглого года, не имеют ни практической, ни научной, ни педагогической ценности, если к ним подойти с шаблонным намерением—вывести какие-нибудь заключения. Какие могут быть сделаны выводы из факта, что весной 19... года река вскрылась 7 мая? Они начинают при обретать ценность после долгого ряда лет планомерных наблюдений, когда можно будет, пользуясь средними данными, с большей или меньшей долей вероятности «предсказывать» наступление времени перелета птиц, сева пшеницы и т. д.

Педагогическая ценность фенологических наблюдений, как работы осмысленной с близкой и понятной целью, заключается только в их научной и практической ценности. Конечно, использовать их сразу, как практически ценное—нельзя, но зато можно сразу придать им значение важных для науки, которая, в свою очередь, делает из них важные практические выводы. Школа может легко стать корреспондентом центральной метеорологической станции или обсерватории, собирающей сведения со-всего, охватываемого ею района.

Скудность средств, а с другой стороны недостаток квалифицированных и надежных работников лишает возможности такие центральные установки охватить все, иметь под наблюдением все пункты района. А выводы, ценные научно и практически, из наблюдений над погодой и природой будут тем ближе к истине, чем больше количество отдельных наблюдений, чем больше охвачена территория и чем дольше ведутся эти наблюдения. Фенологические наблюдения по формам и требованию центральной станции вполне доступны школе с ее средствами. Корреспондирование и связь с ученым учреждением придаст им ценность и смысл, сделает работу важной и интересной. Аккуратное заполнение форм, бланков, отчетов—приучит к аккуратным наблюдениям. А уж ради этого одного—фенологические наблюдения надо ставить.

Кроме того, школа может к этому виду работы прибавить и другую, близкую и не менее важную: доставлять сведения в статбюро.

Работа, ценная обществу, осмысленная, интересная—вот чем могут стать фенологические наблюдения.

В школьной, образовательной работе могут быть использованы уже и прошлогодние листы календаря природы, если они (как должно быть) тщательно хранятся, как ценный, в смысле познания края, материал. По ним можно установить длину лета (вегетационного периода), зима, с большим приближением, правда, — время вскрытия реки и т. д. Сравнение действительных сроков с предполагаемыми на основе прошлогодних сроков, натолкнет на необходимость установления зависимости природных явлений от климатических. Это же даст возможность уяснить необходимость их для сельского хозяйства, земледельца, часто полагающегося на приметы. Разбор примет о севе (по сережкам вербы, по ящам и т. д.) покажет всю их несостоятельность, если мы выясним причины раннего появления сережек у вербы, узнаем — отчего произошла разница в весе 3-х первых яиц курицы и т. д. А при поставленных правильно и тщательно фенологических наблюдениях это возможно. Они же дадут возможность понять и более общие мировые факты: годовое вращение земли, ее суточное вращение, наклон экватора и эклиптике и пр.

Краеведческий материал, необходимый для насыщения программы, для использования в работе, вовсе не заключается только в цифрах статистики, фольклоре, археологических, исторических и геологических фактах. Он должен охватить все: смена времен года, высота солнца зимой, длина летнего дня, распускание первых листков на березе, опадение последних листьев, время колошения ржи, пшеницы и т. д., и т. д., — все это взятое с точки зрения определенных факторов, определяющих условия труда человека в данном месте, есть не менее важный краеведческий материал, чем анализ почв родных пашен, история села и ж. д.

Фенологические наблюдения дадут крупную часть сведений об окружающем и им надо отвести надлежащее место.

И сам педагог советской школы, который станет им лишь тогда, когда, активно организуя вокруг школы культурные силы деревни, поведет краеведческую работу, — должен вести эти наблюдения тогда, когда школа не функционирует (летом). И лучший способ втянуть ребят в работу по наблюдению за природой (см. последнюю тему 3-го триместра 1-2 года обучения, деревенский вариант) самому вести их точно, scrupulously; это поможет учителю заложить и у себя интерес к краеведческой работе, которым далеко-далеко не все учителя в достаточной степени заражены. Большинство, даже делающие эту работу, еще не познали ее вкуса.

Не имея возможности остановиться на технике самой работы, я могу всех желающих ее делать отослать к очень ценной, хотя дороговатой (70 к.) и написанной для севера СССР книжке И. Н. Смирнова «Календарь природы». Она содержит очень много методических указаний и хорошо разработанную технику. Очень ценные указания дает и «Программа для единой трудовой 7 летней школы», изд. 1921 г.

Все, что сказано о фенологических наблюдениях, в той же мере применено и к

Метеорологические наблюдения.

Объект наблюдений — атмосферные изменения. Поскольку они совершаются непрерывно, каждый день, даже на дне могут быть отмечены регулярно (как температура утром, в полдень, вечером) и нерегулярные (снежок к вечеру после ясного, весеннего дня) изменения, — этот вид наблюдений легче своей планомерностью. Его трудность для ребят состоит в том, что держит их все время в некотором напряжении. Когда они интересны, исполь-

зуются широко, цель их ясна и близка ребятам—такое напряжение их внимания и воли может стать очень полезным, сильным воспитывающим средством. При отсутствии же этого—работа будет бочкой Данаид и ее значение, как антипедагогического приема, будет велико.

Математическая обработка (сводки) материала по декадам, по месяцам, по полугодиям, графическое изображение сводок в диаграммах и графиках, при условии использования получаемого от сводок материала в работе,—придаст им педагогическую ценность. Сравнение с прошлогодними данными за эти же сроки—будет и интересно. А проверка примет, что лето в сущности повторяет зиму, т. е.—зимние морозы на новый год—сильные жары на 1-е июля (ровно через полгода), длительное ненастье со снежком на рождестве и святках—дождливый сенокос; ясная, теплая дружная весна—пророчит такую же осень,—такая проверка, поставленная всерьез,—заинтересует и население.

Оба эти виды наблюдений нужны и важны и надо всячески бороться с их вырождением в пустую, ничемную регистрацию, после равнодушного «глядення» без мысли о необходимости и важности дела, без интереса к нему.

Как использовать получаемый материал в работе, мы рассмотрим, когда будем говорить о методах проработки, о методах использования. Сейчас мы перейдем к совсем не применявшемуся нигде методу накопления краеведческого материала, который вошел в школу, как

Регистрация посещений и пропусков.

Регистрация пропусков ребятами учебных дней, с указанием причин (болезнь, отсутствие одежды, домашние дела (какие), естественные препятствия и т. д.) есть пока единственное средство познания края в его наименее изучаемой кем бы то ни было части, в части условий жизни деревенских детей. Сводки и диаграммы числа пропущенных дней по разным причинам, мальчиков и девочек отдельно, маленьких первогодников и больших «старших» покажут нам не только влияние разных причин на посещаемость, а помогут установить зависимость этих причин общего состояния, благоденствия деревни, от отношений населения к школе. Ребята увидят, что неравенство в производстве вызывает неравенство в пользовании ребенком благами жизни, анализируя причины пропусков детей бедных и зажиточных семей. Ребята увидят, что женское неполноправие сказалось на посещениях девочек, которых так часто отрывают для мытья, стирки и пр.

Когда эти причины просто регистрируются, они ничего не дают. Будучи обработаны, подвергнуты изучению, они внезапно помогают вскрыть темные стороны деревенского быта, обнажая его для удара.

Интересный случай пришлось мне наблюдать на ученическом съезде (волостном) в с. Тутуре, Верхоленского уезда. Один мальчуган, докладывая о работе своей школы, зачитал сводки пропусков по месяцам, потом за три месяца, мальчиков и девочек отдельно, указывая причины. Съездовики были поражены громадным количеством пропусков девочек «по домашним делам». Посыпались вопросы: почему у вас так? Докладчик резонно рассказал: то с ребятами водиться оставляют, то пол к празднику мыть, то починяться, а то просто так: «гли чиво, говорит, девченке грамоту шипко знать?». И обсуждение вопроса вывели заключение: везде так делают, а так не надо; мешают учиться: «им-то не надо»!

В резолюции было написано, буквально, следующее: «собрать в каждой школе родителей и рассказать им, чтобы так не делали».

Многу было проверено—как пройдет это в школе, из-за доклада, которой вопрос поднялся: ребята выполнили все. Не удалось проследить, по многим причинам, результата только, но думаю, что он был положительный.

Вот как даже могут быть использованы данные регистрации пропусков. Это не будет регистрация «мертвых фактов», это приближение к «изучению мира с тем, чтоб его изменить».

Беседа,

как метод накапливания краеведческого материала, используя опыт ребенка и его знания,—чрезвычайно слабое средство. Оно и опасное, т. к. выявление опыта идет часто с бесконечным числом вопросов и, вместо «беседы», получается «допрос-дознание». А в применении к природоведению и обществоведению легко превращает в «словесность», подобную старой солдатской словесности.

Я искренне убежден, что этот метод пора заменить. Все, что мы выпросим, ребята лучше изложили бы не в словах, а в рисунках. Как метод про-работки—беседа (не в кавычках) средство хорошее и сильное. В свое время ей будет уделено время и место. Но рассматривать ее в качестве метода *познания* края я воздержусь, т. к. не считаю, что ее можно применять.

Погоня за внешним успехом, за «знаниями», часто наталкивает на более легкие для учителя методы. И здесь более чем уместно повторить, что внешний успех метода, достижение осязаемых, чисто внешних, пусть и хороших результатов, не компенсирует ребенку того вреда, что мы причиняем ему, не давая ему развиваться с появлением всех его сил по законам развития ребенка. Дети есть только дети, а не маленькие взрослые, а потому все яркое, сочное, красочное (пример—пионер-работа) их влечет, манит, интересует; все холодно-рассудочное, анемичное—отталкивает. Деятельность, проявление творческих сил, личность—вот чего не надо забывать.

Искать красочности, живой жизни, искать активно, с интересом—вот задача методу накопления краеведческого материала.

Избегать сухого, мертвого, отвлеченного—другая задача.

Дать знания—одна цель, но вовсе не главная, а *научить умению самому искать знания*, умению жить, участвуя в жизни, способствовать правильному развитию ребенка по его естественным законам—главная цель метода изучения жизни.

Краеведение—не сумма знаний о крае, а метод нашего подхода к естественному воспитанию ребенка, в его естественной среде, на его естественных интересах. Методы, им применяемые, должны это нести в своей сущности, иначе они непригодны.

ХРОНИКА

З. Гайсин.

Побольше внимания

На совещании завкогро и политпросветработников стоял вопрос и о работе среди нацмен Сибири.

Из итогов работы за 1924-25 учебный год видно, что количество школ и других типов культурно-просветительных учреждений среди национальных меньшинств возросло по сравнению с предыдущим годом на 19,5%. Охват же детей школьного возраста от 8-11 лет достиг 12,4%. По общей сводке союза Сибкооп. охват детей школой от 8-11 лет в деревне выражается в 28,6%, а в городах—64,7%, что в среднем даст приблизительно 30%. Но это процентное соотношение включает в себе и детей школьного возраста нацмен; при исключении же из этого количества детей нацмен, % охвата детей русского населения значительно повысится и в действительности будет выражаться около 35%.

Сопоставление цифр охвата школой детей русского населения (35%) и детей национальностей нерусского языка (12,4%) чрезвычайно наглядно показывает несоответствие культурного уровня и необходимость усиления внимания к делу просвещения нацмен. Перед окроно стоит первоочередная задача—расширить сеть школ и политпросветучреждений нацмен, в особенности среди наиболее отсталых восточных национальностей, и провести ряд других мероприятий, связанных с поднятием их культурного уровня.

Надо, однако, заметить, что цифра 12,4% (охват школой детей всех нацмен), все-таки недостаточно показательна. При рассмотрении отдельных национальностей (а культурно обслуживаемых их до 23) получается кривая, подни мающаяся в части касающейся наиболее культурных западных национальностей до 41,25%, а среди отсталых восточных—падающая до 3-х, 2-х и 0,5%; в части, же рисующей положение народностей далекого севера, как-то: самоедов и пр., эта кривая доходит до нуля.

Все это наглядно свидетельствует о том, что количество школ и других просветительных учреждений развивается стихийно, в соответствии с запросами той или иной национальности и в зависимости от ее культурного уровня. Конечно, эта стихийность в данный момент подъема хозяйственной жизни Края, при огромных недостатках средств на культурные потребности населения, затрагивает и сильно ущемляет интересы наименее культурных и отсталых национальностей.

Эти соображения совнацмена Сибкрайко были приняты во внимание совещанием. Специфические особенности каждой национальности должны быть серьезно изучены с целью выработки методов работы среди них. Сугубое внимание должно быть обращено на отдельные, наиболее культурно отсталые, национальности. Все это должно быть принято во внимание при составлении 5-ти летнего плана всеобщего обучения.

На ряду с этим встал во всей своей остроте вопрос о подготовке и переподготовке учителей и политпросветработников нацмен. В этой области признано необходимым провести точный учет нуждающихся в переподготовке, изыскать средства по местному бюджету и обратиться в совнацмен Наркомпроса за дотацией.

По вопросу о состоянии сети школ и политпросветучреждений в настоящем учебном году выяснилось, что в условиях районирования некоторые окроно и рик'и недостаточно уделяли внимания на работу среди нацмен. Были неоднократно случаи закрытия существующих школ, ликпунктов и изб-читален. В целях устранения подобного рода ненормальных явлений и закрепления существующей сети, совещание признало допустимым закрытие нацмен-учреждений лишь в исключительных случаях и то по согласованию этого вопроса с совнацменом Сибкрайко, это положение твердо и неукоснительно должно проводиться местами.

Кроме того, было обращено внимание съезда и на то обстоятельство, что школы нацмен начали разворачиваться только с момента Октябрьской революции, в условиях величайшего экономического кризиса, и до настоящего времени они не только ютятся в крестьянских избах или даже в землянках, но и лишены того минимума, который необходим для сколько-нибудь нормальных занятий. Естественно, что своими силами эти народности, благодаря своей исключительной материальной беспомощности, не в состоянии будут обеспечить школы более или менее удовлетворительным помещением. Признано также первоочередной задачей — необходимость разработки плана капитального ремонта, бесплатного отпуска леса, постройки новых школьных помещений и постановки вопроса о материальной помощи школам перед НКП.

Обращено также внимание съезда на то, что учителя нацмен по сравнению с русскими гораздо больше перегружены работой и, главным образом, потому, что огромный недостаток учебников и пособий на родном языке и полное отсутствие книг краеведческого характера вынуждает учителей нацмен ежедневно заниматься трудной работой по переводу материалов с русского на родной язык.

Тяжесть их положения усугубляется еще и тем, что большинство просвещенцев-нацмен оторваны от культурных центров и находятся в совершенно иных условиях труда, где прожиточный минимум в 2-3 раза дороже. До сих пор на это обстоятельство не было обращено должного внимания, и это послужило главной причиной ухода квалифицированной части учительства-нацмен в русские просветучреждения. Вопрос о тарификации учительства нацмен решено было пересмотреть совместно с союзом работников просвещения.

В целях усиления внимания к работе среди нацмен, а также выявления самодеятельности самого населения нацмен, признано необходимым в ближайший период времени провести по Сибири широкую кампанию о национальной политике советской власти, в частности по народному образованию.

п.

Краеведческий учебник.

Методическим Советом Сибано, совместно с Сибкрайиздатом, проработан издательский план на учебники и методические пособия для школ первой ступени.

Основная идея издательства здесь была такова — дать комплекс краеведческого учебника, освободив, таким образом, сибирскую школу от непригодного для сибирских условий учебника центра. Но в полной мере этого сделать не удалось. Сибирь еще не настолько богата педагогически-литературными силами, чтобы сразу дать полный комплекс. Издательство здесь идет постепенно, завоеывая комплекс из года в год. Так, еще в 1925 году мы имели сибирские: букварь, 1 и 3 книги для чтения. 1916 год дает промежуточную 2-ю книгу и практическую грамматику, основанную на материале 3-го года обучения по книге — «Наш край».

Таким образом, издательский план на 1926 год рисуется так:

Венгров и Осмоловский	Мы в школе (вместо букваря).
»	1-я книга для чтения
Пока без автора*)	2-я книга » »
Бауман и Вейсберг	3-я и 4-я книга для чтения.
Бауман	Практическая грамматика.

Предполагается издание задачника на основе краеведческого материала, но ожидать его в текущем году не приходится. В плане 27 года эта книга должна быть.

Переходя к детализации отдельных книг, должны сказать, что все они (кроме еще не изданных) подлежат некоторой дожке, переделке на основании тех материалов, которые дали места, школы и отдельные педагоги.

Так, подлежит наибольшему изменению книга: **Мы в школе** (вместо букваря). В нее вводится материал для письма. Первая книга после букваря изменяется коренным образом. Поскольку она частично заменяла 2-ю книгу, из нее выбрасывается эта часть, и соответственно изменяется первая. Книга с 10¹/₂ листов уменьшается до 7—8.

*) Сибметодсовету представлены на рассмотрение две рукописи разных авторов.

«Наш край» подлежит переработке в смысле упрощения некоторых тяжелых статей и внесения в книгу художественного материала для чтения, а также иллюстрации ее цифровыми данными по экономической Сибири.

Что касается книги Бауман «Практическая грамматика» (книга по языку для 3-й группы школы 1-й ступени)—на ней мы должны остановиться несколько поподробнее. Книга Баумана в отношении содержания литературного материала и расположения его полностью ориентируется на книгу «Наш край», вследствие чего она и имеет столько же отделов. Книга охватывает все важнейшие виды и формы работы по языку (наблюдение над языком, правописание, развитие устной и письменной речи).

Отсутствие полного комплекса учебника для сибирской школы первой ступени должно пробудить педагогическую мысль, вызвать ее на творческую работу по созданию нового учебника, заканчивающего комплекс.

Издательство ждет этого от педагогов Сибири.

Что же касается школы II ступени, то и здесь мыслится создание своего учебника на ближайшие годы: «Экономическая география Сибири», «Художественно-литературная хрестоматия сибирских писателей» и т. д.

Из методической литературы укажем: И. Смирнов—«Как работать по программе Гус'а в деревенской школе 1-й ступени»; Н. Осмоловский—«В помощь учителю»; «Рабочий план» школы первой ступени—Крайметодсовета; Сельско-хозяйственные кружки; И. Смирнов—«Сельское хозяйство и программа Гус'а».

Четыре первых книги уже знакомы сибирскому педагогу, но все они должны быть переработаны заново на основе опыта прошлого года.

Книжка Смирнова «Сельское хозяйство и программа Гус'а» должна явиться методическим руководством для нашей сельской элементарной школы.

В части политпросветработы вводятся книги: Пупышев, Вельхер и Морозова—«Пора за работу» (Букварь для подростков), «Справочник избача», хрестоматия «Наша сила-Советы».

Задачи издательства—выпустить эти книги с таким расчетом, чтобы к началу занятий они были на местах. В этом отношении издательством приняты самые решительные меры к своевременному выпуску учебников из печати.

Теперь стоит другой вопрос—вопрос о распространении учебника. Это задача педагога, в частности пленума Сибметодсовета.

На пленуме Сибметодсовета настоящая издательская программа должна подвергнуться проработке и утверждению. Поскольку последует утверждение, учебник становится обязательным для сибирской школы. Окружные методбюро должны твердо проводить линию внедрения этого учебника в жизнь.

Мы имеем факты, когда книжку, принятую пленумом методсовета (при участии, следовательно, Уоно и Уметодбюро), места вдруг начинали браковать, возвращая книгу обратно. Получается какой-то нелепый разнобой. Места не могут сговориться со своим методбюро, и... остаются без книги, издательство... с возвращенным учебником.

Эта ненормальность должна быть изжита крепкой увязкой методбюро с местами.

Дальше. Работа издательства в предыдущие годы походила, на игру втемную. Учебник сдается в печать, а места еще не могут раскататься—какого учебника и сколько им его нужно. В результате «Мы в школе», 1-я книга после букваря—печаталась три раза. Книга «Наш край», едва снятая с машины, печаталась второй раз.

К чему это ведет? К удорожанию книги, во-первых, и к задержке ее с выпуском из печати—во-вторых.

Таким образом, вторая задача перед методбюро—нажать на места, чтобы заявки на учебники были сделаны в начале лета, чтобы места точно выявили свою потребность в учебнике, свои финансовые ресурсы. Иначе мы не гарантированы от новых выпусков учебников в декабре месяце.

И. О. Нерод.

Сибирское совещание по работе школ горпромуча.

I.

Положение ученичества в угольной промышленности Сибири до начала текущего учебного года представляло из себя слабо организованную и во многих своих частях недостаточно увязанную с производством «систему» подготовки квалифицированных рабочих. Школы ученичества готовили кого угодно, но только не квалифицированного рабочего шахты. Ниже приводимые данные распределения учащихся школ по специальностям и данные выпуска в 24-25 уч. году показывают, насколько действительно школы не были связаны с основным производством, насколько недостаточно удовлетворяли они его нужды в части пополнения квалифицированной рабочей силой.

Распределение учащихся школ горпромуча Сибири по специальностям в мае 24-25 учебного года было таковым:

Всего школ.	Всего учащихся.	Занято в осн. производстве.	Занято на подсобн. работ.	ИЗ НИХ.					
				Метал.-электр.	Строителей-столяров.	В др. подсобн. цехах на квалиф. раб.	В конторе.	Чернорабочих.	Безработных.
4	290	—	290	103	57	14	5	73	38
	100%	—	100%	35,6%	19,7%	4,8%	1,7%	25,1%	13,1%

Всё же школы в 24-25 уч. г. дали промышленности 15 чел. квалифицированных рабочих, из них: металлостроителей 7 человек, электриков 2, деревообделочников 6 чел и ни одного квалифицированного рабочего шахты. Если ко всему этому прибавить значительную дороговизну обучения (164 р. 72 к. для прошлого года, при довольно низком проценте производственной ценности школы), то естественно напрашивается вывод: школы ученичества, являясь почти единственной формой подготовки квалифицированной рабочей силы для основного производства (шахты), в силу целого ряда причин и условий, свою основную задачу не разрешили.

Отсюда вывод практического порядка: надо изменить целевую установку школ, надо повысить хозяйственную ценность их. Школа горпромуча должна быть, во-первых, дешевым учреждением и не должна являться большим накладным бременем для производства; во-вторых, ей необходимо стать на путь удовлетворения нужд шахты в квалифицированной рабочей силе.

В целях этого Крайпрофобром, совместно с органами союза ВСГ и хозяйственными была проведена работа по реорганизации целевой установки и форм производственного обучения. Результаты видны из следующей таблицы распределения учащихся школ горпромуча Сибири по специальности (ноябрь 25-26 учебн. год).

Число школ.	Всего учащихся.	Занято в осн. производстве.	Занято на подготавливат. работах.	ИЗ НИХ.					
				Метал.-электр.	Строителей-столяров.	В др. подсобн. цехах на квалиф. раб.	В конторе.	Чернорабочих.	Безработных.
4	355	303	32	28	—	—	—	—	—
	100%	90,7%	9,3%	—	—	—	—	—	—

Постановка производственного обучения в школах заставляет желать большего. В качестве достижений в этой части мы имеем: закрепление «учебного забоя», как формы производственного обучения, и повышение качества шахтовой работы учеников.

В качестве недостатков: нерациональное и неполное использование подростков учеников на поверхностных работах, наличие сдельных работ в некоторых школах, слабая производственная дисциплина, особенно на поверхностных работах, частая смена учебных забоев администрацией шахты в ущерб требованиям производственной программы школы.

Вопросы дальнейшей работы школ ученичества в угольной промышленности Сибири требовали своего коллективного разрешения.

В этих целях и было создано совещание работников школ горпромуч'а.

Задача совещания состояла в «подведении полугодовых итогов работы школ в учете результатов практического преломления решений Сибирского съезда по рабочему образованию, в выявлении ошибок и недочетов, получившихся в процессе практической работы школ и на основе всего этого наметить путей дальнейшей работы».

II.

Основные вопросы, над которыми работало совещание, следующие: постановка производственного обучения в школах ученичества и углепромышленности, пути и формы поднятия техно-педагогической квалификации работников школ, программа, методы школьной работы в разрезе учета реализации материалов сибкурсов; постановка политвоспитания и школьное самоуправление в школе горпромуч'а и вопрос о работе профкурсов.

В части производственного обучения совещание высказалось за изменение порядка производственного обучения. Признано: «первую группу задолжить только на поверхностных работах, которые должны быть организованы следующим образом: подростки зачисляются в штат одного какого-либо цеха предприятия, который совместно со школой, распределяет их для работы на поверхности таким образом, чтобы в течение года подросток мог приобрести основные трудовые навыки для последующей работы в шахте. Месячное количество выходов для первого года 24 по 4 часа каждый. Тарифицируется труд подростка по 3 разряду. Для ознакомления с шахтой проводится ряд экскурсий за счет поверхностных работ. 2-й год работает только в шахте, делая 18 выходов в месяц по 3 часа. 3-й год обучения подростки работают только в шахте, делая 18 выходов в месяц по 4 часа. Совещание особенно резко подчеркнуло недопустимость сдельной оплаты труда подростка в шахте и разнообразия в оплате шахтовой работы и способов повышения по отдельным школам, а также частой смены учебных забоев».

По вопросу — «Методы и программа поднятия техно-педагогической квалификации инструкторов и методы ознакомления педагогов с производством» — совещание сказало: «инструктор производственного обучения должен обладать: а) организационными способностями, достаточным практическим опытом и умением передать этот опыт ученикам, правильно организуя их работу; б) минимумом теоретических сведений из области горного дела; в) элементарными педагогическими навыками».

Отсюда определение направлений работы по поднятию квалификации инструкторов: а) развитие теоретических познаний по горному делу; б) приобретение педагогических навыков в процессе инструктирования.

В целях разрешения этих задач совещание признало необходимым: «организацию летних краткосрочных курсов по переподготовке инструкторов, постановку длительной переподготовки в процессе текущей работы школы и ознакомление педагогов с производством путем организации экскурсий и кружковой работы по изучению его».

«Длительную переподготовку инструкторов проводить путем регулярного вовлечения их в работу школьных организаций (производственные комиссии, учком, учебно-стержневые комиссии, составление заданий, педсовещания) и путем изучения теории горного дела в кружках изучения производства».

Совещание приняло ряд конкретных постановлений по вопросу влияния работы подростков в шахте на его здоровье. Основные из них: включение физкультуры в учебный план, обязательное ее прохождение всеми учениками, организация регулярных ежемесячных медосвидетельствований подростков-учеников и др.

Чрезвычайно ценны постановления совещания по вопросу — «методы преподавания, реализация учебного плана и программы». Касаясь работ школьных педсоветов, совещание констатировало отсутствие единого направления в их работе; дальнейшая работа должна проходить по двум направлениям: а) ежемесячный учет методической и педагогической работы школы; б) проработка вопросов самообразования, как способов повышения квалификации.

В качестве ориентировочного материала совещание рекомендовало школам проработать ряд тем из числа следующих: 1) марксизм и педагогика; 2) изучение подрастающего поколения (на основе «педагогии» Блонского); 3) изучение социально-бытовых условий учащихся; 4) Далтон-план (вопросы практической работы); 5) решения XIV съезда ВКП(б); 6) методы популяризации идей школы горпромуч'а; 7) нот и педагогика (практика применения в школьной работе); 8) обзор периодической, методической и педагогической литературы.

Ряд других постановлений по вопросам преподавания обществоведения в школах и в частности по вопросу о формальных навыках и увязке программ говорит за то, что этим вопросам было уделено достаточно внимания на совещании.

Касаясь вопроса постановки общественно-политического воспитания в школах горпромуч'а совещание констатировало слабую постановку такового ввиду слабого участия учащихся в общественной жизни, отсутствия в большинстве школ тесной увязки между работой обществоведа и местными комсомольскими организациями, текучести состава обществоведов, слабой их квалификации и недостаточного их участия в школьной жизни. Кроме того, оно наметило следующие практические мероприятия: усиление участия учащихся в общественной жизни путем вовлечения их в работу производственных совещаний, добровольческих организаций, улучшение постановки внешкольной работы; налаживание самоуправления и укрепление связи с РЛКСМ.

И, наконец, по вопросу «о профкурсах» совещание констатировало слабость их работы, благодаря недостаточной популяризации идей курсов среди масс рабочих, недостаточного участия хозяйственных, профессиональных и общественных организаций в работе профкурсов, плохой методической работы и т. д. Совещание наметило ряд конкретных мероприятий в части укрепления и улучшения их работы.

Вот в основном работа первого совещания по вопросам ученичества угольной промышленности Сибири.

Нужно пожелать, чтобы принятые постановления были реализованы, дав в результате укрепление и улучшение работы школ горпромуч'а, соответственно с перспективами угольной промышленности Сибири.

М. Звензек.

Материальная база и сеть политпросветучреждений Сибири.

Рассматривая бюджет на политпросветработу Сибири на 1925—26 год и сравнивая его с прошлогодним бюджетом, мы видим рост, увеличение его. Если брать процентное отношение, то имеем увеличение на 27,07 проц. 1924-25 г.—1.409.800 руб.; 1925-26 г.—1.791.403 руб.; больше на 381.603 руб.

Но можем ли мы считать это увеличение достаточным, в пределах, понятно, возможности?

Безусловно, нет. Рост бюджета на политпросветработу в Сибири отстает от общего роста бюджета на дело народного образования.

Бюджет на нар. обр. Сибири вырос за год на 35 проц., на политпросветработу — лишь на 27,07 проц.

Доля бюджета на политпросветработу уменьшена по сравнению с прошлым годом почти на 1 проц. (1924-25 г.—14,7 проц.; 1925-26 г.—13,8 проц.).

Этот недочет должен быть выравнен и в сметах на 1926-27 год, для политпросветучреждений в местном бюджете должна быть, как минимум, доведена до 15 проц.

Если, дальше, мы будем знакомиться с бюджетом округов, выяснять какое место занимает бюджет на политпросветработу в окружных отделах народного образования, то здесь придется отметить чрезвычайную пестроту:

Название округа.	Проц. к бюджету ОНО	Название округа.	Проц. к бюджету ОНО
Тарский	18,5 проц.	Барнаульский	13,3 проц.
Омский	12 »	Бийский	13,8 »
Славгородский	16,2 »	Томский	15,6 »
Барабинский	11,9 »	Кузнецкий	18,1 »
Новосибирский	12,5 »	Минусинский	15,2 »
Каменский	19,2 »	Канский	10,3 »
Рубцовский	9,5 »	Ойротия	19 »
Иркутская губ.	13,1 »		

читальни не имели средств на литературу, сейчас ассигнования, хотя и небольшие (100 руб. районная и 50 руб. сельская на год), имеются.

Таким образом, если мы не можем говорить о расширении бюджетной сети, то во всяком случае можем отметить, что сеть наших бюджетных изб-читален стабилизировалась.

Не будем особо останавливаться на тех округах, где бюджетная сеть изб-читален не увеличилась, или увеличилась на несколько единиц. Но остановимся на некоторых:

1) Дающих **увеличение** бюджетной сети: Барабинск—на 15 единиц, или на 52 проц.

Томский округ на 25 изб-читален, или на 34 проц.

Омский » » 10 » » 20 »

Кузнецкий » » 16 » » 29 »

2) Дающих **понижение** бюджетной сети:

Рубцовский округ . . . на 39 изб-читален, или на 57 проц.

Канский » » 42 » » 51 »

Рассматривая далее бюджетную сеть изб-читален, мы видим, что она не в состоянии удовлетворить культурные потребности населения:

Тарский округ—1 изба-читальня на 57 селений, на 15.877 жителей

Хакасский » 1 » » 41 » » 6.386 »

Омский » 1 » » 31 » » 9.924 »

И в наиболее благополучных в этом отношении округах:

Каменский округ—1 изба-читальня на 7 селений, на 6.162 жителя.

Новосибирский » 1 » » 9 » » 4.838 »

Кузнецкий » 1 » » 12 » » 4.080 »

Славгородский » 1 » » 14 » » 8.082 »

В одном округе одна изба-читальня на 57 селений. В другом—на 7 селений.

Трудно выяснить причины и законы, по которым строилась сеть в различных округах, но, очевидно, никакой закономерности и не было.

Во всяком случае, можем констатировать, что не во всех округах мы имеем бюджетную изб-читальню на бывшую волость.

Одна изба-читальня на 57 селений! Можно ли с такой сетью удовлетворить растущие культурные запросы широких масс населения. Безусловно, нет. И вот стихийно растет сеть внебюджетных изб-читален, на средства населения, общественных организаций; стихийно возникают новые общества «Друзья избы-читальни» (Одесский район Омского округа, в отдельных селениях которого насчитывается несколько десятков членов. Село Брезитское—66 членов и т. д.).

У нас нет еще полных сведений по Сибири о количестве внебюджетных изб-читален и красных уголков, но вот сведения по некоторым округам:

Название округа	Бюджетн. изб-читален.	Внебюджетных	Красн. угол.	На сколько проц. внебюджетн. больше, чем бюджетн.
Кузнецкий	72	—	407	565 проц.
Бийский	62	83	98	292 »
Славгородский	47	3	100	219 »
Хакасский округ	13	—	—	62 »

и т. д.

Нашей задачей сейчас является—во что бы то ни стало охватить своим руководством эти стихийно растущие избы-читальни и красные уголки. А между тем, они предоставлены сами себе, а в ряде округов даже не взяты на учет в районе.

Положение может получиться достаточно серьезное, если мы не примем во что бы то ни стало мер к распространению своего руководящего и контролирующего влияния на всю сеть наших учреждений. Были случаи в практике нашей работы, когда чтением газет населению занимался духовный отец; и можно сильно призадуматься над тем, каков результат этих чтений-бесед с населением.

Районы должны взять на учет все красные уголки, все избы-читальни, должны знать, по чьей инициативе возник красный уголок, кто является его организатором, руководителем. В первую очередь это нужно спросить с тех округов, где имеются специально освобожденные в районах работники—районные организаторы политико-просветительной работы.

Если мы обратимся далее к сети наших районных библиотек, то положение здесь следующее: на 225 районов (волости Иркутской губ. входят в это число) имеем 156 библиотекарей, т. е. даже не в каждом районном центре мы имеем освобожденного библиотекаря.

Что касается ликпунктов, но бюджетная сеть их увеличилась на 21% по сравнению с прошлым годом. Внебюджетная сеть полностью не учтена.

На 255 районов Сибири (включены волости Иркутской губернии) приходится политпросветработников в районных центрах: райполоргов—153, райизбачей—236, райбиблиотекарей—156. Всего 545 работников; в среднем по 2 работника на районный центр (вместо 4).

Районных политпросветорганизаторов нет в Барабинском, Новосибирском, Барнаульском округах и в Ойротии. В Славгородском округе имеются райполорги, но нет райизбачей. В Красноярском, Рубцовском округах нет райбиблиотекарей.

И лишь в 4 округах Сибири имеется по 4 районных политпросветработника: Омский округ, Каменский, Бийский и Ачинский.

Значительные колебания имеем и в зарплате работников:

Название округов	Зарплата в месяц			
	Райполорг	Райизбач	Райбиблиотекарь	Сельский избач
Тарский	—	25	25	19
Омский	—	30 25	27—50	19—25
Славгородский	—	—	—	—
Барабинский	—	24	24	17
Новосибирский	—	33	19—25	17
Каменский	32	24—50	24—50	15—40
Барнаульский	—	27—50	23—10	23—10
Бийский	30	23	23	23
Томский	30—25	27—50	—	25—30
Кузнецкий	45	31	—	27—75
Красноярский	30	17—40	—	15—40
Минусинский	28	23	—	22—50
Канский	25	25	10	15
Рубцовский	30	25	—	25
Ойротской области	—	36 и 82	33	75 и 24

Во внебюджетных избах-читальнях зарплата значительно меньше. Но и в бюджетных значительно отстает от зарплаты учителям. Сторожа в избах-читальнях имеются лишь в двух округах: Омском и Томском. В Омском округе получают — 9р. 50к., в Томском—5 р. 50 к. Значительная часть политпросветработников совмещает, большей частью по партлинии.

В заключение можем отметить, что по сравнению с прошлым годом общее состояние массовых политпросветучреждений улучшилось:

1) Поднята зарплата избачам, библиотекарям. В дальнейшем задачей нашей является уравнивание ставок политпросветработников деревни со ставками учителей.

2) Выделены средства на приобретение литературы.

3) Изба-читальня завоевала симпатии у населения, на что указывает рост красных уголков и внебюджетных изб-читален.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Сибирь в детской литературе.

1.

Перед нами ряд детских книжек, рисующих Сибирь.

И мы считаем себя вправе остановить внимание читателя на этой литературе. Сибирь очень лакомый кусок для писателя. Ее колорит, ее геройская борьба с колчакщиной и т. д. дали неисчерпаемый материал для писателей. Я подчеркиваю — для писателей, но не для творчества, ибо большинство писателей не творят, а халтурят за счет богатой Сибири.

И когда пробегаешь эти книги — сразу бросается в глаза, кто писал ту или другую книгу — сибиряк или человек, может быть, только видевший Сибирь, а больше — слышавший о ней. И когда эту литературу о Сибири преподносят нашим детям, мы должны сказать свое слово.

Вот книжки: Ауслендер — «Дни боевые», «Много вперед», «Ромка»; Быстрова — «Лита»; Громов — «За общее дело — Петька Жиган»; Голубев — «Буря», «Ефимка партизан»; Дорохов — «Белые волки»; Павел Низовой — «В горах Алтая»; Новиков-Прибой — «Зуб за зуб»; Агния Сенч — «Повстанчик»; Урманов — «Ипатовая релка» и др.

Все они рассчитаны на читателя в возрасте от 11 до 15 лет. Все они отражают недавнее прошлое и настоящее революции; рисуют так или иначе гражданскую войну и советский быт Сибири. Общее содержание книжек можно разбить на три группы, по трем основным темам: а) партизанщина («Дни боевые», «Много вперед», «За общее дело», «Ефимка партизан»; частично «Буря», «Белые волки», «В горах Алтая», «Повстанчик» и «Ипатовая релка»); б) советский быт («Лита», «Буря», «Повстанчик»); в) пионерское движение отображают книжки автора этих строк «Большак», «Яшка таежник»^{*}). Других книг по сибирскому пионер-движению мы не знаем.

Попытаемся дать сводку литературного материала по двум группам, поскольку в

третьей группе, кроме книг автора этих строк, других мы не знаем.

Партизанщина. Партизанское движение дается под углом участия детей в этом движении. Здесь видна определенная тенденция авторов не рассказывать, не повествовать о движении, но сделать детей героями движения. В этом основная ошибка авторов. Можно и должно отобразить участие детей в партизанском движении, но нельзя на детях строить партизанского движения, а здесь именно так. Дети **создают** его, дети **создают** благоприятную обстановку для успешного движения партизанов, дети одурачивают белых, **создают** панику и партизанам остается только брать белых живыми в руки. В силу этого получается натянутость, неестественность, шаблонность тем, фактов, отдельных черт. Так, факт проникновения детей в отряд беляков, увод от них дезертиров, унос оружия и т. д. встречается в нескольких местах. Авторы делают своих детей искусственными героями. Они обязательно сверхъестественные люди. У Агнии Сенч повстанчик — Ларька Веткин — даже перерождается из крепкого деревенского парня в сопляка и рожа у него глупеет и сопли из носа текут непрерывно, когда ему надо беляков одурачить. Может быть это пустяк, но во всяком случае он художественно не оправдан и фальшив. А таких мест можно насчитать много и особенно у Громова в рассказе «За общее дело».

Насколько нам известно, в партизанском движении дети принимали значительное участие в качестве разведчиков и даже боевой единицы, но мы не можем придавать столь огромного значения детям в движении, как это делает Громов и др. И это выдвигательство, возведение детей в герои движения неуместно, неправдоподобно, художественно не оправдано и антипедагогично.

Должно дать соответствующую оценку детям партизанам, но отнюдь не выпирать их на роль спасителей, победителей и т. д. Если даже факты геройства и были, им нельзя придавать значения основы развития движения. Надо помнить, что герой создает обстановку, но не наоборот.

^{*}) Говорить о своих книжках в дальнейшем, конечно, считаю невозможным, но указать на существование этого уклона в сибирской детской литературе нахожу нужным.

Еще более отталкивающее впечатление оставляют картины ненужной крови. Авторы льют ее обильно, красочно, смакуя, а между тем, это ничем не вызывается, вклеено плохо, неумело. Рассказ выиграет, если эти места будут выпущены. Автор не учитывает того обстоятельства, что революционный подъем у читателя вызывается не кровавыми сценами, не батальными картинами, но общей концепцией рассказа, общим построением произведения, его внутренним огнем. Без крови, без батальных эффектов, но одним искренне художественным зовом автор может сделать больше, нежели этими ненужными дешевыми аксессуарами. А между тем, Новиков-Прибой в совершенно нехудожественной повести «Зуб-за зуб» закапывает крестьян в землю и торчащим из земли головам дает папироски. Павел Низовой устраивает никому ненужную бойню детей с беляками, когда дети спускают беляков с обрыва в реку, где люди и лошади превращаются в кровавую кашу. И если спросить Низового—зачем это? Он не ответит, потому что этого можно было избежать, оно не нужно в рассказе, плохо увязано с рассказом, не художественно, и вообще создается впечатление, что автор захотелось «побаловаться» кровью.

Думается, что такие сцены крови рисуют бессилие автора, неумение его показать свою мысль в более ярких художественных образах.

А, между тем, у Агнии Сенч в «Повстанчике» есть прекрасное место о «дырке» на голове партизана, которая без батальных ужасов дает большую картину человеческой бойни. И Низовой с Прибоем меркнут здесь перед Сенч.

Создается впечатление, что как будто существует порядок: раз партизанщина, революция—руби головы, лей кровь и в этом все.

Нет, заслуга автора, в особенности детского, без излишней, но неизбежной крови показать партизанщину, обосновать ее.

В этом отношении книжка Прибоя просто не годится для детей, а книжка Низового много теряет в своем интересном построении.

Наряду с кровью мы видим перегиб палки в другую сторону—в sentimentalность. Приходится удивляться, как уживаются эти два несоместимые понятия. А ее много, в частности у Сенч. Автор впадает в ложное умиление своим героем и начинается какая-то партизанская идиллия, карамельная чувствительность. Но особенно нелепа она у Громова в рассказе «За обчье дело». Одно заглавие только что стоит. Рассказ—стиль рабковорской заметки, где все благополучно, все прекрасно. Автор бросает такие фразочки: «Ох, и польется же теперь кровь крестьянская да рабочая. Всю округу зальет»—это

плачет бородатый партизан. Или Петька (13 лет) говорит: Да вы, товарищи, нащеп меня не сумлевайтесь. Ведь и вы, небось, тоже завсегда погибнуть готовы... На то мы и идем. А нешто я не такой же партизан, как и вы. Нешто я хуже вас. Почему такое я не могу погибнуть за обчье дело. Ведь небось все мы сражаемся против белогвардейцев за нашу власть советскую! К тому же и отец мой погиб за нее. А я так завсегда рад народу послужить! Такое время теперя, што мы все должны и старые, и малые в одну точку бить, штоб скорейча шею Колчаку свернуть. А ежели раздумывать будем долго—ничего хорошего не выйдет!»

Сибирские мужики-партизаны отвешивают друг-другу глубокие поклоны, трижды целуются и т. п. дребедень (Громов).

Более свободны от этого греха Низовой, Урманов, Ауслендер.

Допустима ли sentimentalность вообще в детской книжке? Думается—нет. Времена карамзинские мы пережили, смотрим на жизнь трезво, от ее нелепостей, жестокостей не отворачиваемся, наши дети уже знают жизненную борьбу и сладкую сущность детям, у которых есть лозунг: «Всегда готов» и «Клянемся исполнять заветы Ильича»,—нам разводить нечего. Мы можем говорить о романтике творчества, о известном флере поэзии, но не о карамзинских «счастливых швейцарах». А этих «швейцаров» у нас очень и очень много в детской литературе.

Возьмем второй раздел—быт. Материала тут значительно меньше. Вот «Буран»—Голубева, «Ромка»—Ауслендера (рассказы о детских домах); «Повстанчик»—Сенч и «Ипатовая релка»—Урманова (сибирская деревня и коммуна (Сенч); «Лита»—быт Бурятии.

О детдомах. И здесь виден перегиб палки. Авторы стараются доказать, что детдома—это детский рай, из которого выходят новые люди («Буран»). Особенно подчеркивает это Голубев, проводя параллель между колчаковским детдомом и советским. Сплошное черное там, и светлое здесь, несмотря на то, что ребята устраивают забастовки, контр-революцию и т. д.

Берется здесь 20-ый год. Всем нам прекрасно известно, что в 20 году детдома жили из рук вон плохо, дети голодали, бегали из домов. Ряд комиссий, расследований показали, что детдома нужно перестроить, реорганизовать, выгнать руководителей и т. п., поэтому уверения авторов о «райском житье» являются натяжкой, невыгодной ни для читателя, ни для автора.

О детдомах нужно говорить, писать, бичевать, не забывая, однако, их огромного значения, но превращать детдом в детский «рай» недопустимо ни в коей мере. Сопоставьте эти книжки с Сейфуллинскими «Правонарушителями», где вся чернота вы-

перла наружу, но она захватывает читателя, она заставляет его переживать и отнестись с должным уважением к борьбе с беспризорностью. А что здесь? Прочел и забыл. Остался только какой-то кислый осадок о милых деточках.

У Сейфуллиной, что ни правонарушитель—то яркая фигура, которую не забудешь, мимо которой не пройдешь (Гришка Песков), а здесь сплошное бледное пятно, ни одного характера, яркой черты. Нет своего лица, а только говорят по-разному.

Деревню дает Агния Сенч («Повстанчик») и Урманов («Ипатова релка»). Вот здесь должно отметить: пишут сибиряки, а не случайные люди и это чувствуется в каждом слове, движении. Авторы дают крепкую сильную Сибирь с ее суровым колоритом. Агния Сенч дает к тому же нарождающуюся, ищущую пути—дороги—коммуны. Здесь видна борьба старых и новых начал, видны дети. их психология. «Лита» дает жизнь бурятской девочки в бытовой обстановке. Здесь мы имеем много нового, этнографического. Тип девочки сделан удачно.

Об Алтае дает Низовой («В горах Алтая»). Повесть интересна, если выбросить кровавые сцены, но она дает внешний Алтай. Чувствуется что Низовой был там, видел, упивался красотами Алтая, но Алтай не почувствовал. Он запечатлелся у него внешне. Поэтому Низовой не мог дать ни алтайца, ни отдельных этнографических картин (камлание, сцена в юрте и т. д.), ни многого другого и в этом пропала прелесть интересно задуманной повести.

Общая оценка разбираемых вещей не в пользу их. (В сводке исключаем «Повстанчик» и «Ипатова релка»).

Н. А. Саввина.—«Основные направления детской литературы». Изд. Брокгауз-Ефрон, Л. 1926 г. Стр. 126. Ц. 85 коп.

Нет надобности долго и подробно говорить о том, как необходимо просвещенцу знать детскую литературу, как необходимо уметь разбираться в ней, уметь отличать все достойное, пригодное и отвечающее духу времени. Делать это—значило бы ломиться в открытую дверь.

Однако, задача умелого выбора детской литературы—задача не из легких, в особенности в настоящее время, когда вопрос о детской литературе стоит очень остро.

И в самом деле. Современная детская литература еще очень бедна. Новых детских книг почти нет. Школьные библиотеки в значительной своей части имеют лишь старую дореволюционную детскую литературу. Что из этой литературы при-

Главное—Сибири в них не чувствуется (внешне есть у Низовой). Сибирь—трафаретна, по слухам, рассказам других (Громов). Много буквально ляпсусов, показывающих полное незнание автором Сибири. Так, у Громова сибиряки ходят в лаптях, герой продирается через густые заросли орешника в Славгородской степи, останавливаясь возле ели. Прежде всего, Сибирь не знает, что такое орешник, а во-вторых, в Кулундинской степи не найдешь и кустика аршинного. К сведению автора—около с. Сидорки есть сосна—стоит она среди поля, так к ней чуть ли не паломники ходят любоваться. Всеми законами—божескими и человеческими—охраняют ее от порчи со стороны проходящих.

У Голубева—сибирского только то, что действие происходит вблизи города Томска и все. Переставь Томск на Пензу и будет то же... Ни одного штриха, ни одного образа Сибири—ничего. Язык деревянный, трафаретный. Недалеко от них ушли и другие.

Заканчивая обзор, остается констатировать печальный факт—книг много, а хорошего мало. Но все же, несмотря на все недостатки, в этих книгах есть и доброе, крепкое начало, которое дает им право на существование до тех пор, пока не придет им на смену новая книга. Книгу Громова «За общее дело» мы должны отбросить совсем—это неподдельная халтура. Книга Новикова-Прибой—«Зуб-за зуб»—не художественна, агитационна, кровожадна. Рекомендовать ее мы не можем. Лучше—книги Ауслендера и, несмотря на перечисленные недостатки, А. Сенч—«Повстанчик». Особо стоят Быстровой «Лита» и Урманова «Ипатова релка»—их можно смело рекомендовать сибирскому читателю.

Г. Пушкирев.

11.

годно для детей нашего времени? Что есть ценного в этой массе книг, которыми заполнены наши детские школьные библиотеки? Что можно и нужно давать детям для чтения и что необходимо сейчас же выбросить, как совершенно негодное? Вот жизнью выдвинутые вопросы, которые невольно должны возникнуть у всякого просвещенца, имеющего то или иное отношение к детям.

С каким же критерием подойти к отбору наиболее ценного из старой детской беллетристики? Как разобраться в ней? Ведь было бы не под силу сесть и перечитывать все имеющееся.

Помочь в этом отношении сможет рецензируемая нами книжка Н. А. Саввина «Основные направления детской литературы». Вниманию просвещенцев, особенно только что начинающих, мы ее усиленно рекомендуем.

Правда, книга не охватывает всей детской литературы в полном смысле этого слова. Она останавливает внимание читателя лишь на старой дореволюционной беллетристике. В ней не рассматриваются детские книги научно-популярного характера, зоологическая и историческая беллетристика, книги переводные с иностранного. Она не охватывает также и современную детскую литературу. По этим вопросам автор готовит следующие выпуски своей книги.

Однако, несмотря на это, книга очень ценна, так как дает просвещенцу возможность ответить на все вышепоставленные нами вопросы. Ценность и нужность книги усугубляется еще тем обстоятельством, что за последние годы такого обобщающего труда о детской литературе у нас не было.

Выяснив довольно обстоятельно в первой главе своей книги существовавшие принципы критики детских книг, автор приходит к заключению, что самым верным и надежным руководством при критике детских книг должна быть теория исторического материализма. «В деле оценки детской литературы марксизм дает руководящую нить для каждого, изучающего детскую книгу», — говорит автор. С этим критерием он в дальнейшем и ведет все изложение своей книги.

В следующей главе автор переходит к рассмотрению существовавших и существующих направлений в детской литературе. Он разбирает взгляды и выводы таких знатоков детской книги, как Н. В. Чехов и В. Родников, и приходит к заключению, что в детской литературе существуют только три направления: 1) сентиментально-моралистическое, 2) художественно-реалистическое и 3) модернистическое.

В дальнейшем все изложение книги он посвящает рассмотрению этих трех направлений — каждого, в отдельности.

Надо отметить, что автор везде, где это представлялось ему возможным сделать, пытается, иногда с большим трудом, «выдвинуть то или другое направление в историческую обстановку». По его мнению, «детская литература только и может быть понята на основе связи с общей литературой», и детский писатель не может считаться чем-то обособленным от нее. Автор указывает также и на влияние на детскую литературу педагогических теорий данной эпохи.

Художественно-реалистическому направлению детской литературы автором отведено наибольшее количество страниц. И это вполне понятно. Это направление наиболее всего привилось.

Как правило, автор, давая общую характеристику того или иного направления, останавливается, затем, и на характеристике представителей этого направления, а

равно и на их отдельных произведениях. Он всюду дает художественную оценку произведения, выясняет «общественную стоимость» его, отмечает пригодность его для использования в настоящее время.

В своих обзорах автор останавливается на детских книгах, написанных педагогами, специально детскими писателями, а также и указывает на вполне доступные для детей произведения наших крупных художников слова, при чем в первую очередь разбираются произведения наиболее характерных представителей данного направления. Таким образом, автором рассмотрены, хотя не всегда и везде подробно, произведения наиболее крупных детских писателей. Всего в книге упоминается до 80 имен авторов.

Правда, в своих обзорах автор сознательно был очень краток. Он намеренно избегал «мелочей». Иногда он ограничивается лишь только указанием автора и его наиболее характерных произведений. Но эта краткость, почти конспективность изложения книги, является, на наш взгляд, ее достоинством. Читатели при этом условии скорее разберутся в массе громадного материала и легче усвоят «картину внутренней жизни литературы».

В конце книги приложен указатель произведений детской литературы, не утрачивших своего значения и в настоящее время. Кроме этого, дан список авторов, упоминающихся в книге.

Несмотря на конспективность изложения, книга читается легко и с большим интересом. Просвещенцу она необходима.

Будем надеяться, что обещанный автором второй выпуск книги о современной детской литературе — не заставит себя долго ждать.

Орловский.

А. В. Миртов. — «Уменье говорить публично». Изд. 2-ое дополненное. Моск. Акц. изд. Об-во, М.—Л., 1925 г. Тираж 6.000 экз. Стр. 96. Ц. 50 коп.

Небольшая, но очень полезная книжечка тов. Миртова расходуется уже вторым изданием. Это показатель того, что книжка нужна и вполне своевременна. Нам думается, что и просвещенец, в особенности сельский и только что начинающий, должен обратить на нее свое внимание. Она необходима ему. И действительно, жизнь в новых условиях побуждает просвещенца не замыкаться в свою скорлупу, заставляет его не ограничиваться только стенами школы. Она настойчиво диктует ему необходимость быть общественником, выступать публично. Отсюда — уменье владеть речью, уменье говорить и пользоваться могучим оружием — живым словом — является одной из первоочередных задач в самообразовательной работе просвещенца.

Книга т. Миртова тем и ценна, что она учит этому уменье говорить. В ней даны

практические указания, как вести лекции, произносить речи, делать доклады, выступать в диспутах и т. п.

Все содержание книги распадается на девять глав: 1. Живое слово. 2. Оратор. 3. Аудитория. 4. Речь. 5. Доклад. 6. Диспут. 7. Организация ораторского кружка. 8. Выводы. 9. Добавления. Каждая глава разделяется в свою очередь на параграфы, трактующие тот или иной вопрос данной главы.

В конце книги автор сделал выводы (глава 8) из всего им сказанного. Выводы

эти даны в виде отдельных коротких легко запоминаемых фраз-лозунгов.

В добавлениях к книге, между прочим, даны примерные схемы—докладов, траурных речей, воззваний, приветствий.

Интересная и полезная своими практическими указаниями книжка т. Миртова, несомненно, найдет спрос среди просветителей. Цена ее—50 коп.—не дорога. Приобрести ее следует.

Ор—ский.

III.

Среди журналов для самообразования.

«Вестник Знания». Иллюстриров. популярно-научный журнал. Ответств. редактор академ. В. М. Бехтерев. Срок выхода два раза в месяц. Ленинград. Подписная цена за год 6 руб.

С января месяца 1925 года начал выходить в Ленинграде интересный журнал для самообразования под редакцией академика-профессора Вл. М. Бехтерева. Просматривая вышедшие номера этого журнала, следует сказать, что подбор статей не оставляет желать лучшего, выпукло видна опытная рука маститого деятеля науки.

Популяризация научных статей, ясность, доступность и увлекательность изложения не так то легко достигаются, но журнал взял верный путь и не сошел с него в продолжение целого года. Большинство напечатанных статей имеют подписи академиков и профессоров: Вагнера, Вейнберга, Генкеля, Глазенапа, Грузенберга, Лержавина, Ковалевского, Кони, Котляревского, Колосовского, Никольского, Ольденбурга, Платонова, Тана, Ферсмана, Фрейкеля, Шмидта, Штейнберга—эти имена говорят сами за себя.

Короткие (в 2-6 страниц) статьи на научные темы отличаются простотой изложения и живой ясностью, чему в большей степени помогают художественно исполненные рисунки, схемы и чертежи. С внешней стороны журнал изящен и деловитоскопен.

Ищущим знаний и научного чтения рабочему и нашей молодежи очень не мешает поближе познакомиться с этим недорогим и серьезным журналом. Заинтересованных направляем в редакцию: Ленинград, Стремянная, № 8, откуда вышлют подробные сведения.

Журнал «В. З.» продолжает выходить и в настоящем году; на 1926 г. уже объявлена подписка на льготных условиях. В этом году, помимо 24-х обычных номеров, журнал дает в приложении 12 книг вполне законченного и иллюстрированного 2500 рисунками и 20-ю красочными таблицами

энциклопедического словаря под заголовком «Малый Брокгауз». Такое приложение может дать только журнал, обеспеченный большим тиражем, и мы надеемся, что, судя по содержанию и внешнему виду, он будет иметь заслуженный успех.

«Помощь самообразованию». Ежем. журн. О. П. С. Главполитпросвета. Ответств. редактор—Н. К. Крупская, Н. Заровнядный, А. Станчинский, В. Фрейман, В. Юдовский. Подписная цена на год 4 руб. 80 к.

Все статьи, напечатанные в номерах журнала за истекшие два года издания, отражают его основные задачи: во-первых, оказывать помощь в общественно-политическом самообразовании членам ВКП, РЛКСМ и беспартийным рабочим и крестьянам, во-вторых—освещать вопросы организации и помощи самообразованию со стороны партийных, профессиональных и советских организаций и политико-просветительных учреждений.

Для иллюстрации сказанного возьмем на удачу несколько статей, помещенных в 1924-25 г.г., например: Ребельский—Азбука умственного труда; Остерман—Как вести занятия в сельско-хозяйственных кружках; Кузьмин—Деревенская парт'ячейка и самообразование; Стривевская—Самообразование сельского учителя; Введенский—Заочное обучение русскому языку.

По плану издания журнал разбивается на семь отделов: 1) Организация работы, 2) Методика работы, 3) Практика работы, 4) За границей, 5) Библиография, 6) Переписка с читателем, 7) Инструктивный отдел. Кроме этого редакция дает ответы и разъяснения на все вопросы читателей, касающиеся самообразования, и берет на себя заочное руководство кружковыми занятиями по программе журнала.

«Человек и природа». Популярный естественно-научный журнал. Редакторы: профессор Г. Г. Боссе, Б. М. Козо-Полянский, А. С. Михайлович и А. В. Немилов. Ленизгиз. Ежемесячно. Подписн. цена 8 руб. за год.

В пояснение характера журнала в подзаголовке каждого номера значително, что он популярный, а между тем, прочтя ряд статей, согласиться с этим вполне нельзя.

Конечно, по своему содержанию большинство статей построены на основе несомненных научных данных, но написаны они непопулярно. Как на пример, укажем на следующие статьи: А. А. Седов—Специфический и неспецифический иммунитет (№ 10, 1924 г.); проф. Лодж—Внутриатомная энергия (там же); проф. Кржишковский—Деятельность мозга в свете учения о внутренней секреции (№ 10, 1925 года); А. И. Лобус—Опыт сексуального воспитания школьников (там же). Как видим, здесь не только содержание, но и заглавия статей не легко будут усвоены малоподготовленным читателем; таких статей с совершенно научным изложением в общей массе напечатанного весьма немного, но все же это не вполне согласуется с объявлением редакции журнала, что последний «ставит своей главной задачей и основной целью сделать его органом естественно-научной мысли для широких кругов рабочих и трудящихся».

Помимо разнообразных научных статей, он отвечает на все вопросы современной жизни. Обращают на себя внимание богато представленные отделы: Научные новости, Научная хроника, Новости техники. В них даются вполне обоснованные сведения в области открытий и научных опытов, снабженные превосходными клише.

«Искра». Общедоступный научный журнал. Ежемесячно. Редактор—проф. Н. Н. Андреев, ГИЗ, Москва. Подписная плата за год 4 руб. 80 коп.

В 1926 году журнал «Искра» начинает четвертый год издания. В программу журнала входит ознакомление читателей с успехами и новостями науки и техники. Журнал рассчитан, главным образом, на рабочих, рабочую молодежь и учащихся.

Для выявления лица журнала приводим несколько статей, напечатанных в 1924-25 г.г., например: Чем живет земля—Г. Г. Боссэ; Запасы энергии земного шара—С. Д. Свенчанского; Солнечный двигатель—Д. Д. Галанина; Электрические колебания—Н. Н. Андреева; Ночной полет—В. С. Кузнецова. Среди постоянных сотрудников журнала особой популярностью в массе читателей пользуются: профессор Н. Н. Андреев, доктор Н. А. Бернштейн, проф. Г. Г. Боссэ, проф. П. П. Будников, М. А. Гремяцкий, С. Т. Конобеевский, проф. Б. М. Лобач-Жученко, Н. Н. Подъяпольский, С. Д. Свенчанский, проф. Н. А. Семашко, Я. А. Яковлев, — которыми общедоступно и увлекательно излагаются научные вопросы из области физики, химии, биологии, организации труда и экономики. Журнал хорошо иллюстрирован портретами, рисунками и чертежами, печатается на глазированной бумаге и вообще имеет весьма привлекательный вид.

Вар.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Общий отдел.

Г. Вейсберг.—Очередные вопросы	3
Леший.—Наши задачи	8

Методы просветительной работы.

П. Замараева.—Способы изучения детской книги	12
Н. Леший.—Агитационные кампании в деревне и как их проводить	19

Практика просвещения и быт.

Сильвич.—Как работают школы по программе Гус'а	22
К. Никулин.—Учет годичной работы школы	39
О. Петропавловская.—Проработка комплексных тем методом ячеек	45
И. Лаврентьев.—Вопросы клубной работы	48
Б. Васильев.—Союзная работа в деревне	52
А. Чунар.—С природы	56
Б. Васильев.—О культработе в нашем союзе	57

Коммунистическое детское движение.

Н. Степанов.—Очередные задачи детского коммунистич. движения	59
Вдовин и А. Пугачев.—Деткор в школе	63
В. Вдовин.—Работа редколлегий стенгазет	64

Переподготовка просвещенцев.

А. Сливко.—О летних курсах	66
--------------------------------------	----

Краеведение.

А. И. Грузных.—Краеведение в массовой сельской школе	69
--	----

Хроника.

Гайсин.—Побольше внимания	84
П.—Краеведческий учебник	85
И. О. Нерод.—Сибирское совещание по работе школ горпромуча	87
М. Звензек.—Материальная база и сеть политпросветучреждений Сибири	89

Критика и библиография.

Г. Пушнарев.—Сибирь в детской литературе. Орловский—Н. А. Саввин.—«Основные направления детской литературы» Орский.—Миртов. «Уменьше говорить публично» Ваг.—Среди журналов для самообразования	93
---	----

Продолжается подписка
на 1926 год
на ежемесячный журнал

„Просвещение на Транспорте“

Пятый год издания.

**Орган Центрального Управления по Просвещению
на Транспорте.**

Журнал выходит при ближайшем участии лучших методистов Москвы, Ленинграда, Харькова и провинции, а также при активном сотрудничестве массового учительства.

Постоянные отделы журнала: I. Общие вопросы просвещения. II. Социальное воспитание. III. Профтехническое образование. IV. Политпросветработа. V. Вопросы охраны здоровья детей и физкультуры. VI. Обмен опытом. VII. Нам пишут. VIII. Среди просвещенцев. IX. Вопросы и ответы. X. Съезды и конференции. XI. Хроника центра. XII. На местах. XIII. Среди книг и журналов. XIV. Почтовый ящик.

Из отзывов печати

«Педагогический журнал Цутранпроса дает исчерпывающие материалы по организации производственных учебных планов, по увязке теоретического материала с производственным обучением. Имея обычные отделы. «Просвещение на Транспорте» уделяет большое внимание методам и программным материалам транспортной специализации... Методическая разработка подобных вопросов, конечно, вызывается требованиями преподавания и представляет исключительный интерес, ибо утончение методов ведет к экономии сил и времени.

И остальные отделы, в которых сотрудничают видные методисты и практики, ставят вопросы педагогической теории и практики, которые так волнуют учительские массы. Привлечение опыта местных работников, старательная фиксация достижений массовой школы оживляет журнал, превращая его в методическую трибуну.

В отделе «библиография» дается подбор литературы по отдельным вопросам, интересующим школу (школьная кооперация, библиография к работам школ в весенне-летний триместр, методика и практика экскурсионного дела, книги по краеведению, указатель пособий по устройству революционных праздников и вечеров).

Журнал, как единственный орган производственного просвещения на транспорте, заслуживает внимания не только транспортных просвещенцев».

(«Правда», 21 июня 1925 г., № 139).

«...Надо пожелать журналу широкого распространения за пределами транспорта, ибо по своему всестороннему содержанию он сможет удовлетворить запросы и работников по просвещению взрослых и по политработе. Что же касается интересующихся специально «НОТ» и, в частности, психотехникой в школе, то им этот журнал будет особенно полезен».

(«Книгоноша», № 29, 1924 г. Стр. 8).

Условия подписки на ежемесячный журнал «Просвещение на Транспорте»:
На 1 год—9 руб., на 6 мес.—5 р., на 3 мес.—3 р., на 1 мес.—1 р.
Для транспортных органов просвещения и всех работников просвещения устанавливается льготная подписка: на 1 год—7 р., на 6 мес.—4 р., на 3 мес.—2 р. 20 к., на 1 мес.—75 к. Розничная цена каждого номера—1 рубль.

Заказы и подписка принимаются: в Коммерческом Отделе Транспечати—Москва, Б. Лубянка, 15/22; в Центральном книжном магазине Транспечати—Никольская, 17 ц, во всех агентствах и магазинах Транспечати на местах и во всех почтово-телеграфных конторах СССР, а в Новосибирске—Красный пр. № 26—Транспечать НКПС.